

Сергей Бабернов

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я слишком долго возвращался. Я слишком долго ощущал себя живым. Я слишком долго не мог вспомнить. Я слишком долго не слышал чужих слов. Цеплялся за иллюзию. Теперь всё позади. Синюшное тело Игоря. Изуродованный труп Барыбина. Альберт ещё корчится в ванной заполненной битым стеклом. Бутылки пригодились. Жизнь покидает его неохотно. По капельке. Скоро он присоединится к своим друзьям...

Сергей Бабернов
Возвращение

ВСТУПЛЕНИЕ

Чернильное октябрьское небо не уставало плевать в оконное стекло промозглым дождём. Жёлтое пятно готового вот-вот погаснуть фонаря запуталось в костлявых пальцах деревьев. Оно не столько разгоняло мглу, сколько доказывало её силу и вязкость. Холодные батареи, тусклый свет ночника и наводящее тоску мерцание телевизионного экрана в соседней комнате делали квартиру похожей на древний склеп. По крайней мере, на то, как я представлял себе подобное архитектурное сооружение изнутри.

— Рассказал бы что-нибудь, — Алла сидела на кровати, поджав ноги, и красила губы. — Скука с тобой смертная! Вот когда в меня наш учитель химии влюбился...

— Что за учитель? — я оторвался от тёмного окна.

— А то ты не знаешь. В одной школе учились.

— Этот урод двухметровый? Он у нас не вёл.

— Урод? — уголок только что покрашенных губ изогнулся. — Завидуешь видному мужчине, вот и всё.

— Хватит языком молоть, непутёвая! — голос из соседней комнаты заглушил бормотание телевизора. — Дуришь парню голову! А ты не верь ей, внучек. Нужна она тому учителю.

— Я не особо и поверил, Алла Александровна.

— Хватит, — Алла закончила макияж и теперь застыла перед открытым шкафом. — Нечего подслушивать! Смотришь свою Изауру? Вот и смотри! А ты что уставился?! — набросилась она на меня. — Может, разрешишь переодеться?

Я ретировался в соседнюю комнату. Алла Александровна, дальняя родственница — моя и девушки, всецело погрузилась в развязку бразильских страстей, что, впрочем, не мешало ей контролировать разговор в соседней комнате.

— Ты не обращай на неё внимания, — пожилая женщина не отрывалась от экрана, где главная героиня проливала очередное ведро слёз и, вопреки проискам негодяев, обретала счастье. — Она выдумывать мастер. Родителей опять же два года дома не было... Распустилась. Ты бы ей не позволял собой вертеть. Обоим на пользу пойдёт.

Я тактично хмыкнул. В отличие от Аллы, я не ощущал особых родственных связей со старушкой, потому вёл себя нейтрально. Даже отчуждённо.

— Ты чем там занимаешься? — послышалось из комнаты девушки. — Против собственной внучки настраиваешь? Это тебя в сериалах научили?

— Жизнь меня научила. Тебе без хорошей узды нельзя. Вы мне оба внуки. Обоим добра желаю.

Это заявление (не про добро, а про внуков) вызвало у меня улыбку. Городишко Калиновск возник лет сорок назад, сменив деревню, население которой составляли две семьи разместившиеся в десяти домишках. Они, хотя и растворившиеся среди сотен и тысяч приехавших со всей страны строителей, а позже работников режимного предприятия, всё равно считались отцами основателями.

Больше половины города теперь родня. Здесь можно встретить десятиуродного дядюшку одновременно и по материнской, и по отцовской линии. Такой вот «близкий» родственник, истекая радостью, полезет обниматься посреди улицы, выложит кучу новостей о дальней родне, потребует отчёта о жизни известных мне представителей клана и в

заклучение, на правах старшего, даст несколько наставлений. Меня подобные изъвления родственных чувств поначалу смешили, потом начали раздражать, потом я начал вести себя при встречах подчёркнуто холодно. Я стал изгоем. Родство со мной вспоминала только Алла Александровна. Да и то, благодаря оставленной на её попечение трижды внучатой племяннице Аллы.

Алла... Вот уж к кому я не испытывал братской любви. Мной двигали совершенно другие чувства. Страсть семнадцатилетних — цунами не признающее преград и сметающее всё на своём пути. Этот порыв стихии, правда, скоротечен и не оставляет ничего, кроме руин... Но какова мощь!

— Ну, прогуляемся? — предмет моих мечтаний появился в дверях комнаты.

— Что в такую непогоду по улицам шляться? — заворчала Алла Александровна.

— Бабуль, — девушка оказалась у стула старушки и чмокнула её в щёку. — Ты словно сама молодой не была.

— Вот потому-то и опасаясь. Не будет добра с вашей дружбы.

— Мы же оба непутёвые, — Алла подмигнула мне. — Так род герцогов Калиновских постановил? А ты, вдовствующая королева, приставлена блюсти нашу непорочность. Так?

— Хватит, балаболка! Идите — мокните.

* * *

— Достало это болото! — мы выбирали свободные от озёроподобных луж клочки асфальта. Мне то и дело приходилось брать Аллу за руку. Чёрт возьми, при таком раскладе я готов был всю ночь скакать по нашей среднерусской Венеции.

— Ну что это за дыра! — Алла застыла на побережье очередной лужи. — Даже пойти некуда! Или дома сиди, или броди в темноте с мокрыми ногами.

— Может в кино, — предложил я.

— Ага, поломанные кресла, пьяный гогот и кино урывками. Надоело!

Она была права, потому я молча помог перебраться ей через лужу. Действительно, выбор развлечений невелик. Кроме вышеупомянутых киносеансов — дискотека по субботам, с пьяным мордобоем в туалете (дуэли на фоне кафеля) и посиделки в вонючих подвалах, где тысячный раз обсуждается, кто кого уделал и кто кому рога поотшибал...

— Ненавижу эту дыру. Только бы отсюда выбраться. Хоть когда-нибудь! Пойдём на наше место?

Я вздрогнул. Наше место! Сильно сказано! Это было её место, но ни как не моё. Я боялся и ненавидел минуты, когда мы через чердак единственной четырнадцатэтажки вылезали на плоскую крышу. Я не сомневался, что когда-нибудь порыв ветра сбросит нас оттуда. На залитый лужами асфальт. Если бы не Алла, никогда бы туда не пошёл.

Она обожала гулять по краю крыши. В эти минуты душивший, давивший однообразием город ложился у её ног. Щёки её горели, ветер трепал волосы. Мне казалось, ещё секунда и с её пальцев сорвутся молнии, сжигая и руша город, укравший и переваривший в своём болотном чреве восемнадцать лет её жизни. Самое страшное, собирающийся утопить в трясине будней всю жизнь — её, мою и прочих «родственников».

— Ты собираешься отсюда смыться? — она прогуливалась по самому краю крыши. При каждом шаге моё сердце подскакивало к горлу. Мокрый гудрон и высокие каблуки не самое лучшее сочетание для балансирования на краю пропасти.

— Куда? — выдавил я, застыв у чердачного лаза.

— Куда угодно! Где живут по-человечески!

— Мне ещё в армию...

— А после?

— Не знаю.

— И он стихи пишет! Мне бы твои способности! — Алла дошла до угла, развернулась с угрожающей стремительностью. Я поклялся на следующую такую прогулку выкрасть из родительской аптечки валидол. — Я тогда бы точно здесь не сидела. В литературный поступи. В Москве. Там общага. И в армию идти не надо.

— А ты?

— Что я?

— Ты... здесь...

— О, Господи! А если я здесь до пенсии проторчу? Мне, кстати, родители в прошлый приезд жениха присмотрели.

— Что?!

— Что слышал.

Я на мгновение забыл и о порывах ветра, и о дожде.

— Вот видишь, как плохо в отщепенцы записываться, — продолжала девушка. — Знаешь кто он? Братец твой чевероюродный. Игорёк.

— Он... он... Взрослый!

— А ты думал — свадьбы между детьми справляют? К тому же, предки считают, что муж должен быть старше. Лет на пять минимум.

— А ты?

— Нужен он мне сто лет. Лысый! Кроме машины своей ничего не замечает.

Я выдохнул. Если Алла заявила «нет» — никакие родители её не убедят. Но какова подлость! Аллу — за этого тюфяка!

— Ещё мне Алик предлагал уехать, — распускающиеся крылья были безжалостно сломаны. Алик — не виртуальный учитель химии. Он с двумя приятелями-дегенератами с недавних пор взялся ухаживать за моей дамой сердца. Ему я не конкурент! Он из приезжих. Но не в том дело. Семья Краповых, так, кажется, они прозывались, не только вписалась в ряды калиновских «родственников», они даже устроили небольшую революцию. Открыли кооперативный ларёк. Где-то, может, событие рядовое. В Калиновске — сенсация. Днём на прохожих взирали Саманта Фокс, Сабрина. «KISS» (с плакатов естественно), малышня, да и взрослые тоже, плющили носы о стекло, разглядывая цветные значки, галстуки-верёвочки, коробки с буржуйскими надписями и прочую требуху, а вечером... Вечером здесь можно было до самой полночи купить (неофициально, конечно) спиртное. Серьёзной конкуренции бабушкам-самогонщицам Краповы не составили, но стабильный доход получили. Откуда иначе у двадцатилетнего оболтуса Алика взялась «девятка»? Да и одевался он... Такой любой девушке голову вскружит!

— Его предки собираются вторую точку открывать, — в крышку моего гроба вбивался новый гвоздь. — Она уже Аликова будет. Он кооперативную квартиру в Москве хочет купить, иномарку подержанную... Тебя что, «кандратий» хватил?

— Всё в порядке, — у меня нашлись силы ворочать языком, даже голос, кажется, не особо дрожал. — Ну и когда?

— Что когда?

— Когда вы уезжаете?

— Ну, кооператив-то ещё не куплен. И, вообще... Пошёл он, урод!

— Не понял...

— Ну, куда уж тебе в своих облаках наши проблемы понимать! Мокла бы я сейчас здесь кое с кем, если бы он мне нужен был?

— Ты хочешь сказать...

— Я тебе не Татьяна Ларина!

Кожу обожгло. Голова закружилась. Ветер, морозящий дождь, чернильное небо исчезли. Была только её стройная фигура, заслонившая внезапно появившиеся созвездия. Её спутанные ветром и влажные от дождя волосы. Чуть приоткрытые губы. Ждущие глаза. Я набрал полную грудь воздуха.

— Алла, я люблю тебя! — говорил кто-то другой, я не узнавал собственного голоса. — Только тебя! Если я уеду, я обязательно вернусь за тобой. Вернусь и увезу!

— Вернёшься?

— Обязательно вернусь! Через три года, через пять, через десять!

— Я буду ждать.

Я шагнул к ней. Я видел только её губы и глаза. Зовущие к себе глаза.

Вдруг её взгляд изменился. Страх? Паника? Что с ней? Она увидела что-то за моей спиной? Что-то явившееся из чердачного лаза?

— Тебя кто звал?! — голос её дрожал.

Я попытался обернуться. Что-то ударило меня в спину. Что-то более сильное, чем порыв ветра. Я не смог устоять и полетел прямо на Аллу. Чудом я ухватился за мачту антенны. Пальцы скользнули по мокрому металлу. Я падал на выступавший из гудрона край кирпича. Последнее что я помнил — чёрная тень и душераздирающий визг.

Осенний город похож на мертвеца. Особенно, когда в глаза настырно лезут праздничные витрины и неоновые вывески. Они — призрак. Призрак чего-то радостного и лёгкого. Призрак, который исчезает с очередной порцией промозглой измороси.

Я в сотый раз обходил площадь Курского вокзала. Дважды у меня проверили документы. Я отклонил полсотни приглашений войти в долю и согреться. Еле отвязался от различного возраста и пола попрошаек. Скоро на меня перестали обращать внимания и милиционеры, и выпивохи, и бомжи. Я превратился в часть осеннего ненастного вечера, такую же бесполезную, как мелкий дождь.

Ещё три часа назад я где-то жил, где-то работал. Меня любили. Обо мне заботились. Наверное, даже уважали, не обращая внимания на мои причуды. Я убежал. В который раз? Сбился со счёта. Моя жизнь череда побегов и передышек. От кого я бегу? Не знаю. За кем? Не имею понятия. Может за призраком? За каким-то неясным неоновым-витринным образом? Образом, который и сам толком не представляю.

В который раз, там, где-то в другой жизни, которая теперь кажется сном, чьи-то порушенные надежды, оплёванная забота и скандальный исход.

Во внутреннем кармане лежат пять зелёных бумажек с портретом Бенджамена Франклина — сумма, откладывавшаяся на что-то там жутко современное и необходимое в домашнем хозяйстве, паспорт, записная книжка, сигареты... Стоп! Сигарет-то и нет! Я отступал слишком поспешно. Ещё бы, через три дня свадьба! Которая по счёту, и сорванная по моей вине? Сколько раз я уже, подобно призраку, исчезал из жизни привязавшейся ко мне женщины. Почему? Может, послать этот вопрос в интеллектуальное шоу? Их сейчас много. Пусть умные люди поломают голову.

Нет, срочно нужны сигареты! Когда выкурена последняя? Как только вышел из метро. А сколько кружу по площади? С ума сойти! Как только не окочурился до сих пор?! Закон подлости — в кармане ни рубля. Только валюта Северо-Американских Соединённых Штатов — мирового агрессора, как говаривали во времена моей юности престарелые лекторы.

Я оглянулся в поисках обменного пункта. Заветная красно-жёлтая табличка подмигивала с противоположенного конца площади. Измученный никотиновым голодом я поплёлся туда.

— Не подскажите, где детская больница? — сверкнуло что-то мне в лицо, когда я пересчитывал отечественные купюры, полученные за одного из Франклинов.

— Что? — я вздрогнул от неожиданности.

Передо мной стояла молоденькая цыганка, закутанная в цветастую шаль, с златозубой улыбкой на устах и тряпичным кулём в руках.

— Больница? — я спрятал деньги во внутренний карман. — Я не местный.

— Ой, беда на тебе, касатик, — затараторила правнучка Земфиры. — Большая беда. Сам ещё не знаешь. Враг у тебя сильный. Злой очень. И сглаз на тебе, и порча. Болезнь страшная рядом, — я не успел и глазом моргнуть, как смуглокожая норна выдернула у меня волос. — Ой, жалко тебя, касатик, — она даже прослезилась. — Ой, пропадёшь, молодой, красивый! Дай на молоко ребёночку — всю тебе правду скажу. Что было, что есть, что будет. Укажу завистника. Тысячу раз Любу вспомнишь! Тысячу раз спасибо скажешь!

Не понимая, что делаю, я достал сторублёвую купюру. Она мгновенно исчезла в

лохмотьях младенца. Тут началось невообразимое. Соотечественница Будулая, говорившая до этого без малейшего акцента, вдруг перешла на тарабарское наречие, изредка разбавляемое с трудом различимыми обещаниями несчастий. Я понимал, что меня дурят, но ничего поделать не мог. Я беспомощно наблюдал то за сверкающими зубами цыганки, то за исчезающими в лохмотьях деньгами. Моими деньгами.

«Только бы до баксов не добралась!» — засело у меня в мозгу.

Прохожие поглядывали на нас кто с сочувствием, кто с насмешкой. Милицейский патруль тактично отвернулся, заметив сеанс предсказания. Я зачарованно смотрел, как смуглая ладошка юркнула в мой внутренний карман и вытянула четыре оставшихся портрета второго президента США.

— Ну, и долго тебя разводить будут? — услышал я.

Рука цыганки застыла. Я повернул голову. Рядом стоял высокий, широкоплечий парень. Длинные тёмные волосы, нос с горбинкой. Правое веко слегка подёргивалось, отчего его карие глаза казались безумными. Он тряхнул волосами:

— Положи, где взяла!

Доллары вернулись на место.

— Всё заberi! — лепетала цыганка. — Не нужно от тебя ничего! Уходи только! — она выглядела испуганной, только смотрела почему-то на меня, а не на неожиданного заступника. — Уходи подальше, Христом Богом молю!

— Остальное! — незнакомец кивнул на тряпичный куль.

Цыганка сунула мне пачку сторублёвок и бросилась бежать, лавируя между прохожими, подобно хорошему горнолыжнику на сложной трассе.

— Так с ними и надо, сынок! — одобрил пожилой мужчина. — Отбились от рук. Работать не хотят.

— Валил бы ты отсюда, дед, — беззлобно ответил спаситель моих финансов. — Цирк кончился.

— Ты как разговариваешь, хулиган?! — возмутился пенсионер. — Да я тебе...

— Сказано — отвали.

Пыхтящий старик поплёлся прочь, бормоча что-то о молодёжи.

— Спасибо вам, конечно, — произнёс я. — Но зря вы с ним так.

— Когда тебя обували — он в сторонке стоял, а теперь подскочил. Стервятники!

— Даже не знаю как вас...

— Потом поговорим, — перебил незнакомец. — Этот Нострадамус из Марьинского табора инквизиторов ведёт.

Я проследил за взглядом парня. Цыганка возвращалась. Уже без младенца, но с двумя патрульными.

— Менты у них крышуют, — скривил губы парень. — Давай-ка ноги уносить. Не то нам такое предскажут...

Я никогда не считал себя низкорослым, но незнакомец оказался выше чуть ли не на голову. Тем не менее, я мог только подивиться его умению растворяться в толпе. Я едва поспевал за скользящей тенью. Его никто не замечал. Зато я чувствовал себя голым посреди Первомайской демонстрации. Казалось, взгляды всей площади прикованы именно ко мне. Оглядываться я не решался, уже чувствуя между лопаток удар каучуковой дубинки и крепкий милицейский ботинок на копчике.

Мы проскочили несколько подземных переходов, пересекли бесчисленное количество

грязных дворики и оказались... С противоположенной стороны вокзала. У платформ Курского и Горьковского направления.

— Теперь пусть поищут, — хмыкнул незнакомец. — Много она у тебя вытянуть хотела?

— Пятьсот.

— Пятьсот «зелёных»? План «Перехват» объявлять не будут, но поостеречься стоит, — он на мгновение задумался. — Действуем так: спускаемся вниз — подземные менты с уличными в делах бизнеса не контактируют, проскочим в метро, а там — прости-прощай! Разбежимся каждый к себе.

— Мне вроде некуда бежать.

— Бомж?

— Из дома ушёл.

— Очень вовремя! И перекантоваться не у кого?

— Не хотелось бы обнаруживать себя. Понимаете у нас с моей... гм... Не важно. Не у кого. Может быть, вы могли бы... Я заплачу.

Он смотрел на меня минуты три, потом вдруг расхохотался.

— Дело в том, приятель, — он вытер слезящиеся глаза, — что я тоже вроде как из-под венца сбежал... И тоже... гм...

— Почему вы решили...

— Прекрати выкать! Меня зовут Сид. Запомнить просто.

— Очень приятно, Сид. Я — Александр. Так почему вы... ты решил, что я...

— Это твои проблемы, парень! Тебе, действительно, не у кого переночевать?

— Есть один приятель. Хотя...

— Попытка, не пытка. Двигаем к телефону

Я удивлялся Сиду. Он шёл так, словно ничего не случилось. Я, по правде говоря, переставал дышать даже перед форменными фуражками носильщиков. Что это? Ужас перед представителями власти? Реакция мухи, случайно влетевшей в дом? Сколько ни кружи — всё равно прихлопнут. Повезёт — сдохнешь, попав между рамами или наглотавшись «Дихлофоса». Мы все мухи. Это я понял семнадцать лет назад. Перед пауками и прочими хищниками мы виноваты уже лишь потому, что появились на свет и осмеливаемся жужжать.

— Номер помнишь? — Сид остановился перед прозрачной кабинкой.

Я полез за записной книжкой, и только тут вспомнил из-за чего всё началось. Сигареты.

— У тебя закурить не будет?

Левая бровь парня изогнулась. Он пробежался по многочисленным карманам кожаной куртки. Я с надеждой смотрел, как Сид застёгивает, расстёгивает массивные молнии.

— Пустой, — сообщил он, завершив поиски в карманах коричневых кожаных штанов. — Самое смешное — я шёл за сигаретами, когда твои проблемы заметил. Значит так, — мой новый знакомец оказался на редкость деятельным человеком. — Я иду за куревом, чего-нибудь ещё прикуплю. Для релаксации, так сказать. Ты пока звони. Карта есть?

Мы одновременно запустили руки в карманы и достали телефонные карты. Усмехнулись.

— Ладно, действуй! — Сид растворился в толпе.

Я перелистывал книжку: Аркадий Яковлевич, Владимир Борисович, Гена, Даша. Всего семь цифр отделяло меня от сносного ужина и тёплого жилья. Но... Я познакомился с ними, благодаря несостоявшейся супруге. Моё бегство уже достояние гласности, и если кто-то из них согласится помочь, то сразу же наберёт другой номер. Номер, который до сегодняшнего вечера я считал своим. Номер, от которого я отказался.

Данила. Может быть он. Человек, занимающийся переводами для слепых, не должен быть болтливым. Его тоже считают странноватым. Вдруг да найдём общий язык?

Я медленно набрал номер. Длинный гудок. Второй. Я почувствовал облегчение. Скорее всего, нет дома. Для очистки совести — третий. Четвёртый. Ну, и последний для круглого счёта. В трубке что-то щёлкнуло.

— Алло? — переводчик азбуки Брейлля сидел дома и слушал музыку. Я чётко различал знакомую мелодию.

— Данила, это я. Саша.

— Ты? Ну наконец-то, старик! Что случилось? Татьяна все телефоны оборвала. Уже в морги обращаться хочет. Ты где?

— Я ушёл из дома, — мысль о ночлеге отпала сама собой. Я не вешал трубку, чтобы вспомнить название звучащей на заднем плане музыки.

— Ты с ума сошёл, старик? Вы поругались? Брось! Она уже обо всём сожалеет. Раскаивается, если хочешь. Давай, я ей позвоню, а ты подъезжай. Посидим. Поговорим.

— Позвони и передай, что деньги я отдам чуть позже, — проклятие, название никак не хотело вылезать из глубин памяти.

— Какие деньги? Она из-за тебя волнуется! Ты забыл с кем у тебя завтра встреча? Ему понравились рукописи! Это же успех!

— Я отдаю Татьяне все права на публикацию, — Мусоргский! Точно Мусоргский!

— Идиот! Ты же без неё ноль! Она тебя из грязи вытащила! Писать заставила! Прекрати дурить! — рассеивающий мглу распалился не на шутку. — Приезжай немедленно! Слышишь!

Я повесил трубку. «Ночь на Лысой Горе» — вот что слушал Данила. Я прижался лбом к мраморной стене. Обложили! Даже этот затворник, друг Гомера, втянут в облаву.

— Облом?! — рука в замшевой перчатке с обрезанными пальцами протягивала мне сигарету. — Не бойсь, Александр, книжка у тебя толстая. Куда-нибудь да пристроишься.

Сид отдал мне пачку «Пегаса» (как только догадался) и уже открытую бутылку «Посадского».

— Я тебя не спросил что купить, — он, словно прочёл мои мысли, — потому взял то же, что и себе. «Пегас» — дёшево и сердито, а уж в нашем возрасте, после «Жигулёвского» в разлив, с пеной стирального порошка, пить «Туборг» — пижонство.

Я затынулся, не выдыхая дыма, глотнул кисловато-горькой жидкости.

— Друзья выходит, ссучились? — проложил Сид. — По тебе видно. Неужто все до единого?

Я только развёл руками.

— Из всего этого барахла, не один не отозвался, — Сид вертел в руках мою записную книжку. — Слушай, ты, когда по карманам рылся у тебя бумажка с телефоном выпала. Может туда?

Он протянул мне замасленный прямоугольник. Я с трудом разобрал шесть цифр.

— Это же не московский.

— Ну и что? Главное код знать. Код города. Видишь, здесь ещё подпись — Игорь. Кто такой?

— Игорь? — я ещё раз осмотрел бумажку. — Похоже мой двоюродный брат. Мы на каких-то там похоронах обменялись телефонами. Лет десять назад.

— Просто класс! — усы Сида приподнялись в улыбке. — То, что доктор прописал! Далеко отсюда?

— Полтора часа с Курского вокзала...

— Чёрт возьми! Я как в воду глядел! Билет купил на электричку. Через полчаса уходит. Звони, и я уйду. Не могу же я всю ночь с тобой нянчиться.

— Я не уверен...

— Звони!

— Но на таксофоне через код... У меня на карте звонков не осталось!

— Чёрт, у меня тоже! Погоди-ка!

Через секунду Сид держал мобильный.

— Давай быстрее, а то народ волнуется, — он указал на маячившего неподалёку паренька.

Нажатие каждой циферки отзывалось противным писком. Процесс соединения знаменовался невообразимой трелью. Что-то среднее между пьяным сверчком и синтезатором «Лель» 1977 года производства, тужилось исполнить Моцарта.

— Да? — буркнули на том конце провода, или что там у мобильников.

— Игорь?

— Да.

— Это Саша.

— Какой Саша?

— Саша Завьялов.

Где-то в Калиновске воцарилась тишина. Можно сказать, гробовая тишина.

— Здорово, — отозвался, наконец, как говорят аристократы мой кузен.

— Здравствуй, Игорь, — я нелепо хихикнул. — Вот телефон твой вспомнил. Решил позвонить.

— Спасибо.

Чёрт возьми! Куда подевались знаменитые родственные связи. Мой братец отвечал так, словно его вытащили из сортира в самый ответственный момент. Я давно оборвал бы связь, если бы не ехидная ухмылка Сиды.

— У меня дело, Игорь, — продолжил я через силу. — Мне нужно приехать.

— Приезжать обязательно?

— Обязательно. Я всё объясню. Сейчас времени в обрез.

— Ладно, — таким тоном Салтычиха должна была сообщать об отмене крепостного права. — Где живу, помнишь?

— Извини...

— Улица А. Толстого дом 45. Жду.

— Спасибо, Игорь, — поблагодарил я гудящую трубку. — Вот и всё, — я повернулся к Сиде, но его уже не было. Неподалёку застыл подросток, с тоской взирая на мобильник в моих руках. Я отдал пареньку телефон и двинулся к платформе.

Двери шипели подобно яме с гадюками, в которой восставшие ирландцы казнили Эрика Кожаные Штаны. Электричка тронулась. Здание вокзала нехотя двинулось, чтобы через минуту остаться позади. Фонари за окном мелькали всё быстрее. Я чувствовал странный кураж, какую-то непонятную радость. Едва сдерживался от исполнения песенки крокодила Гены. Только этого не хватало, хотя вагон (зелёный, кстати, а не голубой) совершенно пуст, но мало ли что.

Подтверждая мои опасения, в тамбуре хлопнула дверь. Я отвернулся к окну и погрузился в созерцание дождливой мглы. Вечерние электрички кишат типами, которые из всех свободных мест выберут лавку напротив тебя и, не утруждая себя знакомством, начнут бесцеремонную болтовню о собственных горестях или радостях. Избавиться от них можно лишь изображая полное равнодушие: ни единого взгляда, ни малейшего звука. Разочарованные твоим невниманием, они отправляются на поиски более благодарных слушателей.

Напротив плюхнулось тяжёлое тело. Скорее всего, мужчина, женщина перед приземлением осмотрела бы место, кашлянула, наступила на ногу, тронула зонтиком — заявила бы о своём присутствии. Я принялся считать фонари, стараясь не обращать внимания даже на отражение попутчика в стекле.

— Чего там такого интересного? — поинтересовался знакомый голос.

Я чуть не подпрыгнул. Сид!

— Ну, поехали что ли? — он потёр заросший тёмной щетиной подбородок, подмигнул мне и достал из кармана «четвертинку». — За успешное решение проблем! — крепкие пальцы сорвали жестяную пробку, Сид поднёс горлышко к губам, запрокинул голову. — Твоя половина, — он даже не поморщился.

— А ты куда? — прозрачная жидкость обожгла пищевод, наполнила желудок теплом, а голову лёгкостью.

— Туда же куда и ты, — Сид закурил, — от всего, что меня расстраивает. Ты не волнуйся, — он заметил, что я не отрываю глаз от зажжённой сигареты. — До «Текстильщиков» здесь хоть на голове ходи.

— Странно всё это.

— Чего странного? Электричка последняя. Прямо как для тебя придерживали. Я — птица свободная. Вот и решил прокатиться.

— Куда?

— Откуда я знаю. Не бойся, к братцу твоему на пироги не поеду.

— Я не о том. Просто... Как-то всё необычно.

— Такая у меня профессия. Выдумывать необычное и впаривать простофилям.

— Не понял.

— Писатель я.оборотни, зомби, космические шпионы и прочая нечисть — моя специализация.

— Фантастика! Я тоже... гм... писатель.

— За версту видно. Дай-ка угадаю: проблемы отцов и детей, любовь маленького человека, моё место в современном обществе. Правильно?

— Что-то в этом роде. А как...

— Проще простого. Те, кто описывает реальность, выглядят в ней полными лохами. Тебе, наверное, не приходилось создавать опусы о дочерях степных костров, что на вокзале идиотов обувают? А то бы тебя так просто не развели.

— Но... хотя ты прав. Прав на все сто! Описать псевдореальность проще, чем убедить в реальности паранормального.

— Вот именно.

— А я ведь всегда так и думал. Понимаешь всегда! Хотел написать что-то такое. Но...

— Уважение к авторитетам, нежелание прослыть конъюнктурщиком...

— Мнение старших товарищей, советы уважаемых авторов...

Мы помолчали несколько минут.

— Ты должен написать то, что хочешь, — заявил Сид.

— Не поздно?

— А из дома убежать в самый раз?

— Ты прав. Поселюсь у брата, начну что-нибудь эдакое. Как у Страуба, к примеру, «История с привидением».

— Или у Толстого — «Семья вурдалаков».

— Или...

— Извини, — Сид встал. — Ненавижу переполненные вагоны. Выйду подышу. А ты думай. Думай.

Думай. Мог бы и не говорить. Моя голова превратилась в автомат для игры в пинбол. Желание немедленно приступить к работе, подстёгиваемое уверенностью в собственных силах, металось от одного сюжета к другому, подобно стальному шарикю на игровом поле. Я не заметил, как ушёл Сид, я не увидел хлынувших в вагон пассажиров. Я был в другом измерении.

Калиновск я не пропустил. Стоя на мокрой платформе, не обращая внимания на толкающихся горожан, я пытался вырваться из родившейся под стук колёс истории. Её начала. Убийство. Конечно, убийство! Давнее и нераскрытое. Вот о чём я поведаю этим спешащим домой людям. Заставлю замирать от ужаса, ломать голову над загадками, подозревать свидетелей и жаждать возмездия. Сид прав. Нужно быть рассказчиком, хорошим рассказчиком, а не словесным мастурбатором.

Я пристроился в хвост движущейся в сторону города толпы. Даже в темноте я видел, насколько изменился Калиновск. Когда я был здесь последний раз? Лет десять назад. На похоронах какого-то всеобщего дедушки. Уже тогда город-придаток режимного завода начинал мутировать. Краповы открывали четвёртый ларёк, через который уже вполне легально приучали народ к баночному пиву, водке «Распутин» и «Сникерсу». Тонущий завод, ранее выпускавший что-то жутко стратегическое и смертоносное, а теперь никому не нужный, периодически избавлялся от рабочей силы. Всё больше горожан искало кусок хлеба в столице. Благо недалеко. Тогда в городе появился даже один ЛДПРовец, видевший Жириновского два раза на митинге и по преданию однажды удостоившийся рукопожатия.

С тех пор город изменился ещё сильнее. Мигающий неон, подержанные иномарки, и (верх прогресса) круглосуточный магазин с изысканным названием «МИНИМАРКЕТ». И это лишь поверхностный взгляд! А что же в сердце помолодевшего Калиновска?

Ожидания утонули в первой же луже. Главная достопримечательность моей малой Родины осталась неизменной. Вечно затопленные дворики спрятались за прилизанным фасадом, но сдаваться не собирались. Балансируя на покосившихся бордюрах, я проклинал себя за идею срезать дорогу.

Здесь, пересекая лабиринты пятиэтажек, провожаемый подозрительными взглядами светящихся и тёмных окон, я понял главное. Город остался прежним. Таким же, как и десятилетия назад, когда на редких холмах начали появляться первые бараки. Болото, может быть, и возможно осушить. От трясины не избавиться никогда.

Промокший и злой я дошёл до улицы А. Толстого. Всегда ломал голову — в честь какого из двух Алексеев её назвали. Окраина города. Частный сектор. Если не считать двух улиц — Водопроводной и 8-ого Марта — район деревянных покосившихся домиков и редких, но быстро наступающих коттеджей — бальзам на сердце любителя русской классики. Улицы назывались исключительно в честь писателей. Таблички с именами Достоевского, Пушкина, Маяковского и Гоголя, порадовали глаз и, наверное, вызвали бы слезу умиления у ревнителя русской культуры, если бы он отважился побродить здесь, по колено в грязи, рискуя провалиться в одну из многочисленных канав оставленную городскими службами после ремонтных работ.

Коттедж за высоким каменным забором я разглядел издалека. Света единственного фонаря в начале улицы для этого хватало. Что меня удивило, так это номер на крепкой двери — 45. Может, ошибся улицей? Табличка говорила об обратном. Чёрт возьми, кузен был в полном порядке. Даже асфальт уложил. Глубоко вдохнув, я нажал кнопку звонка. Мне ответил утробный лай. У такого хозяйства и сторож, наверное, соответствующий.

Распахнулась калитка. На меня смотрел Игорь. Он совершенно не изменился со времён последней встречи. Скажу больше, он остался таким, каким был и семнадцать лет назад. Когда собирался жениться на Алле. На подобных ему время перестаёт действовать лет после двадцати, лишь напоминая о себе новыми залысынами и растущим животом.

— Привет, — я протянул руку.

— Приехал всё-таки? — родственные чувства не спешили рваться наружу. — Проходи, — он посторонился, пропуская меня во двор.

— Никто не укусит? — я надеялся, что виноватая улыбка разрядит обстановку.

— Собака в вольере, — дряблые щёки брезгливо дёрнулись. — Заходи скорее. Холодно.

Я упёрся в тупой нос «Газели». Справа, в просторной клетке заливалась лаем кавказская овчарка.

— Хорошо живёшь, — сделал я новую попытку к налаживанию контакта.

— Хорошо работаю, — отрезал Игорь. Он, наконец, кончил возиться с замком и двинулся к дому, огибая машину. Не дожидаясь персонального приглашения, я поспешил следом.

Жилище Игоря внутри не отличалось от подобных ему домов прочих россиян, коим повезло заработать, скопить или добыть ещё какими-то способами энную сумму денежных знаков, значительно превышающую прожиточный минимум прочих граждан. В прихожей всё должно было (по задумке Игоря) говорить о достатке и благополучии хозяина. Сделанная под мрамор обувница с заляпанными грязью кирзовыми сапогами и стоптанными кроссовками. Жутко, наверное, дорогая вешалка в виде чьих-то (надеюсь не моего родственника) рогов украшена замасленными телогрейками и раритетной болоневой курткой. Встроенная в пластиковый потолок лампочка.

Игорь скинул пятнистую камуфляжную куртку. Бросив на меня критический взгляд, нырнул в недра обувницы.

— Вот надень, — к моим ногам упала пара вьетнамок.

Я облачился в это подобие тапочек и застыл в ожидании. Честно говоря, я чувствовал себя препогано. Кузен, с присущей ему прямоотой, лишил меня всяких иллюзий. С первых

секунд встречи мне чётко показали — ты гость незваный. Да плевал я на это! Ночь пережду, а завтра что-нибудь придумаем.

— Ну, что в дверях стоишь? — подал голос Игорь. — Давай в кухню. Из гостиной сразу налево. Я сигнализацию включу и подойду.

Гостиная оказалась просторным помещением. Всё по стандарту. Натёртый (по крайней мере так казалось в полумраке) паркет, какая-то фарфоровая ерундовина в одном углу, пластмассовая пальма в другом, между ними угрожающих размеров телевизор, диваны по стенам, лестница на второй этаж.

Чтобы не вызывать ещё большего раздражения интересом к быту калиновских обывателей, я поспешил на кухню.

Я увидел её, едва переступив порог. Она стояла у никелированной раковины, пытаясь рычагом турецкого крана разбавить горячую воду. Стройная фигура, рассыпавшиеся по плечам волосы, знакомый до боли жест, откидывающий упавшую на лицо прядь. Этого не могло быть!

— Алла?! — я прислонился к дверному косяку.

Девушка обернулась. В фиолетовых глазах мелькнуло удивление.

— Вы к отцу?

Морок! Наваждение! Психоз! На секунду я поверил в невозможное. Конечно, это не она. Волосы темноваты, плечи широковаты, ресницы жидковаты. И возраст! Ей не могло быть сейчас семнадцать лет.

— Здравствуйте, — улыбнулась девушка. — Вы, наверное, тот самый родственник? Отец вас ждал. Я вам тут картошки разжарила...

— Отец? Ты кто?

— Вы же меня сами позвали, — она, слегка наклонив голову, рассматривала меня словно заговорившее дерево. — Когда вошли... Бабушка говорила, что вы странный. Вы, правда, пишете?

— Бабушка?

— Да, бабушка Алла. Меня в её честь назвали. Она сейчас с нами живёт. Я у неё журналы видела, с вашими рассказами.

— Рассказами? — я никак не мог прийти в себя. Видение, возникшее пару минут назад всё ещё стояло перед глазами.

— Ты что здесь делаешь? — в дверях появился Игорь.

— А кто велел что-нибудь приготовить? — фыркнула девушка.

— Приготовила? Свободна! Нечего хвостом вертеть!

Вытянувшись в струну, девушка прошла мимо Игоря. Презрительный изгиб губ ясно показывал, что от выяснения отношений её удерживает только присутствие постороннего человека.

— А вы мне автограф дадите? — я был одарён любезной улыбкой.

— Обязательно.

— Спасибо. Спокойной ночи.

Вызывающе покачивая бёдрами, девушка покинула кухню.

— Нет, ты видел, — Игорь саданул кулаком по столу. — Сладу нет никакого! Вся в мамашу свою! Вертихвостка!

— Дочь? — я спрашивал, уже зная ответ. Да, десять лет назад рядом с братцем суенилось что-то маленькое и капризное.

— Наградил Бог.

— Извини, я без подарка. И перед супругой неудобно...

— Какая супруга?! Уже семь лет, как сбежала, шалава! Все они одним миром мазаны, сучки!

— Извини... Не знал.

— Ничего. Давай, со свиданьцем. Я всё равно завтра в отгуле.

Я извлёк из кармана и поставил на стол приобретённую в ночном магазине бутылку коньяка.

... ей, видите ли, было скучно, — коньяк сменила самогонка, следом явилась домашняя наливка. Игорь жаловался на жизнь. — Я, мол, барахольщик. Понимаешь о чём я? А, между прочим, всё в дом! Всё для семьи! Понимаешь о чём я! Всё для неё и для Алки! Для себя крутился что ли?! Мне эти хоромы нужны?! Ты только погляди! Гарнитур немецкий, плита итальянская, колонка ещё там чья-то! Это только на кухне! Понимаешь о чём я? Целый день за баранкой! А она?! С каким-то оборванцем сбежала! Потаскуха! И Алка вся в неё! Чуть что — когти наружу! Понимаешь о чём я? Они меня с бабкой достали! Всё шушукуются! Смотрят, как на дурака! Думают, не понимаю! Суки! Все бабы — суки! Понимаешь о чём я?

Я кивнул. Спорить с пьяным — дело неблагоприятное, порой опасное. Тем более у меня тоже двоилось в глазах, и заплетался язык.

— Ты — молодец! — широкая ладонь легла мне на плечо, слюнявые губы породственному чмокнули в щёку. — Сбежал! Сбежал ведь?!

Я в пятый раз пересказал собственные похождения.

— Так и надо! — дорогие бокалы наполнились до краёв. — Попользовался, и ищи ветра! — Игорь опрокинул в себя мутно-бордовую сладковатую жидкость, проследил, чтобы в моём стакане не осталось ни капли. — Я вот тоже — Алку замуж выдам, бабу похороню и всё! Только для себя! Я хоть и не писатель, но погулять умею! Оставайся! — очередное разбавленное слюной бизе запечатлелось на моей щеке. — По-братски заживём: ты писать будешь, я баранку крутить. Я по магазинам продукты развожу. Там такие вдовушки работают!

— Останусь на время. Знаешь, хотелось квартиру, что ли снять... Если бы ты один жил. А то...

— Это точно! Она уже пред тобой хвостом вертит. Я видел. Я всё видел. Тебе нельзя здесь. Это точно. Вся в мамашу свою! Потаскуха! Понимаешь о чём я? Книжечки всё читает. Связалась с уродом! Это точно. Понимаешь о чём я? Бабка её против меня настраивает! Суки!

— Может зря ты так. В этом возрасте...

— Возрасте! Что ты знаешь о возрасте?! Ты зачем приехал?! Я спрашиваю — зачем приехал?! Что вынюхивать! Роман писать?! Знаем мы ваши романы! — кулак с несмываемыми пятнышками мазута шибанул по отполированной трудолюбивыми немцами поверхности стола. — Людям жизнь ты приехал калечить! Как тогда... Если бы не ты, — Игорь внезапно замолчал. — На втором этаже ложись, — он выглядел абсолютно трезвым. — Первая дверь. Завтра уезжай. Всё.

Я встал из-за стола. Прекрасное окончание банкета! Разве что до мордобоя не дошло. Братец, игнорируя ужасно дорогие бокалы, присосался к горлышку бутылки с наливкой. Меня на кухне, вроде как, и не было. Я направился к дверям.

— Знаешь что? — алкоголь и самолюбие не позволили мне покинуть сцену в роли побитой собаки. — Никуда я не уеду! Это раз. И калечить тебя нечего. Ты и так урод. Это два.

Пересекая тёмную гостиную и поднимаясь по лестнице, я услышал, как о приобретённый за бешеные деньги французский линолеум грохнулась пустая бутылка, за ней последовали опостылевшие мне за вечер бокалы.

Ветер пробирал до костей. Я снова стоял на той самой крыше. Не тот я, семнадцатилетний и нерешительный. Я — теперешний, тот, которому скоро тридцать пять, у которого за спиной растроченные годы, поломанные судьбы, обман и бегство. Бегство от самого себя. Теперь бежать некуда — дверь чердака надёжно заперта. Мой марафон должен закончиться там, где и начался.

Она стояла на краю крыши. Плюющиеся дождём порывы утихали перед ней. На её голове не шевелился не единый волос. Мы смотрели друг на друга. Я не мог говорить. Она не хотела.

Я шагнул. Она подняла руку, запрещая мне двигаться.

— Ты вернулся! — ясно услышал я, хотя её губы оставались неподвижными. — Я скоро приду.

Я хотел ответить, но кто-то принялся стучать в чердачную дверь. Настойчивее и настойчивее. Она улыбнулась и растворилась среди вспыхнувших звёзд. Стук превратился в жуткий грохот.

9

Огромное преимущество холостой жизни — хватив лишнего, можно спать одетым. Никто не будет на утро пилить по поводу грязных простыней и свинского поведения. Я с трудом разлепил веки, прошёлся пятернёй по спутанным волосам и занял горизонтальное положение. Сдерживая похмельные стоны, проковылял к двери. Кто-то колотился так, словно началась Третья Мировая Война, и только у меня был план генерального сражения.

В памяти илистым осадком колыхался вчерашний вечер. Открывая дверь, я уже видел опухшее лицо Игоря. Уж если братец не снизойдёт до извинений, то хотя бы попытается превратить всё в шутку. Это, мол, не я — водка проклятая, не обращай внимания, я, вообще, ничего не помню, надо бы похмелиться.

Игоря я не увидел. Мой, наверное, красный после вчерашних возлияний нос, упёрся в макушку его дочери. Алла задрала голову и улыбнулась:

— Отец вас вчера напоил. Извините.

— Скорее, я его, — каркнул я. Во рту ощущение пустыни Сахары, превращённой в кошачий туалет.

— Уже два часа дня. Есть будете?

При упоминание о еде, я поморщился. Невинное дитя! Её пухлые губы изобразили сочувствующую улыбку:

— Отец ящик пива с утра купил. Я вам пять бутылок отложила. Хотите — похмелитесь.

— Похмелитесь? Пять бутылок — это уже «ля запой», как говорят французы. Но мы не во Франции. Тащи!

— Всё на кухне. Спускайтесь, — она развернулась и легко сбежала по лестнице.

Слава Богу, братец, одержимый тщеславием, оборудовал ваннные комнаты на двух этажах. Это я помнил из вчерашнего разговора. Тёмная фигурка справляющего нужду ребёнка на двери указала страдающему от похмелья писателю дорогу к искомому заведению.

Две горсти холодной воды в лицо и ледяная струйка на макушку разожгли искру жизни. Игнорируя правила приличия и гигиены, я взял чужую зубную щётку и потратил полтюбика зубной пасты (естественно, самой дорогой и рекламируемой) на изгнание бензиново-тухловатого привкуса из ротовой полости. Утренний туалет завершился выливанием на себя дорогой туалетной воды. Я искренне надеялся, что Игорь заметит снизившийся уровень пахучей жидкости.

Благоухающий, как майская роза и с гудящей, как линия высокого напряжения головой, я объявился на кухне. Германский гарнитур, итальянская плита, какая-то там колонка...

«Всё как вчера, но без тебя».

Я ухмыльнулся. В отравленный алкоголем мозг часто приходят дурацкие мысли.

— Хорошо выглядите, — Алла снова воевала с турецким краном.

— Бывало и лучше, — я приземлился за стол. — Колонку спалить не боишься?

— «Электролюкс» называется! — ложка грохнулась в раковину. — Или кипяток, или холодная.

— Никогда не регулируй воду краном, — преодолевая тошноту и головокружение, я протащился к производству заморских мастеров. — Здесь ручка специальная есть, — я установил нужную температуру.

— Фантастика! — девушка держала руку под струёй воды. — Откуда вы это знаете?

— Хороший писатель должен уметь всё, — я смотрел в фиолетовые глаза и с трудом удерживался на ногах. Что и говорить, самогонку мой братец держал термоядерную. — Кто-то говорил о пиве...

— Ой, извините! — пробка с шипением слетела с запотевшей бутылки, на столе явился вожделенный напиток.

Говорящие о вреде пьянства — обманщики. Как иначе человек почувствует себя человеком. Я встал с кровати одноклеточной амёбой. После второй бутылки я ощущал себя венцом творения. Ясность в мыслях, упругость в мышцах, уверенность в себе! И три бутылки в запасе... Что ещё нужно человеку, после вчерашних возлияний?

— Отец всю ночь колобродил, — рассказывала девушка. — Когда вы легли. Ругался с кем-то. Плакал. Сегодня с утра пиво купил и их гаража не выходит. Опять со своей машиной возится. У него всегда так. А вы уезжаете?

— С чего это?

— Отец сказал. И бабушка волнуется. Считает, зря вы явились...

— Чёрт возьми! За меня все всё решили. Даже спросить не захотели. А я вот возьму и останусь! Я ехал писать книгу и не тронусь с места, пока хотя бы черновик не накидаю. Так и передай и отцу, и бабушке, и всем, кто хочет от меня избавиться! Ясно?

— Круто! — она восторженно звякнула посудой. — Я хочу, чтобы вы остались. Так интересно — настоящий писатель! Здесь кроме как с Вороном и тусануться не с кем. Да и он, по правде говоря, зануда.

— С Вороном?

— Да, самый продвинутый в Калиновске перец. Я вас познакомлю.

— А я ему как-нибудь ноги повывёртываю, — мрачный Игорь проковылял грязными сапогами по французскому линолеуму. Выглядел он отвратительно. Судя по всему, после вчерашней ссоры, братец провёл остаток ночи в беседах с Бахусом. — Бабушке обед приготовила?

— Уж, наверное, не забыла, — девушка взяла поднос с дымящимися тарелками и отправилась на второй этаж. — У меня же голова с похмелья не болит, — бросила она, не оборачиваясь.

Игорь поморщился. Сейчас ему было не до дерзящей дочери.

— Уже поправился, Шурик? — он смотрел на полупустую бутылку.

— Да уж, — я чувствовал себя неловко. — Спасибо Алле. Выручила.

— Она выручит. Жди больше... Я это самое... Вчера немного... Забудь.

— Какие проблемы! Не рассчитали мы с тобой вчера, с кем не бывает.

— С кем не бывает, — Игорь налил из-под крана стакан воды и залпом выпил.

— Может пивка?

Он затряс головой:

— Я сегодняшнюю норму с утра опрокинул. Боюсь, развезёт... Ты это самое... Извини, что до платформы не подвезу. Понимаешь о чём я? Не могу в таком состоянии за руль.

— А зачем меня куда-то подвозить? Тебя на вчерашние дрожжи опять переключило?

Игорь долго смотрел на меня. Кровь прилила к его щекам, ладони сжались в кулаки.

— Так ты не уедешь? — он сверлил меня мутно-злым взглядом.

— И не подумаю, — я старался выглядеть спокойным, сделал глоток из бутылки.

— Нет, ты уберёшься! — Игорь схватил меня за запястье. Горлышко ударилось о губы. Я почувствовал солоноватый привкус.

— С цепи сорвался! — мой кулак ткнулся в плечо брата. Тело, ослабленное ночной пьянкой отлетело к раковине. — Ты чего творишь?! — я вытер губу тыльной стороной

ладони.

Вид крови на моей руке привёл Игоря в состояние ступора. По крайней мере, потасовку он не продолжил.

— Ты не понимаешь, — он, чуть ли не стонал. Его пальцы вцепились в край раковины. — Ты забыл, как тебя увозили отсюда? Твои родители клялись, что ты не появишься в городе. Только потому тогда это дело замяли. Ты хочешь, чтобы нашу фамилию опять слоняли на каждом углу? Алке, между прочим, замуж выходить. О ней хотя бы подумай!

— Чем же я поврежу репутации твоей дочери?

— А ты не догадываешься?

— Несчастный случай семнадцатилетней давности распугает женихов? Не говори чепухи! К тому же моя невиновность была доказана.

— Доказана?! Тебя пожалели, идиот! Не захотели выносить сор из избы! Увезли подальше! Теперь ты возвращаешься, и всё начинается по новой!

— Что начинается?!

— Всё! Вчера, в посадках нашли тело девушки! Девочки! Тринадцатилетней девочки! — Игорь опустился на стул. — И сразу появляешься ты. Кое-кто вспомнит давнюю историю...

— Что за ерунда? — я ничего не понимал. — Какая девочка? Вчера я был в Москве... Я же тебе звонил с Курского вокзала... Поздно вечером...

— Откуда я это знаю? Ты псих! Понимаешь о чём я? Днём происходит убийство, вечером заявляешься ты!

— Я никого не убивал. Ни тогда, ни сейчас.

— Уезжай.

— Нет.

— Тогда, — он поднялся со стула, — убирайся из моего дома. Понимаешь о чём я? И попробуй только подойти к моей дочери... Я...

— Может, хватит уже, — мы не заметили, как вернулась девушка. — Ты чего разошёлся?!

— Иди к себе!

— Сейчас, разбежалась! — Алла поставила поднос с грязной посудой на стол. — Вас бабушка хочет видеть, — обратилась она ко мне. — А на него внимания не обращайтесь. Допился до чёртиков.

— Да я вас... , — низвергнутый отец давился возмущением. — Вы у меня... Я... , — он выбежал из кухни. Через пару минут хлопнула входная дверь. Кирпичные стены дрогнули.

Я поднялся на второй этаж. Шедшая вперед Алла, остановилась у последней по коридору двери.

— Проходите. Она ждёт. И извините за отца. Не знаю, что с ним.

— Ничего. Между родственниками такое случается, — я повернул резную ручку, толкнул дверь. На всякий случай стукнул костяшками пальцев о косяк.

— Это ты внучек? — голос остался прежним. Всё осталось прежним. Словно Игорь переместил комнатку из обычной пятиэтажки в свой особняк. Простенькие обои, бормочущий телевизор, чёрно-белые фотографии в допотопных рамках, фарфоровые статуэтки на массивном комод. У меня закружилась голова. А ещё говорят — путешествия во времени невозможны!

— Здравствуйте, Алла Александровна, — выдавил я.

Старушка развернула плетёное кресло. Время почти не изменило её, разве, что стёкла очков, стали более выпуклыми. Она улыбнулась:

— Совсем взрослый.

— Уже четвёртый десяток, — напомнил я. — Возраст.

— Разве то возраст. Вот у меня возраст. Ворчу. Смерть зову, а как серьёзно о ней проклятой подумаю — страшно. Кажется, и не жила ещё.

— Так и нечего о ней думать. Живите, пока живётся.

— Мне-то внучек живётся. А тебе, я смотрю, надоело?

— Почему вы так решили?

— Потому, что приехал ты сюда. Столько лет о тебе ни слуху, ни духу. На похоронах тогда объявился, мелькнул и исчез. А тут вдруг решил погостить. С чего бы это?

— И вы меня гнать будете?

— Ты на Игорёшку зла не держи. Невезучий он. Оттого и злой.

— В таких хоромах и невезучий.

— Ни в хоромах счастье, коли в душе непогодь. А ему досталось. Жена сбежала. Дочка не слушается...

— Я всё равно не уеду.

— А я тебя и не гоню. Разве я тебе хозяйка? Вы же с ней никогда никого не слушали, — Алла Александровна кивнула на одну из фотографий. Я давно не сводил с неё глаз. Мы с Аллой перед её выпускным. — Оттого и беда случилась. Я ведь вас предупреждала...

— И вы туда же, — я захлопнул дверь, так как заметил поблёскивающий в щёлке любопытный фиолетовый глаз. — Тоже меня во всём обвините?

— Я тебе не судья. Только... Зачем ты приехал?

— У меня личные проблемы. Возрастные, если хотите. Я решил начать роман. Мне нужен покой. Смена обстановки, — я чувствовал всё большее раздражение. — Я никого не убивал. Я никому не собираюсь калечить жизнь. Всё что мне нужно — крыша над головой, два десятка карандашей и несколько толстых тетрадей. Это преступление? В конце концов, я здесь родился!

— Раньше ты об этом не вспоминал.

— Повзрослел!

— Кто был у тебя сегодня ночью? — вопрос шибанул в лоб, словно камень из пращи.

— Не понял.

— Я слышала голос в твоей комнате. Женский голос.

— Вы ошибаетесь. Я спал. Вот ваш несчастный Игорь, говорят, всю ночь закатывал концерты.

— Его я слышала. Но и другой голос. Это была она?

— Кто она?

— Алла!

— Вы с ума сошли! Она — ребёнок! Вы меня тоже за психа держите?!

— Ты прекрасно понимаешь, о какой Алле я говорю!

— Да вы что! Она же... Она... , — тут удерживаемое в подсознании семнадцать лет, обрушилось на меня. Обессиленный я опустился на старое канапе. — ... погибла.

— Слава Богу! — старушка смотрела на меня почти с материнской нежностью. — Я думала, у тебя это так и осталось. Ты ведь так долго не верил, что она разбилась. Я переписывалась с твоей матерью. Она уже всякую надежду потеряла.

— Это жестоко! — я тёр виски пальцами. — Зачем вы так?!

— Я должна была убедиться. Я ведь всё знаю. Ты обещал вернуться. Ты вернулся.

Я чувствовал какую-то несостыковку в словах Аллы Александровны. Что-то, чего не могло быть. Но сейчас моё состояние плохо подходило для разрешения логических задач.

— Не надо возвращать тех, кто ушёл, внучек. Это плохо кончается. Поверь.

— Я никого не собираюсь возвращать. Я только хочу поработать. Спокойно поработать.

— Возьми, — старушка протянула мне ключи. — Это от моей квартиры. Адрес помнишь? Я её Аллочке отписала. Можешь там поработать.

Я молча взял связку. Алла Александровна, побряхтывая, поднялась с кресла. Тонкие пальцы коснулись заветной фотографии.

— И её возьми. Чтобы не забывать.

— Спасибо, — я стоял посреди комнаты с ключами в одной руке с фотографией в другой. Алла Александровна погрузилась в созерцание бушующих на экране латиноамериканских страстей. Аудиенция окончена.

— Бабушка, — неожиданно произнёс я, подойдя к двери. — Почему Игорь так назвал дочь?

— Потому что сходил по ней с ума, так же, как ты, — услышал я в ответ.

Едва переступив порог, я наткнулся на дочь Игоря.

— Подслушивать не хорошо. Тебе не говорили об этом? — сообщил я.

Замечание не произвело на девушку никакого впечатления. Тербя прядь волос, она поглядывала то на меня, то на фотографию в моих руках.

— Это вы там, с какой-то из моих дальних тёток, — она говорила скорее утвердительно, чем спрашивала. — Мне бабуля рассказывала. А она красивой была. Вы тоже ничего... А что там за история? Мне никто толком ничего объяснить не хочет...

— Много будешь знать — скоро состаришься, — я спрятал фото. — А отец тебя ещё замуж не выдал. Кому ты старухой будешь нужна?

— Замуж! — фыркнула девушка. — Человек — существо полигамное. Брак — оковы прошлого.

— Прогрессивные воззрения.

— Мне Ворон книжки давал. А вы не уедете?

— Пока нет. Бабушка предоставила кров блудному внуку.

— Так вы в моей квартире жить будете?

— Похоже, что так. Большую цену заломил?

— Бросьте вы! Она только через год моей будет. Я к тому же против частной собственности. Живите, сколько вздумается. Вам помочь вещи перенести? Я Ворону могу позвонить. У него тачка.

— Ну, неудобно отрывать столь умного молодого человека для перевозки столь скромной поклажи, — я указал на висящую рядом с курткой спортивную сумку.

— И это всё?! — удивилась девушка.

— А что ещё свободному художнику нужно?

— Круто! Вы... не думала, что такие продвинутые в вашем возрасте бывают.

— Количество прожитых годов — уменьшают размеры наших потребностей.

Информация к размышлению. Обсудите как-нибудь вместе с этим... эээ... Грачом.

— Вороном! — возмутилась Алла.

— Тем более, — настроение у меня значительно улучшилось. Я сбежал по лестнице. Оделся. Закинул через плечо полупустую сумку и покинул не особо гостеприимный дом Игоря.

Преодолев коммунальные раскопки и плоды разверзнувшихся хлябей небесных, я вышел к бывшей резиденции Аллы Александровны. Её и ещё семьдесят семей (судя по количеству квартир). Холодный ветер и мелкий дождь уничтожили следы принятых с утра (условно, конечно) антипохмельных средств. Потому, для поддержания состояния лёгкой эйфории, местами переходящей в ощущение потенциального всемогущества пришлось купить в ближайшем ларьке двухлитровую бутылку красного «Монарха» (консервативные англичане вряд ли бы додумались разливать державный напиток в пластиковую тару) и фляжку коньяка (после Игоревой самогонки прозрачные напитки вызывали у меня тошноту). Остаток дня обещал быть приятным, по крайней мере для человека измученного похмельем и одержимого творческим зудом.

Занимаясь миссиями так сказать плотскими, я не забыл о деле. Точилка, карандаши, полтора десятка «Тетрадей Общих» обосновались в сумке. Пальцы чесались в предвкушении работы. Прислушиваясь к рвущимся на бумагу мыслям, я взбежал на третий этаж. Ключ, словно истосковавшийся любовник проник в замочную скважину. Щелчок.

— У тебя всё в порядке, крестник?

Я застыл перед дверью. С верхней площадки спускался Сид.

— Чего окоченел? — усмехнулся странный человек. — В гости приглашай.

— Откуда ты...

— Помнишь «Белое Солнце пустыни»? Стреляли... Думал у тебя проблемы будут. Ты вывернулся... Хотя стоило братцу морду набить! Обыватель, мать его!

— Откуда ты...

— Дело техники. Забыл о чём я пишу? Вычислил тебя без проблем... Я погляжу, ты с тяжёлой артиллерией! — он тронул сумку. — Отлично! Новый плацдарм берётся после хорошей артподготовки. Как тебе, кстати, племянница? Забавная девчонка!

— При чём здесь она?! Вообще, как ты здесь оказался?!

— Ну, ты и зануда! — Сид пробежался скучающим взглядом по исписанным стенам, глянул на застывший в двери ключ. — Может зайдём? — предложил он. — За нами из каждого глазка по зрачку наблюдает. Оно тебе нужно?

Я сделал второй поворот.

— Проходи.

Сид вошёл в квартиру, как в давно знакомое помещение. Куртка с кучей крупных молний слетела с плеч и оказалась в углу прихожей.

— Вешалка оторвана, — сообщил он мне, снимая остроносые ботинки. — Ты чего в дверях застыл, как неродной?

Я, действительно, никак не мог переступить порог знакомого жилища, в котором почти незнакомый мне человек распорядился, как у себя дома.

Приоткрылась дверь напротив. В щёлку между модным в нынешние времена пластом стали и стеной с ободранной штукатуркой просунулась толстощёкая голова в искусственных кудряшках неестественного морковного цвета.

— Здравствуйте! — проверещала голова. — Вы новый жилец? С вас сто рублей за домофон и семьдесят пять на уборщицу. Сдать можете мне. Я всегда дома. Меня зовут Зинаида Николаевна. Сдайте в течении двух дней. Иначе, так в подъезде бардак и будет.

Только вы остались, ещё алкаш из двадцать второй... Но его всё равно выселять будут. Так что только вы!

— Понимаете ли... , — я ошалел от лавины рухнувшей на меня информации и требований.

— Вы жилец или не жилец?! — вслед за головой в щель протиснулось массивное тело в цветастом халате с заплатками на местах, кои можно было бы назвать интересными лет тридцать назад.

— Жилец... Временный. Алла Александровна...

— Так! Снимаете квартиру. Тогда передайте ей — мы собираем деньги на железную дверь, с домофоном. В конце концов — квартиру сдаёт, внук богатый — совесть иметь надо! — активистка явила мне циклопических размеров зад, с мерным покачиванием удаляющийся в полумрак прихожей. — Особняки себе строят. Квартиры сдают. Ни стыда, ни совести, — услышал я злобное бормотание, прежде чем с лязгом захлопнулась стальная дверь.

— Досталось? — Сид уже распаковал мою сумку и расположился на кухне. — Требуху твою, бумажную, в комнате кинул, — сообщил он, сворачивая пивную пробку. — А киска ничего! Как это ты её охмурил? — он рассматривал старую фотографию. — Или породственному зафотились? Без продолжения?

— Не твоё дело! — я отобрал снимок. Он начинал вести себя слишком нагло. Даже для человека, выручившего в трудную минуту.

— Молчу, молчу! Первое чувство! Тяжёлые воспоминания! А ещё триллер собрался написать! Завязывай с этим приятель! Я имею в виду с романтикой, — он, совершенно по мужлански, приложился к «Монарху». Крякнул. Отёр усы. — Умные люди говорят — градус надо повышать, — он смотрел то на пиво, то на коньяк. — Прямо не знаю, что вперёд пить — то ли эту бурду, то ли дешёвый клоповник. Ты чего думаешь, вернувшийся к корням?!

— В таком тоне, — я собирался поставить хама на место, — я, вообще, разговаривать не намерен! И пить с тобой тоже!

— Даже так?! — Сид хохотнул и снова приложился к напитку, прозванному им бурдой. — Смотри, не передумай. Но я не гордый, я помогу, — он встал из-за стола. Через минуту я услышал, как его каблуки застучали по лестнице.

Обрёл покой, называется! Братец с кулаками набрасывается. Соседка денег требует. Ещё привязался какой-то тип, возомнивший себя крутым парнем. Ну и что в такой обстановке напишешь?!

Я мерил комнату шагами, с тоской поглядывая на открытую тетрадь и отточенный карандаш. Как там говорил Орландо! Художник не должен быть злым. Злой художник бедствие для человечества. Если средневековый просветитель не ошибался, то я сейчас представлял из себя настоящее стихийное бедствие. Какой уж тут готический роман! Не шадящая никого сатира — вот что получится!

Алкоголь успокоения не приносил. Раздражал ещё больше. Тоже мне — «Монарх»! Такие «Монархи» известны в любой пивнушке с незапамятных времён и носят всенародно уважаемое название — «ёрш».

Разочаровавшись в державном напитке, я сослал оставшиеся полбутылки в уличный холодильник. Открыл коньяк. Подражая Сиду, глотнул из горлышка.

«Вздумал из себя на старости лет «крутышку» изображать, идиот!» — ругался я, пока ка-шель раздирал обожжённое горло.

Следующую порцию я употребил более цивилизованным способом — из пожелтевшей фарфоровой чашки. Коньяк согрел кровь и успокоил нервы. Я огляделся. Естественно Игорь переоборудовал квартиру. Как никак, дочкино наследство! Пусть она и дерзит, и в грош отца не ставит, и походит на сбежавшую жену, но обстановка дело святое. Чтобы видел виртуальный жених и особенно родня его (чем больше, тем лучше), что в семье достаток, что отец для чада на всё готов, чтобы не хуже, чем у людей. Как уж будет разворачиваться действие среди мягкомебельных, корейско-электронно-тайваньских и шёлковообойных декораций — дело десятое. Главное — первый акт!

Я бродил среди благополучия, подобно готскому воину в римском храме. Заглянул в огромный холодильник. Естественно пустота. О еде-то я и не подумал. Придётся позже идти. Беззлобно выругал Сиду — мог бы в гости и с закуской прийти. С плещущемся на доньшке фарфоровой кружки коньяком (прямо, светский лев на званном приёме) я цинично развалился на плюшевом диване, поёрзал, в надежде, что забрызганные грязью брюки, хоть немного подпортят эту жутко дорогую раскладушку, щёлкнул пультом.

Телевизор явил мне программу под названием «Сперва настрой антенну, придурок!». Минут десять я, поглядывая на шипящую рябь, искал заветный шпекер. Удалось наткнуться лишь на огрызок кабеля. Оно и к лучшему. Я ведь не телевизор приехал смотреть. Выключив стеклянную соску, я уселся перед разложенными на журнальном столике тетрадями. Письменного стола в материально благополучной квартире естественно не было. Но это мелочи, я чувствовал себя готовым к работе.

За окном прогрохотало что-то наделённое двигателем внутреннего сгорания. Переждав рёв, я принялся за название. Название для меня — десять процентов работы, компас и карта, спасающие из тупиков и дебрей сюжета, тропка, ведущая к финалу. В голову не лезло ничего оригинального. Сплошные переделки уже написанного кем-то и прочитанного мной. Назойливым роем крутились в мозгу пошленькие сочетания, типа — «Призрачный свидетель» или «Тайна сумерек». Перебирая и отбрасывая возможные имена будущего творения, я набросал примерный план, создал контуры героев. По ходу действия многое,

конечно, изменится, что-то добавится, что-то будет выкинуто... Но сейчас я чувствовал себя золотоискателем на возможной жиле. Главное застолбить участок, не думая о будущих тоннах промытого песка, распухших в ледяной воде руках, бессонных ночах, когда крадываются мысли о бесплодности породы и бесполезности труда. Всё это будет потом...

Дребезжащий звонок нагло разорвал едва наметившееся кружево. От неожиданности я вздрогнул и сломал карандаш. Чёрт знает, что такое! Я всего час назад переступил порог пустовавшей квартиры, а от гостей уже нет отбоя!

Открывать я не собирался. В конце концов, приглашений я никому не рассылал, а воспитанный человек, не получив отклика на свой зов должен бы, по логике вещей, развернуться и уйти.

Стоящий за дверью, судя по всему, особым воспитанием не отличался. Короткие удары по кнопке, сменились долгими, рвущими нервы трелями, затем неизвестный наглец, почувствовав себя великим музыкантом, начал выводить звонком незамысловатые мелодии.

Даже если бы моё терпение выковали из какого-нибудь высокопрочного сплава, я всё равно бы не выдержал. Превращаясь по дороге в берсерка, я ринулся к двери. Если там Сид или общественно озабоченная соседка, я преподам нахалам урок хороших манер! Жаль, что дверь открывается не наружу!

Я рванул ручку на себя и нос к носу столкнулся с малолетней хозяйкой квартиры.

— Что ещё?! — гаркнул я.

— Спите от нечего делать? — невозмутимое чадо прошествовало в прихожую.

— Работаю!

— Аааа... Тогда извините, — особого раскаяния в её тоне я не заметил. — Я думала, вам скучно. Ты чего там застрял?

— Здравствуйте, — в квартиру прошмыгнул худощавый юноша с объёмистой сумкой.

— Так я и знала, — девушка уже хозяйничала на кухне. — Пьёте без закуски. Доставай продукты.

Сумка взвизгнула молнией. Юнец принялся выкладывать свёртки.

Я стоял в прихожей, глядя то в комнату, то на кухню. Чёрт возьми! В квартире каждый чувствовал себя хозяином. Каждый, кроме меня! Ну, куда ещё от них прятаться?! И что им сдалось моё общество?!

— Меня, кстати, бабушка надоумила, — на кухне заработал холодильник, что-то шуршало, звякало и булькало. — Я вам тут сало принесла. Пельмени домашние. Котлеты — сегодня утром лепили — надо до завтра съесть. В банках разные штуки, потом сами разберётесь. Яиц два десятка. Хлеб. Ворон, ты своё всё притащил?

Знакомый мне заочно тёзка пернатого хищника буркнул что-то себе и чуть ли не целиком влез в баул. Из недр оного на жутко дорогой ковёр явился моток кабеля и что-то устрашающе-рогатое.

— Почисти всякой дециметровой выйдет, — сообщил он, убирая прядь со скуластого лица.

— Продукты в холодильнике. Потом разберётесь, — довольная собой Алла стояла в дверном проёме. — Это тот самый Ворон, про которого вы спрашивали. Он антенну вам сделает, чтобы не скучали.

— Это тоже Алла Александровна приказала? — на сегодня работу можно было забыть.

— Нет. Я сама вспомнила!

Девушка с гордостью смотрела то на меня, то на возящегося с рогатым чудовищем

приятеля. Я представил счастливую мамашу, сыновья которой пробились в люди и вершат великие дела. Мало мне одного опекуна — Сида!

Телевизор, как ни странно заработал. Ворон с равнодушным видом нажимал на кнопки пульта. На экране являлись то выдающий пошлости Якубович, то каменнолицый Сталлоне, то трясущие престестями «Стрелки».

— Шестнадцать каналов, — сообщил мне юный умелец. — Только смотреть нечего. Буржуазно-мещанская пропаганда. Я кроме «Формулы-1» ничего не смотрю. Гадость!

— А мне, значит, диверсию подстроил? — коньяк сделал меня свободным и остроумным (по крайней мере, мне так казалось) — Тебе двадцать один есть? Обмоем?

— Не пью, — поморщился Ворон.

— Он не имеет никаких привычек, особенно вредных, — сообщила Алла, пробежавшись по длинным волосам юноши пальцами. — И бережёт здоровье для борьбы.

— Каратист, что ли? — не понял я. На борца сумо Ворон не тянул.

Худое лицо исказила ухмылка. Юноша трагически закатил глаза.

— Для духовной борьбы! — сообщил он голосом подходящего к Голгофе Христа. — Игра мускулами — удел стада.

— Ворон знает способ изменить Мир, — сообщила Алла, задыхаясь от восхищения. — Перевернуть всё!

— Нашёл Архимедов рычаг? — я зажал в губах последнюю сигарету из купленной вчерашней ночью пачку.

— Архимед — ортодокс! — возмутился Ворон. — Вы изучали неопубликованные трапеционные исследования Пифагора?

— Придуманные Лавкрафтом?

— Может и «Некромикон» придуман?

— По крайней мере, хорошо преподнесён. Не забывай, дружище — я тоже, вроде бы, писатель. И прекрасно вижу приёмы старика Говарда.

— Вы — продукт эпохи Совка, — скорбно отметил юный специалист по антеннам. — Вы запираете себя в трёхмерном пространстве.

— Четырёхмерном...

— Что?

— Четырёхмерном. Ты про время забыл.

— Признаёте, значит?! — возликовал Ворон. — А если добавить пятый, шестой... Путешествия во времени возможны!

— Вот и сделай машину времени, — предложил я. — В альтернативу Макаревичу...

— Вы... , — худошавый теоретик попытался прикрыться фиговым листком возмущения. Однако он плохо прятал выпирающую растерянность. Хуже, чем греческие скульптуры.

— Разреши прикурить, Александр, — я упустил момент, когда Алла успела допить коньяк, и теперь, с декадентским изяществом, совала мне под нос сигаретину «LM».

— Во-первых, мы на брудершафт не пили, — я отнял сигарету. Подумав (сам ведь на голодном пайке) конфисковал едва начатую пачку. — Во-вторых, кто тебе курить позволял?!

— Я думала вы... — коричневатые от помады губы сложились в обиженный бантик.

— Вы против подросткового и женского курения?! — Ворон смотрел на меня, как на только что павшую лошадь (по крайней мере, его пернатые тётки так смотрят). — Вы за привилегии, данные по определённому, в этом случае, возрастному и половому, признаку?

— Я против конфликтов с её отцом. Я не хочу прослыть растлителем малолетних.

— Значит, вы боитесь конфликта с буржуазно-мещанской плесенью?! Вы же писатель!

Вы — борец! Вы — факел!

— Пусть кто-нибудь другой горит, ладно? Ты, кстати, сам — не куришь и не пьёшь, — напомнил я.

— Это мой выбор. Антон Лавей говорил: в обществе будущего каждый должен иметь право на выбор. Знаете, кто такой Антон Лавей?

— Он так же говорил, мой юный друг, — вылезший из памперсов революционер почему-то всё больше и больше напоминал мне Сида, — человек, подталкивающий другого к гибели — худшая из мутировавших обезьян.

— Вы читали «Сатанинскую Библию»?

— Не только. У него вышло три книги, кстати.

— А что вы думаете...

— Всё! — я глянул на клюющую носом Аллу. — Пора спать, детки.

Закрыв дверь за юными визитёрами, я едва добрался до дивана. Поиски постельного белья и раздевание казались мне ненужной роскошью. Мягкий валик заменил подушку. Я закрыл глаза. Странное дело — стоило принять горизонтальное положение, сон, одолевавший меня в прихожей, куда-то пропал. В голове перегруженной алкоголем кружилась взбесившаяся карусель. Я летел. Препоганейшее, кстати, состояние. Полная потеря ориентиров в пространстве, к горлу подступает комок, а в ушах гудит что-то неуловимо ультразвуковое. Порой кажется, что душа оторвалась от тела и мечется от стены к стене, перепуганная потерей материальной оболочки. В такие моменты хочется кричать, чтобы убедиться в собственном существовании.

Ужас сковал меня. Я уже не чувствовал выпитого за сегодняшний вечер. Полёт оборвался. Я вдруг ощутил себя юным созданием. Девушкой! Вокруг было холодно и сыро. Свет единственного на всю улицу фонаря отражался в лужах, на бурой опавшей листве. Меня душила злость. Слезинки то и дело срывались с ресниц, размывая тушь и оставляя на щеках тёмные дорожки. Обида и разочарование заполнили сердце осенней промозглостью.

Беспомощный я лежал на диване и одновременно брёл по пустынной улице. Вернее, брела она, но я почему-то был рядом — бесплотный и незаметный. Её кожей я ощущал холод, её глазами видел дорогу, её ушами слышал рёв проносющихся по невидимому за домами шоссе машин. Я путался в её мыслях. Она и сама не могла в них разобраться. Чьи-то насмешки, какая-то ссора, осоловевшие от пьянства родители, желание согреться и желание бежать куда-нибудь, закрыв глаза.

Я попытался встать, но тело отказывалось повиноваться. Лишь едва слышный стон оказался плодом моих стараний.

Девушка пересекла круг света под фонарём. Её сапог переступил границу света. Она словно почувствовала мою возню. Застыла на месте.

— Кто здесь? — произвольный шаг назад. На освещённое пространство.

Мурашки пробежали вдоль позвоночника. Низ живота защемило. В лицо пахнуло холодом. Не сырым вздохом осеннего ветра. Не материальным, оцифрованным Цельсием или Фаренгейтом, изменением температуры. А тем жутким, потусторонним морозом, что заставляет мирно спящую собаку внезапно задирать морду и выть, или семенящую по своим делам кошку вдруг выгибать спину и шипеть на пустое место.

— Беги! — мысленно кричал я. — Куда угодно! Врывайся в подъезд, колоти во все двери, зови на помощь! Только не стой! Беги!

Она меня услышала! Она оглянулась. Отступила ещё на шаг. С каким трудом он дался! Её тело становилось не более послушным, чем и моё. Ей оставалось смотреть в темноту, поскуливая от страха.

Один шаг по мокрой листве. Второй. Третий. Кто-то застыл на границе чернильной мглы. Мелкий, обжигающий щёки дождь сменил флегматичную изморось. В свете фонаря хлынувшая с небес вода обращалась завесой. Мы видели тёмный силуэт незнакомца. Он вступил в полосу света. В искажённой ледяными струями фигуре было что-то неуловимо знакомое.

Девушка облегчённо вздохнула. Улыбнулась.

— Здравствуйте, — мокрое лицо осветила надежда. — Вы меня испугали. Можно у вас

сигаретку попросить.

Она кого-то узнала. Или не узнала, а заметила что-то, прогнавшее страх. Я вглядывался в приближающегося человека до боли в глазах. В чьих глазах? Мои сейчас беспомощно плялились в тёмный потолок. Её? Но почему я не видел лица?! Почему не различал — мужчина или женщина?! Молодой или старый?! Размытое тёмное пятно с формами чего-то узнаваемого и тут же ускользающего!

— Беги! — вопил я. — Не верь! Это — обман! Маска! Это — опасность! Это — смерть!

Она шагнула навстречу силуэту, всё с той же виновато-просящей улыбкой. В последний момент она что-то заметила. Поняла всё. Услышала меня. Но было уже поздно. Незнакомец схватил её за волосы...

С диким криком я вскочил с дивана. Опрокинул журнальный столик. Пустая бутылка звяк-нула о пол и укатилась в угол. Тетради, шелестя страницами, рассыпались по ковру. Видение растаяло. Взбунтовавшиеся руки и ноги нехотя соглашались подчиняться. Миллионы мелких иголочек одновременно впились в занемевшее тело.

Припадая то на одну, то на другую ногу, я добрался до выключателя. Шаря рукой по стене, я всё ещё чувствовал железную хватку явившегося из темноты убийцы. Меня колотило. Я всхлипывал подобно перепуганному ребёнку. Я понял, что никакого выключателя нет. Что я так и буду спотыкаться в темноте, пока размытый дождём незнакомец не нанесёт следующий удар.

Пальцы нащупали пластмассовую коробочку. Я вдавил клавишу.

Трёхрожковая люстра залила комнату мягким светом. Я боялся оглядываться. Обман! Улов-ка! На самом деле он стоит за спиной и ухмыляется. Я жив, пока не встретился с ним взглядом. Я сполз на пол, прижимаясь лбом к стене. Мой нос упёрся в испещрённую карандашными каракулями страницу.

Несколько минут я тупо смотрел на собственные заметки. Я не писал этого! Это не мой почерк! Это, вообще, не та страница! Я осторожно перевернул тетрадный листок. Вот оно! Главные герои, характеры, краткий план. А здесь? Я вернулся на исписанную страницу.

Мелким убористым почерком на каждой строчке кто-то оставил одну и ту же фразу:

«ТЫ ВЕРНУЛСЯ!»

Значки, созданные в незапамятные времена Кириллом и Мефодием, модернизированные большевиками, ввели меня в транс. Зародыши мыслей увядали, не успев дать ростков. Я не мог этого написать, видение обездвижило меня. Но кто тогда?! Призраков не существует!

Напомнил о себе вчерашний сон. Старуха слышала голоса. Бред, конечно. Старуха слышала... Чёрт, возьми! Не только старуха! Я чётко увидел мелькнувший во время утреннего разговора фиолетовый глаз. Тогда я ещё плотнее закрыл дверь. Мерзкая девчонка! Пока Ворон проводил телефикацию, умничал перед писателем-неудачником, она решила пошутить. Дрянь! Сейчас я полностью разделял мнение Игоря насчёт его дочери. За такие шутки надо уши оборвать!

Держась за краешек тетради двумя пальцами (попытка поиграть со мной в охотников за привидениями после первой волны злобы вызывала омерзение), я выбросил испорченное начало рукописи в мусорное ведро. Вырывать листы не хотелось — неровные краешки будут каждый раз злить, напоминая о гадком поступке девчонки. Злорадно ухмыляясь, достал сигарету из конфискованной пачки — немножко, но отомстил, пусть и заочно. Закурил. Как нельзя кстати пришёлся возвращённый из ссылки «Монарх». Нервы нужно успокоить.

Замечательное качество человеческого мозга — ухватившись за тень разумного объяснения, выстроить логическую цепочку — пришло мне на выручку и заработало на полную катушку. Недавний кошмар превратился в ленточку случайных совпадений. Всё просто: пустившись в бега, я всё время испытываю стресс. Вороватая цыганка, нахальный Сид, агрессивный братец, ненормальные внучка с бабушкой, подсознательные воспоминания

— вот они, составляющие страшной картинки. Обычный сон я принял за видение. Нападение на девушку — отложившийся в памяти рассказ Игоря о недавнем убийстве. Всё просто! В крошечных городишках не бывает Джеков Потрошителей. Мёртвые не восстают из могил, когда возвращаются те, кого они обещали ждать. Мне нужно работать над книгой, а не втягиваться в игры ошалевших от безделья провинциальных барышень и их приятелей-нигилистов. Последняя мысль подействовала не хуже снотворного. Я закрутил пластмассовую пробку, поставил полупустого «Монарха» на журнальный столик и, повертевшись на неприлично мягком диване, погрузился в сон.

Из мирного, лишённого каких бы то ни было видений, забытья меня вырвало наводящее зубную боль таракание и прыгающий из октавы в октаву рёв. Я глянул на настенные часы — девять утра. Что за апокалипсис спозаранку? Приложившись к бутылке с пивом, я проковылял к окну. Самочувствие было таким, каким может быть у человека накануне немного переусердствовавшего с лечением похмелья: жить, вообще-то можно, но бывали времена получше.

Напротив окна работники коммунальных служб исполняли соло для отбойного молотка в сопровождении экскаватора. Пока один безжалостно крушил асфальт перед ступеньками подъезда, другой покуривал в кабине нетерпеливо взрыкивающего ковшастого монстра. Поздняя осень — самое подходящее время для ремонта теплосети!

К тому времени, когда симфония весёлых мастеров достигла апогея, я выкурил две сигареты и допил пиво. Выспаться я, конечно, не смог: под такой аккомпанемент ни о каком сне не стоило и мечтать. Я отошёл от окна и глянул на стопку тетрадей. В первой половине дня моя работоспособность равняется нулю. Не было даже желания попытаться восстановить немногочисленные вчерашние заметки.

Вяло пожевав кое-что из принесённых вчера продуктов, я решился на прогулку. Может быть, за время моего отсутствия, «кладоискатели» окончательно разрушат асфальт, выкопают яму нужных размеров и уберутся прочь со своей ревущей техникой. К тому же... Хотелось выпить. Нет, не напиться, а поддержать бодрое состояние и привести в норму нервную систему.

Одиночество — замечательная вещь для любящих излишества. Никто не считает потраченных денег, не суёт под нос переполненную пепельницу, не глядит с осуждением после каждого глотка спиртного. В свои тридцать с хвостиком я прекрасно знал все гнездящиеся во мне вредные привычки, но очень не любил, когда мне их ставили на вид. Человек волен убивать себя, как ему заблагорассудится.

Я подсчитал наличность. Благодаря Сиду по крайней мере месяц можно не беспокоиться о финансах. На секунду в глазах нарисованного Франклина мне почудился упрёк. Я тратил (пропивал, если говорить честно) не совсем свои деньги, большей частью не свои. Эгоисты — счастливые люди: с совестью они управляются, как хороший дрессировщик. Я подмигнул Франклину и, сложив пополам, отправил купюру в карман. Оставшиеся три спрятал в укромном месте, поклявшись забыть об их существовании на ближайшие две недели. Может, реальнее полторы? Нет, две! В моём положении не шикуют!

Приняв минибюджет большинством в один голос, я оделся и вышел на лестничную площадку.

Дверь напротив отворилась сразу же. Похоже Зинаида Как Её Там По Батюшке не отходила от глазка всю ночь.

— Вы передали? — заплывшие глазки плевались подозрительностью.

— Что передал?

— Так я и знала! — двойной подбородок задрался к потолку, который в данную минуту, наверное, символизировал для соседки небесный свод и его обитателей. — Никому ничего не нужно! Я обо всём должна помнить! Вы про домофон передали?!

— Я не видел Аллу Александровну. Сегодня зайду и передам, — пообещал я, чтобы избавиться от активистки.

— Почему вы внучке не сказали?! Она к вам вчера с этим хулиганам заходила!

— Ко мне вчера ещё и приятель заходил! Мне каждому про домофон докладывать?!

— Меня интересуют сданные деньги, а не ваши приятели!

— А мне до лампочки и сданные деньги, и домофоны!

С минуту она смотрела на меня, как на полоумного, потом взорвалась визгом, на время заглушившим солирующий отбойный молоток:

— До лампочки?! Всем всё до лампочки! Никому ничего не нужно! Пусть в подъезде гадят! Убивают! Грабят! Насилуют!

— Вам последнее не грозит, — я вложил в улыбку всю скопившуюся желчь. — Посмотрите в зеркало — это вас успокоит.

Свекольный оттенок залил мопсообразную физиономию.

— Хулиган!!! — прохрипела женщина. От удара захлопнувшейся стальной двери содрогнулись стены.

Я знал по опыту — с подобным типом людей существует два способа общения: либо с любезной улыбкой терпеть сплетни за спиной и выслушивать произносимые елейным голоском замечания, либо сразу поставить на место, избавившись и от улыбок, и от замечаний, но намного увеличив выливаемый за глаза поток гадостей. Опыт приучил меня выбирать последнее. Ругань на входе не виснет.

Я сбежал по лестнице. Выскочил из подъезда. Перескакивая с одной кучки препарированного асфальта на другую, добрался до «большой земли».

— Чего роем, мужики? — поинтересовался я у перекуривающих копальщиков.

— Система того, — обслюнявленная сигарета в пальцах повелителя отбойного молотка начертила в воздухе замысловатый знак.

— Довели страну! — экскаваторщик зло сплюнул на обнажившуюся глину.

— Если сварщик до обеда подойдёт, к вечеру закопаем, — пообещал молотобоец. — Оно же централизованное. Понимать надо. Здесь дует — там закупорка. Бестолковая система.

— Уйду, на хрен, в диспетчера! — пригрозил экскаваторщик. — Сварщика не дождёшься, а мы, на хрен, не люди! У меня халтура накрылась!

— Диспетчерам не платят...

— Зато в тепле!

— И все шишки на твою задницу.

— А я наклал на них!

— А они на тебя!

Я предпочёл покинуть разгорающуюся дискуссию. Своих проблем хватает. Первым делом хотелось выбраться на Проспект Ленина — единственная улица в Калиновске, где нет луж (широкие разливы на парочке перекрёстков не в счёт).

Народу на главной городской артерии встречалось немного. Работоспособная часть населения откочевала на утренних электричках, пенсионеры осаждали пункты приёма стеклотары, а племя синеносых ещё не вышло на тропу поиска огненной воды. Кучка подростков, считающая, что лозунг пролетарского вождя: «Учиться, учиться и ещё раз учиться» — неактуален в стране победившей демократии, да несколько бездельников вроде меня — вот и все горожане, попавшиеся мне по пути.

В первом же магазине-подвальчике, выбирая продукты, которые не придётся долго готовить, я обозвал себя идиотом. Чёрт возьми, забыл взять сумку! Взгляд упал на пакет с надписью «Калиновску — 60». Вещь, конечно, уникальная и даже коллекционная (особенно, если предположить, что к 100-летию Калиновск может повторить судьбу небезызвестного Китежа и погрузиться в болота), но для меня бесполезная. Я хотел купить слишком многое. Нужно что-либо попрочнее.

— Простите, а где найти галантерею или что-то подобное? — поинтересовался я у моло-денькой продавщицы.

При моём появлении девушка прервала разговор с приятельницей из соседнего отдела и подошла к прилавку. Вот уже несколько минут она смотрела на меня, как на какого-то особо мерзкого представителя отряда земноводных.

— Мужчина, вы издеваетесь? — она как-то по-особому растягивала гласные, словно с

трудом удерживала сладкий зевок. — У нас «Продуктовый», не видите?

Действительно, придурок! Мало того, помешал беседе, заставил пройти на рабочее место, ещё и спрашивает глупости.

— Вы не поняли. Я имею в виду, где в городе галантерея? — виноватая улыбка была призвана обезоружить принцессу прилавка.

— По проспекту до площади. Там увидите, — она игнорировала мирные инициативы.

— Спасибо, — я сделал шаг назад.

— Покупать что будете? — возмущение в реплике преобладало над любопытством.

Странное дело, но я, полчаса назад грубивший соседке, растерялся. Не хотелось огорчать симпатичную девушку. Не хотелось оставлять после нашей короткой и ничего незначащей встречи плохое мнение о себе.

— Дайте вот эту штуку, — я ткнул в разноцветный цилиндрический свёрток.

— Рулет? Вам с чем? Черника, малина, абрикос?

— На ваш вкус.

— Мужчины не задерживайте... , — она вовремя вспомнила, что за моей спиной нет никаких покупателей. — Не мешайте работать!

— Это и есть ваша работа! — у меня тоже был предел терпению, не очень большой, между прочим. — Не нужен мне никакой рулет! Ни с малиной, ни с калиной! Я... , — очень кстати вспомнился завалявшийся в кармане пропуск на какое-то там литературное мероприятие, — статью хотел написать, — она хлопала накрашенными ресницами, глядя на заключённый в пластик кусочек бумаги с моей физиономией, — как про ударников капиталистического труда и героев частного капитала! Теперь ещё подумаю! — я развернулся и быстрым шагом вышел из магазинчика.

По дороге в галантерею, я мысленно складывал триумфальный гимн. Приятно чувствовать себя победителем. Именно ради таких мгновений средневековые рыцари отправлялись в Святую Землю и калечили друг друга на турнирах. Неважно, что противником моим выступила женщина. В конце концов, одолеть бытовое хамство и грубость порой гораздо сложнее, чем выбить из седла какого-нибудь закованного в латы Айвенго.

У дверей магазина я нацепил пропуск на куртку. Оценил отражение в витрине. С мокрого стекла на меня взирал некто важный и официальный. По крайней мере, для провинции. Наведём сегодня шороху!

Для поддержки имиджа я плотно прикрыл входную дверь, прошёлся вдоль витрин, почитал рекламные плакаты. Впрочем, впечатления я произвёл не больше, чем дремлющая на батарее кошка. Не зря говорят — женщина любит ушами, большинство слабого пола любую информацию воспринимает только в звуковой форме. Отсюда, наверное, такая любовь к болтовне.

Не желая больше изображать из себя журналиста, я спрятал пропуск и молча прошёл к витрине с сумками. В глазах зарябило от множества разноцветных рюкзачков, украшенных Бритни Спирс, Бетменами и зверюшками-уродцами из идиотских мультфильмов. Где вы, скромные и объёмистые советские сумки, с которыми трудящиеся, заработав отгул, совершали набеги на столицу и увозили в вас половину московских универсамов? Расстроенный, я взирал на брезентовую пестроту, когда до моих ушей долетел обрывок разговора продавщиц.

— ... лицо изуродовали и распотрошили, представляешь?! — вещала одна с важным

видом. — Мне Танька из ночного звонила. Помнишь, которая в прошлом году от нас ушла? Да нет, не крашенная! Крашенная — Маринка. Танька, которая ещё турецкую куртку приносила. Мужу мала. Помнишь? Её ещё бухгалтерша сыну купила, а теперь сама носит. Помнишь? Вот, Танька сменилась и мне звонит. Мы с ней на Восьмое Марта в одной кампании гуляли. Она со своим-то развелась. Говорит, сама выгнала... Врёт! Он у неё за каждой юбкой бегал. Наверняка, к другой бабе убежал. А то выгнала! Ей за мужика руками ногами держаться. Ни кожи, ни рожи. Выгнала! Я прямо дурочка, так и поверила!

— Так чего там у них в ночном случилось? — напомнила вторая основную тему разговора.

— Не у них! Рядом во дворе. Тоже нашли место, где магазин строить. Ночью от шпаны прохода нет. Танька говорит: идёшь на работу — дрожишь. Они там перепьются и всю ночь колобродят. Охранник только один. Он разве поможет, если что?! Сколько раз хозяина просили, хотя бы ментов нанимать — бесполезно. А чего ему? Он сам, что ли за прилавком ночью дрожит? Денежки в карман положил, и трава не расти. Вот хотя бы у нас...

— Кого там нашли-то?

— Девчонку зарезали. Во дворе. Не просто, а как по телевизору рассказывают. Про маньяков. Менты, значит, когда понаехали, к ним в магазин всё бегали. За сигаретами, потом за водкой. Танька, говорит: бледные, руки трясутся. Одно, хорошо — шпану разогнали. Танька, значит, слушает, как они между собой переговариваются. Ужас! Девчонка, значит, молодая во дворе лежит. Лицо изуродовано, живот распорот. Ужас! Охранник потом за понятами ходил, когда следователь приехал. Танька не пошла. Магазин не бросишь... Вы что хотели, молодой человек? — последнее относилось ко мне.

Поражённый рассказом, я на время забыл о сумке.

— Вы что-нибудь покупаете или просто так стоите? — наседала рассказчица.

— Сумку... , — ответил кто-то во мне.

— Вам какую?

— Знаете, — я усилием воли взял себя в руки, — что-нибудь неброское и вместительное.

— Вам для мальчика, для девочки? — с видом экскурсовода девушка прошла вдоль жизнерадостных рюкзачков.

Я вздрогнул, представив себе упрятого в сумку ребёнка. Она с ума сошла?!

— Здесь по росту подбирать надо, — продолжала продавщица, — чтобы подошёл. А то знаете, купят — ребёнка из-за ранца не видно. Вам для высокого? В каком он у вас классе?

— Ни в каком...

— Заранее готовитесь, — одобрила она. — Правильно. Вот какие папы бывают, — повернулась девушка к подруге. — А моего не заставишь ребёнком заниматься. Всё в гараже пропадает. Если соберётся, то в последний день, бегом, наспех. Купит, что на глаза попало и снова в гараж. Так вы какой берёте?

— Мне не для ребёнка, — я, наконец, понял, о чём идёт речь. — Мне для продуктов.

— Вам к ней, — кивнула продавщица на соседку. — У нас в отделе только ранцы.

Чувствовать себя полным идиотом не очень приятно. Откуда эти мысли про спрятанных в рюкзаки детей? Хорошо ещё словоохотливая девица не заметила моего перекошенного от страха лица. Чёрт возьми, надо лечить нервы! Но убитая девушка! Убитая этой ночью девушка! Неужели...

Я украдкой глянул на хозяйку рюкзаков. Нет, спрашивать не стоит. От неё больше

узнаешь о неведомой Таньке, чем о ночном происшествии. Да и неудобно — получится, что я подслушал чужой разговор.

Не привередничая, я выбрал одну из предложенных мне сумок, отдав предпочтение крупной молнии и крепким ручкам. Расплатившись, я вышел на улицу.

Осень напомнила о себе горстью мелкого дождя. Я вытер лицо, впав в состояние замерзающей лягушки, пересёк площадь. Автоматически отмахнулся от спрашивающего о чём-то потрёпанного человека. Упёрся в стену дома, развернулся и двинулся в другую сторону, не обращая внимания ни на лужи, ни на дождь, ни на ветер.

Что происходит?! Второе убийство в Калиновске, где украденная простыня и пьяная драка — преступления века. Ещё несчастный случай с Аллой. Его вспоминают до сих пор. Не зря Игорь на меня так окрысился. Я принёс с собой неприятные воспоминания. Я принёс...

Ночное самовнушение рушилось тараном реальности. Девушка погибла. Убита. При чём здесь я? Я всё видел! Да-да! Обманывать себя бесполезно! Глупо! Не знаю, как, но я всё видел! Видел беспомощную, перепуганную жертву. Видел убийцу. Видел! Почти узнал! Ещё бы одну секунду и лицо живодёра попало бы в свет фонаря! Но я испугался! Испугался и убежал!

Бред! Как убежит человек лежащий на жутко дорогом диване?! Как он может стать свидетелем преступления, находясь за сотни метров, в тёмной комнате, за кирпичными стенами?! Но стал же! Что это?! Я — экстрасенс?! Ясновидящий?! Ерунда! Почему раньше не замечал за собой ничего такого?! Но что, что случилось?!

Наверное, я походил на лунатика. Не знаю, как меня воспринимали прохожие, если, конечно, они встречались. Я не замечал никого и ничего. Несколько раз я сворачивал, упираясь лбом в кирпичную кладку. Странное зрелище: незнакомый мужчина бредёт, не разбирая дороги, и волочит по земле здоровую сумку. В лучшем случае примут за пьяного, в худшем... Городок оглушённый двумя убийствами не самое подходящее место для чудных поступков.

Чувство близкой опасности отрезвило хорошим апперкотом. Ещё не понимая, что происходит, я застыл на краю здоровенной, окутанной паром ямы. Плоды трудов возящихся у моего подъезда копателей. Ещё шаг и... Горячие трубы, кипящая вода: одно слово — система.

«Может оно и к лучшему? — пискнуло в мозгу. — Мгновенная боль, и все проблемы махом! Ни суеты, ни погони неизвестно за чем — покой и тишина».

" А там есть покой? — поинтересовался другой голос. — Кто скажет точно? Где гарантия? Если там суета ещё почище... "

Я не успел закончить мысль. Край изуродованного асфальта предательски обломился, По-дошва ботинка зависла над пустотой. Я взмахнул руками. Поздно. Клубы обжигающего пара ударили в лицо.

«От судьбы не уйдёшь!» — успел подумать я.

Мгновенной боли не последовало. Кипяток не обжигал кожу. Я открыл глаза. Сквозь пар угадывались контуры труб. Одна моя нога под нелепым углом зависла в воздухе, другая упиралась носком обуви в край ямы. Руки суетливо хватались за воздух. Я не падал! Что-то, укрывшееся в горячем тумане, упёрлось мне в грудь. Что-то живое и сильное. Я ощутил мощнейший толчок и пробкой вылетел на край ямы. Кто-то схватил меня за плечи.

— Ты, мужик, и клоун! — прохрипело над ухом. — Остограммился уже?! Не видишь куда прёшь?!

Меня грубо развернули. Искажённое лицо молотобойца дышало злобой и перегаром.

— Оглох, что ли?! — допытывался мастер-копатель. — Ты с пьяных глаз обваришься, а нас под суд?!

— Вы меня оттуда? — я всё ещё чувствовал вкус пара и мощь кого-то спасшего меня.

— Мы тебя сюда, придурок! Из ямы ты сам как-то выскочил, акробат хренов! Я уж тебя здесь подстраховал. Сперва за сумку, потом за тужурку... Да ты, скотина, трезвый! — вдруг возмутился спасатель. — Ни в одном глазу! Ты чего туда полез?!

— Задумался...

— Задумался?! Я тебе сейчас морду набью, козёл!

— Извините, — я хотя и избежал кипятка, но походил сейчас на варёного курёнка. — Спасибо вам.

— Спасибо много. стакан — в самый раз, — из-за угла дома появился экскаваторщик. — Чего шумишь, Иваныч?

— Пока ты за сигаретами ходил. Этот придурок чуть в яму не грохнулся.

— Пьяный что ли?

— В том — то и дело — как стёклышко!

— Довели страну. Скоро все мы — камень на шею да в омут...

— Только не на моём участке. Затаскают потом — почему ограждения не ставили, почему не предупреждали. Загремишь на старости лет.

— Слушай, — экскаваторщик не отрывал от меня глаз. — Это ты утром спрашивал, чего копаем?

Я кивнул.

— Так ты решил, что раз не будет к вечеру горячей воды — ну, её на хрен такую жизнь! — коммунальщик даже рассмеялся собственной версии. — Во дела! Давай, Иваныч, в контору — требуй сварщика. Скажи: жильцы уже вешаются. Одного уже из петли вытащили. А ты, — он крепко ухватился за цепь событий, — лучше жалобу напиши. В мэрию, депутату. Оно, конечно, бесполезно, но ты одну бумажку туда, копию — себе. Вот тогда можно и в кипяток сигать.

Мы с Иванычем, раскрыв рот, смотрели на энергичного повелителя копающей машины.

— Ну, ты, Колька, даёшь, — покачал головой молотобоец.

— А ты как думал? Мы свои права знаем. Дуй за сварщиком.

Иваныч посеменил по улице, сбивая с сапог налипшую грязь.

— К вечеру воду пустим, — пообещал Колька. — Ты, из какой квартиры? — я указал на окно. — Ясно. Если мастачка в бутылку полезет, я за тобой заскочу. Ты тогда кричи погромче, грозись. Они этого не любят. Скажи: ещё раз сигану, если воду не пустите.

— Да всё, собственно, случайно получилось, — попытался я внести ясность. — Я про воду и не знал. Так, задумался.

Колька смотрел на меня, как на слабоумного.

— Мужик, ты мыться хочешь? — поинтересовался он.

Я неопределённо пожал плечами.

— Ну, это твои дела, — недокуренная сигарета исчезла в облаке пара. — А мне здесь неделю сидеть не хочется. Делов-то на копейку — два шва наложить. А у меня завтра халтура — толстосуму бассейн копать. Понимаешь? Давай уж, как договорились — и всем хорошо будет.

— А можно как-нибудь без суицида?

— Без чего?

— Без суицида.

— Вот этим ты нашу мастачку и припугни, если сварщика не пришлёт. Так тебя, мол, растак — суицидом тебя по заднице. Она всяких таких штук боится больше, чем комиссий из района. Так что не теряйся, мужик, прорвёмся!

Спорить не хотелось. Я пообещал Кольке помочь, если потребуется. Происшествие, как ни странно, вернуло меня в состояние равновесия. Я вспомнил, зачем вообще вышел из дома и купил сумку. Хотя, желания ходить по магазинам я не испытывал. Купить бы всё сразу в одном месте. Колька истолковал мою заминку по-своему.

— Опять навернуться боишься? — ухмыльнулся он. — Ты к дому прижмись и по стеночке — там фундамент, обсыпаться не должно.

— Да, нет, я о другом думаю. Где поблизости можно купить что-нибудь из продуктов, знаешь, быстрого приготовления, ну, и выпить.

— Да в любом «ночнике»! Тут один за поворотом. Там, говорят, нынче ночью продавщицу зарезали. Там и бухла, и жратвы купишь. Иванычу поллитру не забудь. Ты ему теперь навроде крестника.

— О чём разговор.

Отойдя шагов на десять, я решил задать вопрос.

— Послушай, Коля, а кого, ты говорил, зарезали?

— А чёрт его знает, — замасленный картуз вынырнул из окошка экскаватора. — По-разному болтают — одни твердят, что охранник продавщицу кончил, другие, что малолетнюю потаскушку на перо поставили, ну, как в прошлый раз, в посадках, слышал, наверное. Я сам-то не видел, менты улицу перегородили, из района вроде следователь приехал. Ты лучше крюк сделай — туда не суйся. Знаешь, как у этих козлов бывает — дрыхнут сутки напролёт, а случись чего, суетиться начинают. Тут уж до кого угодно докопаются — ходишь не так, дышишь неправильно, смотришь не туда. Им сейчас лучше лишний раз на глаза не попадаться.

— Спасибо за совет.

— Да, ладно. Ты возвращайся побыстрее, если мастачка припрется, действуй, как догово-рились.

Я кивнул и отправился к магазину.

Следуя заветам экскаваторщика-стратега, я по дуге обошёл толпу пенсионеров, осадивших две милицейские машины. С трудом удалось побороть искушение, хотя бы одним глазом взглянуть на место происшествия. Я испугался, но не внимания стражей порядка, о котором предупреждал Колька. Я испугался сам себя. Я боялся попасть на улицу виденную мной в ночном кошмаре. Пока ещё теплится искра надежды, что всё это невероятное, чудовищное совпадение, но если я узнаю одинокий фонарь, лужу, кучу листвы... Что тогда? Рассказать обо всём районному следователю? Признать себя сумасшедшим? Попасть под подозрение? Нет, я ещё не готов к действиям.

Дверь магазинчика мелодично звякнула, пропуская меня в помещение. Торговый зал небольшой, но чистый и ярко освещённый. Как и во всех подобного рода заведениях, центральную экспозицию занимали полки с различной крепости эликсирами для желающих забыться шумной компанией или в одиночку. С этой стороны я проблем как раз и не ожидал. Покупай, чего душа желает. Но прежде продукты.

Я подошёл к приютившимся в углу холодильникам. В одном серебрилось покрытое инеем мороженое. Во втором... Я достал блокнот и быстренько набросал список того, что собираюсь приобрести. Когда покупаешь много, всегда о чём-нибудь забудешь. Приглядев ещё несколько полуфабрикатов, не требующих заморозки, я занёс их в список и подошёл к кассе.

Проверил продуктовый реестр. Вроде все на месте. Продавщица (возможно, та самая Танька) выжидающе, даже с интересом, смотрела на меня.

— Давайте сделаем так, — предложил я. — Здесь записано, сколько и чего мне надо. Посчитайте всё сразу.

Девушка пожала плечами и взяла блокнот. Её пальцы защёлкали по клавишам кассового аппарата.

— Двести пятьдесят двадцать, — сообщила она, в подтверждение слов нуτρο умной маши-ны щёлкнула и из щели на корпусе с шипением выползла бумажная лента, испещренная мелкими циферками.

— Отлично, — я положил на алюминиевую тарелочку две пятисотрублёвые купюры. — Добавьте к этому десять бутылок водки и ящик пива.

— Гуляете? — выщипанная бровь изогнулась, уголки губ тронула улыбка.

— Похоже на то.

— Водка какая?

— Что-нибудь не особо дорогое, но и не палёную, конечно. Напиток среднего класса.

— «Гжелка», «Богородская», «Исток», «Экстра», «Довгань».

— Каждой по паре.

— Пиво?

— «Посадское» или «Очаковское». Да, ещё сигареты — два блока «Пегаса», два — «При-мы».

Лёгкий интерес в глазах девушки перерос в откровенное любопытство.

— Понимаете, — пустился я в объяснения. — Выпивший человек не замечает когда курит и что курит. На этот случай и нужна «Прима» — доказано путём многочисленных опытов.

— Учту. Ещё что-нибудь?

— Всё.

Девушка отсчитала сдачу и принялась выкладывать на витрине продуктово-алкогольный холм.

— Пиво в ящике брать будете? — поинтересовалась она.

— Попробую как-нибудь уместить, — я с надеждой посмотрел на купленную сегодня и заполненную уже на треть сумку.

— Если всё-таки ящик возьмёте, потом обязательно принесите.

— Вот кого я сто лет не видел! — откуда-то из-за витрины выскочил рослый блондин в кожаном, почти до пола, пальто. — Привет, зёма!

Я на всякий случай оглянулся. Кроме меня и девушки в магазине никого не было. Кого это он, интересно, сто лет не видел?

— Ты чего мелким оптом занялся? — блондин хлопнул меня по плечу, широкая улыбка линией экватора пролегла по округлому лицу.

— Нет. Это для себя, — мозговая видеокамера откручивала время назад. Блондин помолодел, вместо пропитанных гелем волос, я увидел мелкие кудряшки, румяные щёки убавились, на лбу явилась россыпь прыщей. Не может быть! — Альберт?!

— Узнал, наконец! Ну, здравствуй!

Едва я попытался ответить на рукопожатие, как Альберт притянул меня к себе и заключил в объятия.

— Сколько лет, сколько зим, — он хлопал меня по спине, хорошо, что ещё не лез целоваться. — Приятель мой, школьный, — сообщил он улыбающейся продавщице.

Я пытался высвободиться из объятий и одновременно припомнить хотя бы один факт нашего приятельства. От рук Альберта я кое-как избавился, примеров взаимной приязни так и не вспомнил.

— Ну, рассказывай! — в водянистых глазах было столько искренности, сколько её обычно бывает в игре актёров из дрянного телесериала. — Чем занимаешься?

Я неопределённо пожал плечами.

— Ясно, не спрашиваю! — подмигнул Альберт. — Свободный художник. Но вижу, что в полном порядке. А я точки держу. Слышал о моих проблемах? Наверняка, слышал! Девчонку неподалёку зарезали. Теперь начнут лицензии проверять. Городские комиссии. Крови выпьют, а зелени ещё больше. Самое обидное, я минут за десять до шухера уехал. Хозяйство своё по ночам проверяю. Вот и вчера, только к следующей точке подъехал, а охрана на мобильник звонит — так, мол, и так, Альберт Алексеевич, проблема. Я сюда, думаю, замнём без шумихи. Пока добрался, там уже начальство, оцепление. Ещё и в свидетели попал.

— Ваши покупки, — сообщила девушка.

— Ого! — Альберт переигрывал, его восторг так отдавал фальшью, что мы с продавщицей опустили глаза. — Расслабляешься, старик!

— Решил осесть здесь на пару недель, — к счастью всё купленное уместилось в сумку, крикнув, я оторвал её от пола и направился к выходу. — Тороплюсь я. Ещё увидимся, — я искренне надеялся, что этого не произойдёт.

— Постой, зёма, — Альберт схватил меня за локоть, — а Игорёк где?

— Я откуда знаю?

— Я думал он тебя подбросит. На своей тачке.

— Подбросит, — усмехнулся я. — Потом догонит, и ещё подбросит. Он мне позавчера

грозились шею свернуть или что-то в этом роде.

— Ничего не понимаю, старик. Он сегодня утром продукты привозил. О тебе, как раз говорили. Игорёк радовался, что ты приехал. Хорошо, говорит, когда семья вместе. Сашка, говорит, если что девочке моей поможет в институт подготовиться...

— Значит, сегодня утром, он был пьянее, чем вчера днём.

— Что-то ты путаешь, старик. Что-то путаешь... , — Альберт задумался, потом решительно схватился за вторую ручку сумки. — Тогда я тебя подброшу.

— Не стоит, Альберт.

— Алик! Для тебя — Алик! И никаких возражений!

В принципе, возражать-то особо и не хотелось. Пара шагов убедили меня, что я пытаюсь взять недоступный для себя вес.

Мы подтащили раздувшуюся суму к серебристому «Опелю», позади магазина. Новоявленный приятель открыл заднюю дверцу.

— Закидывай!

— Надо бы сидения накрыть, — предложил я. — Сумка грязная.

— Хрен с ними, с сидениями, — отмахнулся Альберт. — Тачка рабочая. Для парадных выездов «Джип» имеется. Так что не жалей, пачкай.

Нам, нищим людям, такие предложения — бальзам на раны. Хоть как-то отомстить за социальное неравенство. Я от души постарался, чтобы заляпанное грязью дно хорошенько потёрлось о дорожные чехлы.

Добраться к моему дому на машине оказалось непростым делом. Чтобы выехать к раскопкам у подъезда, пришлось сделать солидный крюк. «Опель» петлял по улицам, улочкам и тупикам, подобно героям Джерома по лабиринту. Альберт болтал без умолку, и непрестанно дымил жутко дорогими, но невыносимо вонючими сигаретами.

— После батяньки мне все точки перешли, — похвалялся он. — Ты про батяньку-то моего слышал? В сауне со шлюхами угорел. Мотор не выдержал. Пять лет как схоронили. Всё по-людски: банкетик, памятник мраморный, оградка. В прошлом году всё кафелёчком чёрным выложил. Мне на батяньку грех жаловаться. В люди вывел. Маманя в дела не лезет. У братишки младшего ветер в голове. Всё на мне. Заправку собираюсь открыть. Подмажу кого надо, местечко выберу и в бой. Горючее всегда в цене, что для людей, что для машин. Надо бы побольше водяры дешёвой заказать. После этого случая на ту точку одни алкаши по ночам таскаться будут. Пока всё уляжется. Как думаешь, кому та потаскушка дорогу перешла? Кури, не стесняйся.

— Я собственно толком не знаю, что произошло, — пришлось в десятый раз отказаться от коричневой сигареты и угоститься из собственной пачки. — Да и не моё это дело.

— Везёт тебе, брат. А меня оно как раз всеми краями касается. Нам, деловым людям, в городе порядок нужен. Надо с Борькой Барыбиным перетереть. Помнишь его? Ну, с подружкой твоей учился. Которая... Извини, старик. Так Борька в районе следователем подъедается. Узнаю у него, чего менты нарыли и по своим каналам козла того вычислю. Мне здесь шухер не нужен. Понимаешь? — водянистые глаза налились сталью, беззаботная улыбка резанула волчьим оскалом. Алик имел в виду не убийство. Он предупреждал меня. Только вот о чём? Как я могу нарушить покой городишки.

— Куда уж понятнее. Ты же здесь настоящий хозяин. Зачем тебе лишняя геморрой.

— Не только я, старик, не только. Есть у нас и ещё солидные люди. Какая-то, кстати, тебе родня.

— Здесь полгорода родни.

— Это точно, старик. Потому и решается всё по-родственному. Тихо. Зачем нам отморозки? Ты молодец, что всё понимаешь. А с Игорьком я вас помирю. Сегодня же вечером ему шею намылю. Хамство какое — не помочь брату обустроиться!

— Может не надо?

— Надо, старик, надо. Кто за тобой ещё лучше приглядит, если не родня? Помогут в трудную минуту. Совет дадут.

Я предпочёл не спорить. Уже сам тон Альберта не располагал к дискуссиям. Да и не хотелось тратить время на пустые разговоры.

Мы тормознули у глиняного кургана. Роль скифской каменной бабы исполнял Колька.

— Куда прёшь?! — размахивая руками, он подбежал к «Опелю». — Слеп что ли?! Ремонтные работы!

— Это что за пролетарий? — Алик заглушил мотор.

— Колька, — сообщил я, — парень со стратегическим мышлением.

— Чего ковыряешь, командир? — Альберт приоткрыл окошко.

— Авария в системе, — гордо заявил экскаваторщик. — Представляешь, козлы какие?! — завопил он, заметив, как я вылезая из противоположенной двери. — До сих пор сварного нет! Иваныч по второму разу побежал! Давай-ка ты тоже в контору! И кричи погромче! Грозись! Как договаривались!

— Так, командир, — лакированные туфли Альберта ступили на заляпанный глиной асфальт. — Я чего-то не врубаюсь. Какое дело моему другу до ваших канав?

Пожёвывая сигарету и прищулив правый глаз, Колька изучил лицо и одежду владельца магазина. Скользнул взглядом по иномарке.

— Я что ли туда навернулся? — чувство собственного достоинства подсказало экскаваторщику выплюнуть сигарету. Дымящийся окурочок приземлился на равном расстоянии и от грязных сапог парня, и от сверкающих шпидлетов владельца магазина. — Мне что ли горячая вода нужна? Я просто помочь хочу. Если бы не Иваныч, париться ему сейчас в кипятке. Вот пускай, как пострадавший идёт в контору и сварного выбивает.

— Чего он плетёт? — обратился ко мне Алик.

— Да ерунда. Задумался, понимаешь, споткнулся. Ну, его приятель меня вроде как спас... Ерунда это всё.

— Ничего себе ерунда. Ты с ума сошёл, старик! Они тебя чуть инвалидом не сделали!

— Вот именно, — поддакнул Колька. — Сварного до обеда обещали. А сейчас сколько?

— Почему ограждений не поставили?! — Альберт нахмурился.

— А они у нас есть?! Солярку-то стаканами меряют, не дай бог, лишней грамм отпустят! А тут заграждения!

— Кто мастер участка? — Алик достал мобильник.

— Платонова Галина Викторовна, — Колька ехидно улыбнулся. — 62-40-93.

— Номер я знаю, — отрезал рассерженный бизнесмен. Пальцы Алика пробежались по клавишам. На каждое прикосновение телефон отвечал коротким писком и в конце изобразил незатейливую мелодию. — Да! — суровый тон моего приятеля сделал улыбку экскаваторщика ещё злораднее. Он заговорщицки подмигнул. — А я с кем разговариваю? Я знаю, куда я позвонил. Немедленно позвоните Платонову. Девушка, вам работать надоело? Или вы хотите, чтобы я сам подъехал? И грубить не надо, пожалуйста! Раз требую, значит, имею право! Так-то лучше. Алло, это мастер Платонова? Пока ещё мастер! Это Крапо

говорит. Кра-пов! Здравствуйте! Вы что же это творите, Галина Викторовна? Ничего? А то, что мой друг, известный писатель, приехавший в гости, чуть не свалился в яму с кипятком? В какую яму? А где вы сегодня раскопки вели? Вот именно на Тимирязева. Меня не интересуют ваши проблемы. Тут паренёк говорит, что за сварщиком второй раз посылали. Брешут, Галина Викторовна, собаки, а парень дело говорит. Короче, если к вечеру не закопают, мы завтра в другом месте говорить будем. Мне плевать, что людей нет! Отчисления в городской бюджет сверх налогов получать у вас люди есть, а работать нет! Я всё сказал! Здесь, кстати, мой знакомый следователь из района работает. Вполне можно завести дело по факту несчастного случая. Нет, писатель не обварился, но моральный ущерб получил. Вы меня знаете! Вот и постарайтесь! — Альберт нажал кнопку и спрятал телефон в карман. — Сегодня всё сделают, — он повернулся к экскаваторщику. — Как эту овчарку в вашей конторе держат?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Знает перед кем на спину опрокинуться, — криво ухмыльнулся Колька.

— Она на тебя там баллоны катила. Если твякнет чего, меня найдёшь. Вылетит, как пробка.

— Понял.

— Ладно, старик, — Альберт пожал мне руку и прыгнул в машину. — Чем смог, помог. Увидимся, — он повернул ключ зажигания. — Чёрт, а фураж-то твой! Командир! — Колька был тут как тут. — Прихвати с заднего сидения сумку и помоги человеку до квартиры донести. Это тебе на газировку, — я не успел разглядеть, какие цифры и сколько нулей изображено на исчезнувшей в кулаке экскаваторщика купюре. Судя по довольной улыбке и его стремительным действиям, он оказался не в накладе.

«Опель» выплюнул облачко синеватого дыма и, пятясь, свернул за угол.

— Хозяева жизни, мать их! — Колька прикурил. — Найдёшь меня! На хрен ты мне нужен, урод! Довели страну! А ты здорово придумал! — кивнул он мне. — Наши кошёлки перед такими на задних лапках скачут! Откуда его знаешь?

— Учились вместе, — я не собирался вдаваться в подробности.

— Ясно. Вот чего он разошёлся. Такие любят крутизну показать. Ты, мол, никто — грязь, а я банкую. Показывай куда нести?

— Да, ладно, я сам.

— Не дури, писатель. Я бы и так помог, а уж, если платят...

— Тогда вот, — я расстегнул молнию и извлёк бутылку водки. — Тебе и Иванычу.

— Ты чего — офонарел?! — в глазах экскаваторщика мелькнула обида. — Я тебе чего — как этот?! Он мне штуку сунул, нам и на сегодня хватит, и на завтра, и на опохмелку. Потасили твою сумку, пока не разругались.

Мы подтащили сумку к дверям, когда с улицы послышался резкий сигнал.

— Аварийка! — просиял Колька. — Сварного привезли! Ты здесь уж сам как-нибудь, а я побегу! — подкованные сапоги зацокали по ступенькам. — Сегодня мыться будешь! — услышал я перед тем, как хлопнула дверь подъезда.

Открыв дверь, я на всякий случай изобразил перед глазком напротив ставший международным жест — вытянутый средний палец. За стальным прямоугольником что-то зашуршало, по крайней мере, мне так показалось.

Бросив сумку в прихожей, я подошёл к окну. К экскаватору добавилась машина с надписью «Аварийная ПТО» на борту. Колька, Иваныч и человек со сдвинутой на макушку, навевающей мысли о межгалактических войнах, маске выгружали здоровенные голубые баллоны. Ещё один парень (наверное, водитель грузовика) освобождал прицеп — нечто среднее между походной кухней и мини трактором.

Я вернулся к покупкам. Перемещая сумку из прихожей в кухню, я мысленно поблагодарил и Кольку, и Альберта. В одиночку я нёс бы её до сих пор. Пакеты с полуфабрикатами расположились на полках двухкамерного монстра. Водку и пиво я отправил в уличный холодильник. Выглянул в окно. Колька и водитель грузовика вели неторопливую беседу. Сварщик, с видом Наполеона, прогуливался по краю канавы. Иваныч, колдовал над дверью подвала. Когда оковы, скрывавшие подземные лабиринты пятиэтажки от непосвящённых, пали. Иваныч скрылся во влажной, пахнущей плесенью темноте. Через пару минут парилка прекратилась. Подобно золотобородому Перуну, ветеран коммунальной службы одолел Змия Подземного и разогнал зловонные тучи. Заметив мою физиономию, Колька показал большой палец. Я махнул в ответ и отошёл от окна. Зачем отвлекать людей.

Пора бы и самому начать работу. Пуст город сходит с ума. Пусть Альберт разбирается с убийцами и коммунальными работниками. Пусть какой-то псих воображает себя Джеком Потрошителем. Мне-то до этого какое дело?! Видение? Будем считать это необъяснимым, аномальным явлением. Приступом ясновидения. В газетах о подобном пишут постоянно. Почему и меня не может коснуться модное поветрие? Всё, наплевать и забыть!

Шагом готового к битве полководца я подошёл к столику. Попытался с комфортом расположиться на безобразно, ужасающе мягком диване. Позу стимулирующую творчество занять так и не удалось. Как можно создавать шедевры, согнувшись в три погибели над лилипутским столом, проваливаясь при каждом движении в плюшевую трясиину?! Помучившись я перебрался на кухню. Обычная табуретка и обеденный стол понравились мне гораздо больше.

Я заточил несколько карандашей. Открыл тетрадь. Нет, всё же мерзкая девчонка — дочь Игоря! Вчерашняя работа коту под хвост! Мало ли что — немного написано! Может, там как раз и находилось самое главное! Изюминка! Вот теперь, благодаря глупым шуткам, начинай всё сначала! Додумалась ведь! Шутница!

А есть ли стопроцентная уверенность в вине девушки? Ведь она, насколько помню, к тетрадям не подходила... Кто же тогда? Призрак?! Всё! Хватит! Нечего сходить с ума, ища оправдания мерзкой девчонке с извращённым чувством юмора. Ещё не хватало переписки с мертвецами! На бумагу, товарищ писатель, всех призраков на бумагу! В реальной жизни без них проблем достаточно.

Проведя сеанс самовнушения, я успел опустошить две бутылки пива. Идеи и мысли суети-лись, рвались наружу, толкались, подобно пузырькам в вышеупомянутом напитке. Отблески работающего сварочного аппарата врывались в помещение таинственным мерцанием. Я выдавал строчку за строчкой, абзац за абзацем, страницу за страницей. Тропа сюжета уверенно вела меня к острову ненаписанных бестселлеров, к хранилищу семян вдохновения. Я едва успевал менять карандаши и не запоминал только что написанное. Слова, предложения, обороты увлекали меня за собой, подобно взбесившейся тройке лошадей несущей повозку с перепуганным возницей. В отличие от несчастного кучера, я не пытался натянуть поводья и не желал прекращения дикой гонки. Никогда я ещё не писал так легко и так много.

Онемевшие пальцы выронили сточенный до состояния огрызка карандаш (седьмой за сегодня), когда не только буквы, но и строчки начали сливаться во что-то едва различимое. Хрустнув суставами я поднялся с табурета. С удивлением обнаружил, что уже поздний вечер. Чёрт возьми! Как я вообще мог писать в такой темноте?! Действительно одержимость какая-то! Учёные люди рассказывают, что викинги-берсерки после вспышки священного боевого безумия на несколько дней становились беспомощнее младенца. Я чувствовал себя не многим лучше. Исписанная тетрадь вызвала отвращение. Я, конечно, перечитаю (самому интересно, что там получилось), но потом. Завтра, а ещё лучше послезавтра. Честно говоря — я боялся. Мне казалось, что стоит зажечь свет, взять карандаш для правки и открыть тетрадь, как неведомая сила снова заставит меня писать, писать и писать. Писать до тех пор, пока я, истощённый и обессиленный, рухну замертво. Подобные приступы вдохновения нужно дозировать.

Стараясь не смотреть на рабочее место, я достал из уличного холодильника бутылку «Богородской» (зародилась надежда, что напиток со священным именем прогонит остатки одержимости), из двухкамерной громадины извлёк первые под руку попавшиеся закуски и быстро, я бы даже сказал панически быстро, ретировался в комнату.

Журнальный столик забракованный, как место для создания шедевров, вполне подошёл для приёма пищи и потребления алкоголя. Развалившись на диване, я щёлкнул пультом. Телевизор включился моментально. Пока дегенераты с тошнотворными улыбками экспериментировали над растительным маслом и стиральным порошком, а потом обмазывали куриные яйца зубной пастой, я отметил плодотворное начало работы.

Экран потемнел. Изображение тонуших в тумане деревьев, сменило надоедливую рекламу. В плотной белой пелене едва различались тёмные силуэты.

— Они рядом, — вещал замогильный голос. — Они повсюду. Они следят за нами. Они помогают нам. Они мешают нам. Они продолжают любить. Они продолжают ненавидеть. Они мстят. Мёртвые возвращаются в мир живых. Все наши сюжеты основаны на реальных событиях. Смотрите очередную леденящую кровь историю из серии...

Я быстро переключился на следующий канал. Хватит призраков на сегодня!

— ... очередной звонок, — серьёзный молодой человек посматривал на монитор переносного компьютера. — Ваше мнение о серьёзности так называемых сглазов. В частности Павел из Таганрога интересуется...

— Я понял суть вопроса, — пышноусый мужчина свёл чёрные брови к переносице и строго посмотрел в камеру. — Я улавливаю вопросы телезрителей ещё до того, как они собирались позвонить в студию. Павлу могу ответить следующее: его дедушку прокляли в 1905 году. Адепт секты хлыстов. Григорий Распутин, как нам известно, сначала явно, потом,

не афишируя своих контактов, являлся одним из руководителей этого движения. Думаю, не стоит распространяться, каким влиянием пользовались тогда хлысты. И не только политическим. Многие адепты, и сам Распутин, обладали реальной магической силой. Проклятие, наложенное ими, не слабеет по истечении очень долгих сроков и передаётся, если можно так сказать, по наследству.

— Вы хотите сказать — у нашего телезрителя нет шансов?

— Я этого не говорил, — специалист по хлыстам мистически шевельнул усами. — Психо-кинетическое поле Земли крайне нестабильно. В определённые моменты ультра-временных ураганов, есть возможность обратиться к жившему в прошлом человеку и исправить уже сделанное. В случае с Павлом, я думаю, стоит выслушать обе стороны — и его предка, и наложившего проклятие мага. Но ни в коем случае не стоит самостоятельно вызывать умерших. Я хочу назвать адрес нашего центра паранормальной скорой помощи, по которому может обратиться как Павел, так и любой из телезрителей...

Проклятие! Я не переключил раньше, только потому, что наполнял чашку очередной порцией расслабляющего зелья. Едва обжигающая жидкость упала в желудок, я убежал на другой канал.

Камера оператора исследовала содержимое мусорных баков.

— ... тело обнаружила группа подростков, — вещал приятный женский голос. — По предварительной оценке смерть жертвы — девушки 18–23 лет — наступила между 23.00–23.50 часов в результате ножевого ранения. С уже мёртвого тела преступник снял одежду и вскрыл брюшную полость. Имя жертвы не установлено. Любого, кто располагает какими-либо сведениями о преступлении и о личности жертвы, просим позвонить по телефонам...

Внизу экрана побежали циферки. Оператор взял крупным планом некогда миловидное лицо, отмеченное смертью и искажённое ужасом. Маринованный огурец встал у меня поперёк горла. Они что — все сговорились?!

Следующий канал. Роберт Энглуд с обожжённым лицом, размахивая когтистой перчаткой, преследует очередную жертву, беззаботно уснувшую в доме на Улице Вязов.

Я скакал по каналам, подобно зверю в горящем лесу, надеясь отыскать хоть какую-то крошечную лазейку. Выключить телевизор и остаться в пустой квартире? Уснуть? Нет! Это ещё страшнее.

Я наткнулся на плещущуюся в ванной грудастую девицу. Палец застыл над кнопкой. Я ждал подвоха. Сейчас кто-нибудь ворвётся с огромным ножом и начнёт кромсать наполненное силиконом тело. Визг, кровь, сверкающее лезвие! Ничего подобного не происходило. Девушка не столько уделяла внимания водным процедурам, сколько демонстрировала искусно покрытое мыльной пеной тело. Купальщицу сменила агрессивная блондинка. Скидывая кожаные одежды, она грязно домогалась сверкающего на солнце «Харлея». Я наткнулся на передачу, что так любят смотреть покрытые прыщами подростки и лысеющие отцы семейства.

Я тупо наблюдал за чередой сменяющих друг друга соблазнительниц и опорожнял чашку за чашкой. Что же, чёрт возьми, происходит?! Я никогда не испытывал трепета, смотря криминальную хронику или фильмы ужасов! Мне никогда не приходило в голову терпеть силиконовое общество телевизионных моделей из-за страха перед пустым и наполненным вязкой тишиной помещением. Чего я боюсь?!

Пьяные мысли кривлялись у подножия единственного и ставящего всё на свои места ответа, подобно вырванным томагавк ирокезам у тотемного столба. Он рядом. Протяни руку.

Коснись! Но... Табу!

Экранная радуга возвестила о том, что и мастурбирующим подросткам, и замирающим при каждом всхрапе, облачённой в бигуди жены, престарелым эротоманам, и даже перепуганным неизвестно чем психопатам, пора отправиться на покой.

— Сон — ошибка человечества! — я отсалютовал цветным полоскам фарфоровой чашкой.

— Крутится волчок, — ответил мне невидимый за красно-зелёно-бело-сине-и-ещё чёрт знает какой экранной тельняшкой Монин.

Изображение пропало, но звук остался. И какой звук! Тот самый «Круизз!» «Круизз» тысячи раз перезаписанный на мерзко пищащие «МК». «Круизз», который мы слушали вместе. С кем вместе? А разве неясно?!

Как посмел этот урод Игорь поменять мебель?! Чёрта с два! Пока я здесь живу — всё будет как тогда!

Я ринулся в другую комнату. Её комнату! Ха-ха! Мой крахобор-братец ничего не выкинул из старых вещей. Они пылились здесь, сваленные в кучу. Забытые и никому не нужные. Забытые?! Чёрта с два! Я ничего не забыл! Они должны быть на своих местах! Они а не плюшевые дешёвки! Разве касалась её рука этих престижных штамповок. Вот они — бесценные тумбочки и канапе, стулья и письменный стол, сервант и продавленное кресло, магнитофон «Весна-202» и ещё куча нераспакованных коробок. Они помнят её голос, её взгляд, её кожу, её запах. Их место не в тесной комнате!

К утренним мукам похмелья добавились новые ощущения. Спина едва разгибалась, мышцы болели. Одинокое пьянство — штука опасная. Дело не в угрозе алкоголизма — любители коллективной выпивки рискуют не меньше, чем пьяницы-солисты. Беда в том, что некому рассказать о происшедшем после того момента, когда, по убеждению моего знакомого — мастера восточного учения рейки, телом злоупотребившего бедолаги овладевают какие-то там астральные хулиганы с труднопроизносимыми именами. Я лежал в позе эмбриона, не в силах разлепить веки и пытался вспомнить: чем таким вчерашней ночью занимались зловредные духи, воспользовавшись моей, впавшей в алкогольную амнезию материальной оболочкой.

В голове всплывали то хихикающий Фредди Крюгер, то шевелящий усами колдун, то сползающее с загорелого тела кружевное бельё. Дальше провал. Темнота. Призраки воспоминаний. При попытке сесть я почти услышал скрип позвоночника, мышцы отозвались протестующей болью. Вместо мягкого плюша, ладонь упёрлась во что-то плетёно-твёрдое. Собравшись духом, я открыл глаза. Свитое Игорем мещанское гнёздышко походило на сельсовет после налёта армии батьки Махно. Дорогая мебель исчезла. Вместо неё откуда-то появились покрытые слоем пыли тумбочки. Хромоногий сервант подмигивал треснувшим зеркалом. Чья-то рука безжалостно вколотила огромные гвозди в шёлковые обои и развесила старые фотографии. Похоже, тот же самый варвар скатал ворсистый ковёр и раскидал по паркету останки картонных коробок. На месте остался лишь телевизор, но на нём с видом триумфатора возвышалась допотопная «Весна» увитая серпантинном зажёванной магнитной ленты. Да, астральная шпана славно повеселилась! Не зря я чувствую себя пропущенным через мясорубку.

О том, куда пропала мягкая мебель и о реакции Игоря на перестановку, думать не хватило сил. Похмельные муки не уступали физической боли. Я заставил себя подняться с раскладного кресла (Алла Александровна называла его канапе) и побрёл на кухню. Человек, осуждающий утреннее похмелье — лицемер и демагог, никогда сам не испытывавший последствий общения с Бахусом. Какое может быть дело до невидимой печени и страдающего желудка, когда раскалывается голова, двоится в глазах и полыхает в душе?!

Дорогу к заветному источнику преградило неприятное обстоятельство в виде распахнутой входной двери. Только этого не хватало! Пришлось на время свернуть со скользкой дорожки, ведущей к алкогольной зависимости и моральной деградации. Я от души надеялся, что коварные демоны не подбили меня вчера заявиться к соседке и объясниться насчёт домофона.

Захлопнув дверь, я продолжил путь на кухню. Всё! Теперь меня ничего не остановит. Потом! Потом будет время оценить масштабы разрушений. Ужаснуться. Придумать оправдания. Сейчас надо вернуть себе человеческий облик.

«Крепкие напитки до шести вечера? — пришла на ум фраза из какого-то западного фильма. — Вы с ума сошли!»

— Истинная правда! — согласился я и отставил в сторону сосуд с соблазнительным названием «Исток».

Сгорая от нетерпения и предвкушая скорое облегчение, я зубами сорвал пробку с бутылки пива и попытался затушить душевный пожар. Вкуса я почти не почувствовал.

Горьковатая влага скользнула по ссохшейся глотке, просочилась в желудок и впиталась в кровь. Я оторвался от горлышка, высосав остатки пены. Застыл на месте, ожидая, как новая порция перемешается с остатками вчерашнего и начнёт в организме хотя и разрушительную — по словам умных людей — но, несомненно, приносящую облегчение деятельность.

«Ничего страшного, — соврал я сам себе. — Просто иногда позволяю себе излишества. А кто не позволяет? Можно и не похмеляться, но тогда отлёживайся целый день. Вот сейчас ещё бутылочку и буду в норме».

Ощувив, наконец, обманчивую бодрость, я закурил и осмотрел кухню. Место обеденного стола занял старенький друг каждого школьника. Мягкий, обтянутый кожзаменителем табурет вытеснил облезлый стул. Табурет, в отличие от прочей мебели, не исчез. Он стоял с другой стороны письменного стола. Изменения минимальные, по сравнению с комнатой. Но... Холодок пробежал по зудящей спине. Я отдал бы многое, лишь бы вспомнить, что здесь вчера произошло. На исцарапанной поверхности возвышалась початая бутылка вина (напиток, коему я никогда не отдавал предпочтения), в неизвестно откуда взявшейся хрустальной вазе увядали четыре розы — две белые, две алые, рядом с цветами несли караул две оплывшие свечи. Аккуратно нарезанные и изящно разложенные по тарелкам колбаса и сыр! Баночка икры! Оливки! Откуда всё это?!

Я мог поклясться, что моя рука никогда бы не нарезала продукты таким образом. Даже под страхом смертной казни я буду кромсать колбасу неуклюжими ломтями. А деликатесы! А вино! Даже в совершенно бессознательном состоянии, я не стал бы тратить деньги на подобную ерунду!

Раздавленный в пепельнице окурок с алым ободком помады на фильтре. Откуда он?! На останках сигареты я разобрал название — «СМ». Сто лет не видел их в продаже! Перед мысленным взором замаячила сугулая фигура Нормана Бейтса. Прославленный Хичкоком маньяк перевоплощался в собственную мамашу. А я, ошалев от выпитого, устроил себе свидание с... Бред! Никакая, даже самая белая, горячка не заставит меня курить сигареты с ментолом и оставить недопитую бутылку вина! К тому же белая горячка нападает не на пьяных, а на выходящих из запоя. Об этом мне кто-то рассказывал.

Пока мой и без того страдающий мозг метался от приступов животного ужаса к жалко выглядящим объяснениям, рука протянулась к бутылке. Автоматически я сделал глоток. Кисляти-на! Я глянул на этикетку. «Огненный танец». Цена 1 р. 70 коп. Вин Агропром Молдавской ССР. Глаза считывали информацию. Мозг отказывался её воспринимать.

Я поднёс горлышко к губам, запрокинул голову, сделал глоток. Сводящая челюсти жидкость напомнила о далёких временах, о желании доказать собственную взрослость, о вдавненной ключом или ржавым гвоздём пробке, о пьяном шатании по школьным дискотекам и заблёванном в последствии туалете.

С диким хохотом я отшвырнул бутылку. Она разлетелась вдребезги. Красное пятно ухмыляющейся рожей расплылось по дорогим, наверное, обоям. Захлёбываясь смехом, я добрался до стула. Рухнул на выцветшее сидение, откинулся на спинку. Я хохотал, уставившись в недавно выбеленный потолок. Чепуха! Бессмыслица! Бред! Воздуха не хватало, шею свело, но я не мог остановиться. Я знал — ещё минута истерики, и я умру. Умру от смеха. Завидный конец!

Меня колотило. Старенький стул не выдержал. Передняя ножка подломилась. Меня кинуло вперёд. Я хорошенько приложился ухом о поверхность стола. Острая боль оборвала приступ. Я остался лежать в нелепой позе, упираясь коленом в пол и прижавшись щекой к

исцарапанной полировке. Хохот напоминал о себе хрипловато-всхлипывающими звуками, рвущимися из саднящего горла.

Я сходил с ума. Сомнений быть не могло. Видения, попытка прыгнуть в яму с кипятком. Теперь вот это. Внутри что-то перемкнуло. Перегорело. Я болен. Серьёзно болен. Это надо признать и попытаться держать под контролем. Вот хотя бы прижатый вазой конверт. Разве он не подтверждение? Со спокойствием сытого удава я отодвинул вазу, вскрыл конверт, достал вырванный из моей тетради листок, прочёл написанные моим же карандашом строки:

ТЫ СЛИШКОМ КРЕПКО СПАЛ. Я НЕ МОГЛА ЖДАТЬ. ИЗВИНИ.
СКОРОЙ ВСТРЕЧИ. ЖДИ!
С ЛЮБОВЬЮ!
А.

С каменным лицом я встал из-за стола. Сомнений не было. Я отлично знал этот почерк. Вот и всё! Больше не надо бояться. Не надо мучиться, придумывая разумные объяснения. Надо просто ждать. На едва гнущихся ногах я прошёл в комнату. Глянул на подаренную старушкой фотографию. Дальше темнота...

Время остановилось. В почти полностью отключившемся сознании продолжала функционировать некая автономная система.

Пустота, скорбный до ужаса вакуум. Кто я? Где? И я ли это? Я, как разумная единица? Я, как бессмертная душа? Или я частица этой пустоты? Безликая и бездонная? Субстанция, едва связанная с бесчувственным телом, металась в вакууме. Нет, не выход, хотя бы запертая дверь, непробиваемая стена, хрупкая паутинка. Хотя бы что-нибудь в этой бескрайней, бездонной воронке. Что-нибудь, подсказывающее, нахожусь ли я в движении или завис в пустоте. Что-нибудь, до чего можно дотронуться, уцепиться, прижаться. Убедиться в собственном существовании.

Пустота обволакивала. Затягивала. Нашёптывала о тщетности сопротивления. Она требовала стать частью её самое. Бесстрастной, бездонной, бессмертной.

Я сдавался. Подобно лягушке из известной басни, я всё ленивее и ленивее шевелил лапками (если они, конечно, могли быть в подобном состоянии), мысли о бесполезности суеты, о вечном покое, о великой чести влиться в нечто бескрайнее вытеснили всё остальное. Я чувствовал себя как существо, коему предоставлен счастливый шанс вновь укрыться в породившей его утробе после столкновения с жестокостью и продажностью реального мира. Я уже не сопротивлялся.

Вдруг — молния. Ещё одна. Ещё. Ещё. Огненные зигзаги разорвали бескрайнее спокойствие. Я не мог влиться в океан безмятежности. Не имел права. Я всё ещё мог двигаться и испытывать чувства. Вернее одно чувство. Ненависть. Я опёрся о него, словно о комок масла из всё той же басни и прыгнул. Я видел несущийся на меня выход из воронки. Она оказалась не бездонной! Со скорбным вздохом вакуум разомкнул объятия. Яркий свет резанул по глазам. Невыносимый, дребезжащий, однообразный звук рвал барабанные перепонки.

Я очнулся. Сердце колотилось о рёбра. Пропитавшаяся потом одежда прилипла к телу. Я хватал воздух, подобно рыбе выброшенной на берег. Перед глазами, взрываясь слепящими фейерверками, мелькали яркие соцветия. И звук, тот самый дребезжащий, сводящий с ума звук. Я сжал виски ладонями. При воспоминании о безмятежности и спокойствии вакуума хотелось плакать. Почему я не остался там?!

Я не вынесу! Я не смогу больше жить, после глотка бесконечности! Зачем я вырывался оттуда?! Меня же почти приняли! И звук, этот разрушающий мозг звук! Прекратится он когда-нибудь?!

Тишина ударила гидравлическим молотом. Сдавила плоть. Размазала тело по полу.

Что-то щёлкнуло. Скрипнуло.

— С вами всё в порядке? — после убаюкивающего шёпота вакуума голос звучал, как треск разрываемой материи. Я заткнул уши. Я не мог выносить звуки этого мира.

— Что здесь случилось?! — нечто чересчур плотное и уродливое шагнуло в комнату. От громовых раскатов, исходящих от существа, не спасали даже вставленные в ушные раковины пальцы. — Вас ограбили?!

Я заново обретал трёхмерное зрение. Слух терял чувствительность и возвращался к убогим человеческим стандартам.

— Да скажите что-нибудь! — надо мной нависло лицо дочери Игоря. — Господи, вы

все с ума посходили?!

— Кажется... Кажется... Мне... Плохо... стало, — я надеялся, она разобрала хоть слово в издаваемом мною клёкоте.

— Живой, слава Богу! — девушка опустилась на так и не собранное кресло и внезапно разрыдалась.

Я наблюдал за происходящим словно во сне. Медленно, попавшей в патоку мухой в сознание пробиралась мысль — Алла захлёбывается в слезах, подобно тому, как я сам, теперь уже вечность назад, задыхался от хохота. С девушкой что-то происходило. Мне нужно её успокоить.

Я не обладаю талантом утешения. Чужие слёзы наводят на меня панику. Я пугаюсь плачущих людей. Ситуация, когда кто-то впадает в состояние глубокой скорби, парализуют меня полностью. Убежать, отвернуться, не обращать внимания — вот список моих действий. Часто приходилось выслушивать обвинения в чёрствости, но, по-моему, с таким же правом можно упрекать в колючести ежа.

Я сидел перед рыдающей девушкой и не знал, как поступить. Очень хотелось что-то сделать. Но что предпринимают в таких ситуациях? Гладят по голове? Обнимают за плечи? Обещают, что всё наладится или, наоборот, призывают не раскисать и встречать невзгоды с высоко поднятой головой? Теоретически вроде бы подходил любой из вариантов, а вот как получится на практике... Ещё вроде предлагают валерианку. Или нашатырь? Нет, нашатырь, по-моему, при потере сознания. Впрочем, чего гадать — у меня нет ни того не другого.

Эврика! Что пишут на этикетке? Нашатырный спирт! И настойка валерианы тоже на спирту. Этого добра у меня навалом. Я метнулся на кухню. Скоренько распечатал «Источник» (наверняка, пока я кувыркался где-то в пустоте, время приблизилось к 18.00., да и ни себе же, в конце концов), плеснул в чашку грамм пятьдесят, на всякий случай вторую чашку наполнил водой.

— Давай-ка, — я поставил посуду на столик и попытался оторвать ладони от лица Аллы. После короткого сопротивления девушка сдалась. Красные глаза, распухший нос, мокрые щёки — я чуть снова не сбежал на кухню. Не выношу подобных зрелищ! — Немедленно прекрати, — тон получился грубым, но я ничего не мог поделать — перепуганный человек непроизвольно становится агрессивным. — Выпей вот это! — глядя в сторону, я сунул ей под нос чашку с водкой. — Поможет!

Алла проглотила водку с коротким всхлипом. Немедленно закашлялась. Я дал ей воды. Она опустошила чашку, вздрагивая время от времени. За неимением носового платка я предложил ей более-менее приличное на вид полотенце. К счастью, девушка понемногу приходила в себя и моей сомнительной галантности предпочла салфетку из собственной сумочки.

— Теперь расскажи, что случилось? — я всё ещё не отваживался посмотреть на заплаканное лицо. — Если из-за этого бардака, то я всё приберу. Мебель обратно поставлю, — знать бы еще, куда я её утащил, — я просто... , — ничего правдоподобного в голову не лезло.

— О чём вы говорите?! Отец в аварию попал! Вы в разгромленной квартире!

Я вовремя уловил слезливые нотки и убежал на кухню за водой. Пока девушка, клацая зубами о край чашки, пыталась утопить истерику в кипячёной воде, до меня дошёл смысл сказанного.

— Игорь что?! Насмерть?!

— Перелом руки, — всхлипнула Алла. — Но всё равно... Мне страшно. Как будто... Не знаю, как объяснить... Словно гроза... Ещё не началась, но будет. Понимаете?

Ещё как понимаю. У меня уже началось. И не какая-то жалкая гроза. Тайфун!

— ... убийства эти, — продолжала девушка. — Вы слышали? Уже второе. С бабушкой что-то происходит. Бормочет чепуху всякую. Потом вдруг прощения просить начинает. Я на первом этаже, а она у меня прощения просит, словно я рядом. Жуть! Я с вами шла посоветоваться... А тут...

— Что тут? Недомогание почувствовал. Отдохнуть прилёг. Задремал. Лучше расскажи, что с отцом произошло?

— К нему пока не пускают. Говорят завтра можно навещать. Ворон через старшего брата кое-что узнал. Странно всё это. Отец с тринадцати лет водит. Ни одной аварии. Даже пьяный за руль садится. Хоть бы что! А тут совершенно трезвый, скорость маленькая, дорога пустая, а он в кювет съехал. Вы что-нибудь понимаете?

— Вот завтра мы к нему вместе сходим и всё узнаем, — пообещал я.

— Вы со мной пойдёте? Здорово! Одной, знаете, как-то... А что вы здесь устроили?

Вообще-то, я и сам не возражал получить ответ на данный вопрос. Рассказать едва упокоившейся девчонке, что ошалевший от пьянства дядюшка пытался создать обстановку семнадцатилетней давности? Проспал свидание с призраком и получил записку. Нет, хватит ей на сегодня потрясений.

— Понимаешь, — напустил на себя загадочный вид. — Когда пишешь что-нибудь новое, необходима эмоциональная встряска, переворот сознания, — ещё одна обманутая (к счастью не самым подлым образом) женщина на моей совести. — Нам, писателям, — самое время скрестить руки на груди и метнуть безумный взгляд, — порой трудно объяснить процесс зарождения и создания рукописи. Я всё приведу в порядок. Обещаю.

— Нет, что вы! — её восхищение отозвалось уколом совести. — Если вам так удобно... Пожалуйста... А куда вы всё перенесли?

— Перенёс... , — чёрт возьми! Куда я всё перенёс?! Надеюсь не на ближайшую помойку! — Перенёс... Знаешь, перенёс.

Девушке, по-видимому, надоело невнятное бормотание. Она встала с кресла. Прошлась по комнате. Заглянула в соседнюю.

— И это вы всё в одиночку?! — услышал я. Господи, что я там-то натворил. В долю секунды я оказался рядом. Хотелось зажмуриться. Усилием воли я заставил себя смотреть на производство рук своих.

Такого облегчения я давно уже не испытывал. Слава Богу! Дорогая мебель, сваленная в кучу, но не повреждённая (на первый взгляд) заполонила комнату. Хоть одна проблема решилась.

— Отец с двумя приятелями два дня всё расставляли! — удивлялась Алла. — Вы один! За ночь! Класс! Вы, наверное, очень сильный?!

— Вряд ли, — я покраснел, но совсем не от удовольствия. — Бывают такие состояния...

— Класс! А можно я ванну пройду. Там зеркало.

— Одну минуту! — я не мог поручиться, что вчерашнее реформаторство не затронуло вышеупомянутого помещения.

Опережая девушку, я скрылся в комнате для принятия водных процедур. Нет, кажется сюда меня вчера не заносило.

— Проходи, — я распахнул перед Аллой дверь.

Пока девушка восстанавливала смытый слезами макияж, я убрал на кухне следы несостоявшегося свидания. Потом разберусь. Я ещё раз перечёл записку. А что если... Точно! Только измученный похмельем мозг мог принять дикие выдумки за единственную версию и не обратить внимания на разумные объяснения. Девчонка-то себе на уме! Как быстро мебель отыскала! Ладно, мы тоже не лыком шиты!

— А все эти бумажки-картонки на полу вам тоже сочинять помогают? — косметика скрыла следы недавних слёз. Припухший нос да покрасневшие глаза напоминали о разразившемся полчаса назад несчастье.

Нет, девчонка всё-таки симпатичная. Явно не в Игорька. Наверное, в мамашу-беглянку... Но, красавица, меня смазливый личиком не обманешь. Шутить изволите? Хорошо! Посмотрим, как тебе удастся водить за нос того, кто половину жизни сочиняет, выдумывает, фантазирует...

— Нет, конечно, — я рассеянно улыбнулся. — Я не уверен, что и перестановка была необходима. Я, может быть, всё верну на место. Завтра... Послезавтра... Бумагой, конечно, сейчас займусь. Писать в свинарнике не мой стиль.

— И много вы уже написали?

Вот оно! Сама невинность! Сейчас почитать попросит. Потом я отвлекусь и, здравствуй очередное послание! Что за игру ты затеяла, девочка?

— Тетрадь. Для меня это много. Не ту, кстати, что ты в прошлый раз просматривала. Её я выбросил. Пришлось начать новую, — я не обвинял на прямую, но постарался, чтобы упрёк прозвучал, как можно веселее. — Не люблю, когда в моих черновиках копаются.

— Чего-то вы пугаете, — какая искренность! Я даже растерялся. — Я вашу тетрадь не трогала. Помочь вам убраться?

Браво, Алла! В неприятном разговоре — главное вовремя сменить тему. Далеко пойдёшь!

— Буду признателен! — я изобразил улыбку рекламного придурка. — Только... , — минутная заминка. — Сначала составь мне список магазинов. Продукты, мыло, зубная паста, ну, тебе, как женщине, виднее, что в хозяйстве потребоваться может. Знаешь, неудобно как-то на улицах расспрашивать — где то, где сё. Ты мне запиши название магазина и местоположение. Скажем какой-нибудь «Кварц» — продукты — рядом с больницей или «Циглер и сыновья» — мануфактура — направо от площади. Поможешь?

— Нет у нас никаких Циглеров, — фыркнула девушка. — Я вам названия улиц запишу — быстрее найдёте. Только бумагу дайте, а то потом опять скажете, что я ваши тетради читала.

Ай, да я! Провернул графологическую провокацию, как заправский следователь. Прямо Шарапов, дуращий Фокса. Теперь, подруга, сверим твой списочек с ночным посланием, со страницами испорченной тетради (благо мусорное ведро никто не выносил) и поговорим об извращённом чувстве юмора.

Бормоча под нос какое-то несусветное поурри, я (очень собой довольный) собирал с пола останки коробок, поправлял криво развешанные фотографии, изредка поглядывал на кухню. Алла расположилась за письменным столом. Она то грызла кончик карандаша, то закатывала глаза к потолку, потом что-то быстро заносила на разлинованный листок. Ни дать, ни взять — тургеневская барышня поверяет тайные мысли дневнику!

— Вот, — девушка с гордостью протянула мне своё сочинение. — Я вам тут пометила продуктовые, где мясо всегда свежее. Пару хозяйственных поблизости. Ещё телефоны

сантехников, газовщиков и АТС. Вроде ничего не забыла... , — она пробежалась взглядом по списку. — Нет. Только не покупайте вы полуфабрикатов в ночных забегаловках! Отравя! Хотите, я вам и первое, и второе приносить буду?

— И компот, — я спрятал листок в карман.

— Что?

— Компот, говорю, к комплексному обеду полагается. А в четверг — рыбный день...

— Ну и зарабатывайте язву!

— Слушай, а что за телефоны? Я человек несовременный — мобильным не обзавёлся.

— Аппарат на антресоли. Розетка в прихожей, — буркнула Алла. — За полгода оплачено, — мой отказ от домашних обедов явно её обидел. Ладно, посмотрим, кто будет обижаться, когда я сверю почерк и поставлю тебя перед доказательствами. — И, между прочим, пепельницы вытряхивать надо. Мне всё равно, а отец бы скандал устроил. Мало того, мебель перетащили, ещё и женщин приводите.

Вот те на! Про испачканный помадой окуроч я забыл. Но каково самообладание! И нахальство! Не понимает ещё, зачем мне список понадобился. Всё шутит. Ладно, смеётся тот, кто смеётся последним.

— Учту пожелание, мадемуазель, — пообещал я.

— Я тогда пойду, — девушка помрачнела. Может, догадалась о моём коварстве? Раньше надо было думать! — Куплю чего-нибудь отцу. В больницу. За вами завтра зайти или вы уже передумали?

— Нет, я обязательно пойду. Встретимся у больницы часиков эдак в пять. Я Игорю тоже подарок приобрету. И тебе сюрприз приготовлю.

— Насчёт меня можете не беспокоиться. До свидания.

Я проводил рассерженную девушку улыбкой триумфатора. Догадалась, милочка, какую глупость сотворила! Сверить почерк — минутное дело. И всё! Конец глупой шутке!

— Сейчас мы всё проверим. Сейчас мы всё сравним, — напевал я голосом жадного раджи из мультфильма про золотую антилопу, раскладывая на столе ночную записку и каталог магазинов.

Какой же я идиот! Возомнил себя великим экспертом. Разве может дилетант доказать схожесть крупных печатных букв и бытовых прописных строчек. Потому-то девчонка так охотно предоставила образец почерка. Сам проболтался про выброшенную тетрадь. Не побегу же я, в самом деле, с двумя этими листочками к криминалистам. Кто там будет меня слушать?! Но... Ха-ха! Вы просчитались, юная заложница бытовых условностей и безупречного порядка. У вас, наверное, положено каждый день выбрасывать мусорное ведро? Убираться в доме? Протирать пыль? Думаете, все так поступают? Вот тут-то вы и прокололись! Иногда очень даже хорошо быть неряхой.

Я безжалостно вытряхнул содержимое мусорного ведра на пол. Отыскал скомканные листы. Тщательно расправил. Вооружился найденными среди рваного картона старыми очками Аллы Александровны. Немного воображения — и я знаменитый сыщик, вооружённый лупой.

— Сейчас мы всё проверим. Сейчас мы всё сравним, — энтузиазм убывал с каждой секундой. Подобно туповатому радже, я, кажется, оставался в дураках. Либо Алла — гений подделки (очень хотелось в это поверить), либо...

Я передёрнул плечами. Рука с очками нервно дёрнулась. Я смотрел на строчки, написанные разными людьми. Нет, конечно, можно убедить себя, что семнадцатилетняя девчонка из провинциального городка от природы наделена тем, чему матёрые мошенники учатся не один десяток лет. Но те же самые мошенники, часами, а то и сутками выводят каждую букву. А здесь? Строчки в тетради — я даже не заметил, когда они появились. Список девушка составляла минут двадцать, и то большую часть времени взирала на потолок, грызла карандаш и нюхала розы.

Розы! Я почувствовал, как кровь во мне обращается в скованную льдом реку. Раз! Два! Три! Четыре! Четыре увядающие розы! Куда приходят с чётным количеством цветов?! Отлично! Ответ верный! Первая несгораемая сумма! Следующий вопрос: откуда взялись сигареты давно позабытой марки и совковая бормотуха?! Не торопитесь! Хотите обратиться за помощью к залу или предпочтёте звонок другу?

Часть сознания, выстроившая прежнюю версию, слабо сопротивлялась. В талонные времена Алла Александровна могла наделать запасов. Одержимая извращённым чувством юмора внучка ими воспользовалась. Зачем? Ради того, чтобы поводить за нос пьянствующего в одиночестве дальнего родственника? Сбить с него столично-богемный снобизм? Не слишком ли изопрённо для подслушавшей несколько фраз девчонки?! Может быть Ворон?! Нет, парень возился с антенной. К тетради, вообще, не подходил (его скорее интересуют собственные рассуждения и теории). Тогда кто же?! Ситуация нравилась мне всё меньше и меньше. Ещё немного и мне, подобно беспутному философу Хоме Бруту, придётся на ночь укрываться за меловым кругом и читать священное писание до первых петухов... Пока не приведут Вия.

Тьфу! Бред какой-то, так можно себя довести до состояния прячущего голову в песок страуса (умные люди говорят, что птица таким образом, спасается не от ужасных видений, а от надоевших паразитов), спать со светом, прятаться с головой под одеяло и жалобно скулить при каждом скрипе половиц или урчании водопроводных труб.

Не на того напали (третья бутылка пива и сто грамм из «Истока» подстегнули мужество), в призраков я не верю, а шутники-извращенцы... Пусть только мне попадутся!

Я показал кукиш астральным хулиганам, что заставили меня вчера поработать грузчиком, и спрятал бутылку с огненной водой. Куча картона в углу была проблемой реальной и требующей конкретного решения. В конце концов, здесь же не склад вторсырья!

Неподалёку от дома я заметил мусорные баки. Вот туда-то и переместим плоды моей вчерашней бурной деятельности. Физическая работа возвращает душевное равновесие. Так, это я придумал, или где-то прочитал? Какая, вообще, разница?! Душевное равновесие — вот что мне необходимо! А уж изобретён рецепт самостоятельно или подсказан кем-то поумнее — это, честно говоря, дело десятое.

Картон я вынес в три захода. Приятно порадовала погода. Редкий вечер, когда тучи не разразились холодной изморосью. Место, где трудился мой приятель Колька со товарищи, представляло собой внушительную глиняную проплешину. Ступить туда я не решился. Ладно, хорошо хоть яму закопали. Несмотря на темноту, я прекрасно видел струйки пара, время от времени вырывающиеся из-под земли. Да, система, как выразился многоопытный Иваныч. С другой стороны, можно организовывать экскурсии:

— Дамы и господа, обратите внимание — подмосковная долина гейзеров! Плод усилий коммунальных служб города! Гордость и любимое место отдыха горожан!

Поддавшись влиянию наладившейся погоды, я совершил глупость — решил немного прогуляться. Поздний вечер, возвращаться в квартиру, то ли населённую призраками, то ли ставшую местом дурацкого розыгрыша, нет желания. Почему бы не подышать свежим воздухом? На лужи можно не обращать внимания. Ну не может же всё быть идеально, чтобы и дождь не шёл, и под ногами сухо! Ни при коммунизме живём!

Рассуждая подобным образом, я значительно отделился от подъезда. Закурил. Даже промокшие ноги и хлюпающие ботинки не могли испортить мне настроения. Здоровый образ жизни — штука замечательная. Вот сейчас, вместо того, чтобы пьянствовать в пустой квартире и запугивать себя до умопомешательства, я совершаю физическое упражнение под названием ходьба и чувствую, как успокаивается организм, как восстанавливаются отравленные алкоголем клетки не юного уже, надо признать, организма. А почему бы не прогуливаться каждый вечер. По утрам — зарядка. Здоровая пища. Строгий распорядок...

Тут я убедился в правоте верующих людей. Сатана действительно существует. Кто как ни враг рода человеческого подослал мне навстречу (почти уже раскаявшемуся и стоящему на пороге праведной жизни) группу парней.

Сразу вспомнился Герберт Уэллс. Нет, английский писатель был великим провидцем. Как точно описал он в своей «Машине Времени» общество будущего. Сейчас две новые расы только начали формироваться. С одной стороны: вычурно одетые, жадные до развлечения, хрупкие создания неопределённого пола; с другой: выползающие с наступлением темноты из городских трущоб агрессивные организмы. Вторые — все как один сутуловатые, низкорослые, объясняющиеся отрывистыми гортанными фразами и сбивающиеся в стаи. Вот они прародители морлоков. Хозяева подвалов и грязных подъездов.

Держа покрытые щетиной головы на уровне плеч и почти касаясь кончиками пальцев

колен, существа передвигались в мою сторону. За долю секунды я успел проклясть стремление к здоровому образу жизни. Лучше бы сейчас пьянствовал дома и разговаривал с привидениями. Я снова почувствовал себя на краю наполненной кипятком ямы. Возможно, встреча не грозила неприятностями. Пара косых взглядов, невнятное бормотание и разошлись. А возможно... Поведение этого, выведенного из человека разумного, примата трудно предсказать. Я подозреваю, что большинство из них и сами не знают, как поступят в следующее мгновение. Подобно любому низкоорганизованному стадному животному, действия этих, пока ещё сохраняющих человеческий облик, существ починено самым простым инстинктам.

Я поравнялся с пятерыми морлоками. В животе что-то противно дёрнулось. Сердце подпрыгнуло к горлу. Я изо всех сил старался не показывать испуга. Шавки не кусают тех, кто их не боится. Не кусают... В том случае, если не сбиваются в стаю.

Я уже почти миновал парней, когда один из них шагнул в мою сторону и толкнул в плечо.

— Ты гонишь, козёл?! — при желании речь морлоков можно было понимать. — Тебе чего, дороги мало?!

— Извините, — я принял на себя всю вину за столкновение и попытался уйти.

— Сюда иди! — завопил приятель «пострадавшего». — Ты в натуре гонишь!

Один мой знакомый — мастер по какому-то крикливому восточному единоборству — всегда говорил:

— Удачная драка — несостоявшаяся драка. Смелый уверенный в себе человек не даст себя спровоцировать. Порой и убежать не стыдно.

Смелый, уверенный в себе человек на моём месте, может быть, и пустился в бега, но я был из другого теста. Смелость ещё нужно доказать. Прежде всего, себе.

— Что нужно? — развернулся я.

— Тебе рога поотшибать, козёл?!

— Сам ты козёл! — спутать морлока с этим, на мой взгляд, вполне достойным млекопитающим — верный способ избежать долгих препирательств и затеять драку. Ещё почему-то они не любят сравнения с петухами.

Как завораживающе, даже в чём-то красиво дерутся в боевиках. Развернувшийся на экране мордобой, чем-то сродни танцу — каждый удар, падение, прыжок — хорошо отработанное па. Я уже не говорю о героях, расшвыривающих десятка два негодяев за раз.

Я столкнулся с правдой жизни. Едва мой кулак успел врезаться в чей-то нос, я сам оказался на земле. Оставалось лишь укрываться от ударов и ломать голову над вопросом — убьют или покалечат?

Побои прекратились неожиданно. Только мгновение назад здоровенный ботинок проверил крепость моих рёбер и вот уже шумная суета и крик боли где-то в противоположенной стороне.

— Вставай. Простудишься, — кто-то оторвал меня от земли и заставил принять вертикальное положение. Сид! Мой нахальный ангел-хранитель!

— Ты... , — прошамкали мои разбитые губы.

— Потом «спасибо» скажешь! — отмахнулся умеющий появляться вовремя человек и кинулся на ещё не расстрелявших агрессии морлоков.

Один из морлоков (по-моему, тот, который меня толкнул) пытался сопротивляться. Один раз его кулак врезался в скулу Сиды. Мой спаситель качнулся, но на ногах устоял.

Ободрённые парни кинулись в атаку. Вот здесь-то они и попались. Эти падальщики городских трущоб без труда управлялись с перепуганными одинокими прохожими, давя числом и агрессией. Ещё до первого удара деморализованная жертва сдавалась на милость победителя. Сид оказался из другого племени. Пять туповатых, сопящих физиономий не произвели на него никакого впечатления. Он специально пропустил первый удар, усыпляя в морлоках бдительность.

Манера его боя мало походила на стиль экранных героев. Сид дрался не для того, чтобы удивить развалившегося пред экраном обывателя, он дрался для победы. Победы любой ценой. Жаждавшие вечерних, одним им понятных и приятных развлечений, парни начинали понимать, что впутались в неприятности. Новый противник оказался не по зубам. Парни мешали друг другу. Пока один месил воздух кулаками, другой пинал пустое пространство, а трое оставшихся толкались в арьергарде, Сид оказался сбоку от нападавших. Он выбрал единственно верную тактику — атака. Пока парни не очухались, каблук Сиды впечатался в коленную чашечку одного из нападавших. Кость хрустнула, морлок охнул и осел на землю.

— Ах ты, урод! — оставшаяся на ногах четвёрка попыталась отомстить за приятеля. Они ещё надеялись на численное превосходство.

Сид не постеснялся отступить. Приняв его манёвр за бегство, парни взбеленились. Ситуация развивалась по обычному сценарию — перепуганный прохожий и они — сильные, крутые, а главное превосходящие числом. Скулящий неподалёку приятель — досадная случайность. За неё этот помешавший развлечению козёл ответит особо. Так они думали, окружая Сиды.

Так невольно подумал и я. Надо бы помочь ему. Хотя, какая от меня помощь! Длинноволосый, высокий мужчина встретил стервятников отломанным от примитивной (два вкопанных чурбачка и крашеная доска сверху) скамейки сидением. Гнутый гвоздь царапнул одного из парней по щеке. Он, матерясь, отпрыгнул к поверженному ранее. Я уже не хотел вмешиваться. Разве имеет право дилетант портить своей жалкой помощью выступление солиста. Размахивающий доской Сид напоминал мне гитариста виртуоза, увлечённого импровизацией. Не Ритчи Блекмора или Джо Сатриани с их изысканно-вычурными переливами, а Джимми Хендрикса или даже Томми Йоми выдающих неповторимые в своей грубости рифы и пленяющие простотой, когда палец сам не знает, где окажется в следующее мгновение соло. Мне оставалось только восхищённо наблюдать за развернувшимся действием.

Капитан Корнеев — боевой офицер, «афганец», последние месяцы перед пенсией он возился с нами, зачисленными в спецподразделения салагами — любил повторять:

— Есть два типа солдат — способные убить и обречённые стать жертвами. Моя задача: найти и обучить первых, отправить вторых подальше от боевых дежурств. Слава Богу, не война — отсидят два года на коммутаторах, на свинарниках, в канцеляриях...

Я поначалу попал в первую когорту. Службу заканчивал во второй...

Сид, наверное, стал бы любимым учеником Корнеева. Сид жаждал крови. Морлоки, испуганно отбрёхиваясь, держались подальше от «восьмёрок» и «зигзагов», что прочерчивали в воздухе кривые гвозди, торчавшие из доски. Парень с разорванной щекой придав рылу гримасу страдающего от зубной боли человека с трудом, но укрылся за спинами дружков. Существо со сломанной ногой всё ещё корчилось на асфальте. Рядом оказался Сид.

— Крутые, значит?! — его аккуратно подстриженные усики исказила нехорошая улыбка. — Отвечать, мразь!

— Мужик, ты это... , — пролаял кто-то из морлоков. — Замнём базар?

— Замнём, — пообещал Сид тоном обнажающего меч Ареса.

— Мы... это... сам понимаешь... водка, падла, по мозгам шибанула. Мы... это... без базара.

— Шибанула?

— Шибанула, мужик. С кем не бывает?

— Шибанула... , — повторил Сид с видом философа и вдруг с диким рёвом обрушил на позвоночник поверженного врага своё оружие. Доска переломилась пополам, парень взвыл. И я, и морлоки застыли от ужаса. Сид ухватил запястье извивающегося на земле парня. Его сапог, упёрся между лопаток, вмял лицо жертвы в землю. Молниеносное движение, хруст рвущихся сухожилий, невообразимый вопль.

— Это, чтобы больше не шибануло, — Сид подошёл ко мне.

Вечернюю тишину разрывала смесь жутких звуков. Дуэт для прищемившего хвост кота и увидевшего нож мясника поросёнка. Аккомпанементом выступали пробудившиеся сирены припаркованных поблизости автомобилей. Морлоки с покалеченным товарищем скрылись в темноте.

— Мы ещё встретимся, козёл! — донеслось издалека. — Мы твою хазу знаем! Ты — труп!

— Самое главное — они не шутят, — Сид поскрёб щетину, вернее небольшую бородку. — Тебе этого не простят.

— Мне? — я задохнулся от возмущения. — Нет, спасибо, конечно! Но разве я покалечил парня?!

— Я. Но позвал меня ты. Я ни сделал ничего такого, чего бы ты сам не хотел.

— Ты... ты... садист!

— А ты?

— Я не калечу людей!

— А ты разве считаешь их за людей?

— Я... Я не знаю... Но... нельзя так!

— Странно, — ладонь в замшевой перчатке с обрезанными пальцами выстукивала замысловатый ритм по затянутому в коричневую кожу бедру. — Пятнадцать минут назад — ты вопил о помощи... Почти как там... На вокзале. Я пришёл. Теперь я же и виноват?

— Спасибо! — мной овладело бешенство (где оно было недавно, когда этот парень дрался. За меня дрался!) — Я твой должник! На всю жизнь должник! Но кто ты?! Почему помогаешь мне?!

— А как иначе? — пожал плечами Сид. — Помогаю... Кто я? — коричневые глаза вспыхнули, веко дёрнулось. — А кто ты? Пойми сперва это. И... попроси помощи у приятеля-богатея. Они тебя в покое не оставят...

Сид развернулся и шагнул в темноту.

— Постой! — закричал я. — Ну, постой же! Хотя бы...

Ветер шевельнул его рассыпавшиеся по широким плечам длинные волосы, застёжки на массивных молниях кожаной куртки звякнули. По-моему, я даже услышал, как каблук ковбойского сапога раздавил что-то на асфальте. Сид не обернулся.

Как я оказался дома? Спросите что-нибудь полегче! Может быть, использовал любимый фантастами принцип нуль-транспортировки. Или как там называется это дерьмо? Скорее всего, добрёл до квартиры в состоянии зомби. О таком раскладе более чем красноречиво повествовали заляпанные грязью обувь и брюки. Почему я не одеваюсь как Сид! Практичнее... Гигиеничнее... Протёр тряпочкой — и всё. Завтра же попрошу Аллу показать мне соответствующие торговые точки. А пока...

Пока... Пока... Разве у меня нет убежища. Алкоголь — грот спокойствия на острове житейских бурь. Эдем не был садом! Эдем — бесплатная, беспохмельная пивнушка! Вот откуда изгнал Творец Адама и Еву! За что? За то, что неправильно похмелялись! Мешали «Столовое» и «Жигулёвское», «Амаретто» и «Столичную». Именно после подобного могли родиться братоубийца Каин или извращенец Хам. Так вернём утерянный Эдем! Back in Paradise Lost!

Я рвался в Эдем настолько усердно, что почти ничего не запомнил из канувшего в бытие вечера. Смутные воспоминания бурной жизнедеятельности и подключённый телефон — вот что ожидало меня с утра. Заглушая (подобно советским спецслужбам вражеские голоса) гудение в голове, я подвёл итог вчерашнего дня. Анализ почерка не оправдал ожиданий. Чёрт с ним! Дочь Игоря обиделась. На обиженных воду возят! Сид вытащил меня из очередной заварушки. Взялся за гуж — не говори, что не дюж! В общем, всё прекрасно! Кто-то, оказавшийся в зоне моего влияния (сильно сказано!), занимается моими же проблемами, в то время как я могу... А что я могу? По сути дела, ничего! Тетрадка не проверена! Вчера не написано ни строчки! Так что же я могу?!

Вопрос поражал глубиной и актуальностью. Поражал настолько, что пришлось опустошить три бутылки пива. Иллюзия физического равновесия возвратилась с доньшка опустошённых вчера ёмкостей. До душевного было ещё далеко.

Муки похмеляющегося писателя оборвал телефонный звонок. Дёрнули же меня астральные хулиганы вдохнуть жизнь в этот обелиск человеческой назойливости!

— Да? — пластмасса приятно охлаждала ухо.

— Значит, вы подсоединились? — голос Аллы я узнал даже искажённым заключением в медные жилы телефонных кабелей. — Я так и думала. К отцу идти не передумали?

— Я своих решений не меняю, — Господи, почему это неправда!

— Значит, как договорились?

— Естественно.

— До встречи, — щелчок, гудки.

Едва трубка коснулась положенного ей места, телефон взорвался новой трелью.

— Ну, что ещё?! — наверняка, девчонка хочет спросить какую-нибудь глупость!

— Ты вернулся, — этот голос я не забывал никогда. — Спасибо. Жди.

Я сел рядом с аппаратом, прижимая к груди телефонную трубку. Ну, что дальше?! Что ещё придумать? В какую сторону зажмуриться? Я давно играю со смертью на бумаге. Почему бы Ей ни начать партию в реальности. Главные хода Она сделала. Моя очередь. Смогу ли я? Нет! Со Смертью не играют! Сомневаетесь? Спросите Элиса Купера! Или Гоголя Николая Васильевича! Или Лавкрафта! Эдгара По! Клайва Баркера! Вы считаете, они всё придумали? Откуда же эта вызывающая жалость худоба? Замкнутость? Ночная жизнь?

Они столкнулись и описали нечто... Нечто запретное! Нечто, ради чего Один лишился глаза. Теперь это нечто, за неимением лучшего, коснулось меня! Видит Бог, христианский, иудейский, мусульманский или какой-то ещё, я этого не хотел!

Преимущество пьяной истерики — проходит без следа. Особенно, когда в закромах что-то булькает. Призрак? Господи ты, боже мой! На здоровье! Бывало и хуже! Призрак! Бездарностей они не посещают! Значит, начал я что-то стоящее... Ещё бы почитать. Проверить. Успею!

До больницы я добрался через грамм двести прозрачного, обжигающего, считающегося русским национальным (совершенно безосновательно) напитка и бесчисленного пива. Надо, кстати, пополнить запасы у друга детства Альберта, коего я сподобился права называть Аликом. Как бы сказал продвинутый экскаваторщик Коля — я был в порядке.

Алла маячила на входе здания, претендовавшего на авангардность в годах, скажем так, в семидесятых. Или раньше... А может быть позже... Я не специалист в архитектуре. Сотворённое на болотах — болотом да станет. Авторство моё!

Я умерил не в меру прорвавшийся алкогольный кураж. Подошёл к девушке. Взял у неё два тяжёлых пакета.

— С утра уж на ногах! — я по ослиному качнул головой, и где-то в трезвой глубине души проклял себя.

— Пьёте?

Чёрт возьми, какое право она имеет на осуждающие нотки. Тоже мне, провинциальная Памелла Моррисон или Табита Кинг!

— Моё дело, — для поднятия настроения требовалось как минимум пол-литра янтарного напитка.

— Алкоголь — способ одурманивания и ухода от реальности, — сообщила мне девушка, пока я прикладывался к купленному в ближайшем ларьке сосуду. — Если вы раб этого, то вы признаёте себя рабом во всём остальном. Ворон так говорит.

— Не Ворон, а Антон Лавей! — я, наконец, отдышался и закурил. — А до Лавей ещё тысяча людей! Ты меня будешь перевоспитывать или к Игорю пойдём?

— Странно всё, — девушка изучала взглядом бутылку с изображением жизнерадостного бородача. — Отец пьёт... Вы пьёте... Бабушка за вас заступается... Странно.

— Хватит! — человек, заведший приведение вместо кошки, обычно не склонен к дискуссиям. — Мы идём или нет?!

— А обещанный сюрприз?

Нет, но откуда в женщинах это?! Не иначе научились у обвинившего раритетную яблоню Змия!

— Извини, не получилось, — если бы получилось, по-другому бы разговаривали.

— Вот и верь после этого мужчинам! — неужели их этому в школе учат?! Пока астральные хулиганы не совершили очередную безобразную выходку, я предпочёл покинуть место действия.

Больница обрушилась запахами свежего бинта и неведомых лекарств. Я уже упоминал Элиса Купера? Ни грех вспомнить приятеля Сальвадора Дали ещё раз. Певец Смерти обожает медсестёр Он прав! Оказавшись в больнице, вы попадаете в лапки этих созданий. Беленькие, чистенькие, заботливые — они забывают обо всём, что не связано с вами. Капельница, клизма, укол, таблетка — капризничай, не капризничай, наяда в застиранном, почти прозрачном халатике выполнит свой долг. Не они ли те самые валькирии?!

Покинувшие Валгаллу девы битв.

Так я думал, провожая взглядом, мелькающие из-под белой ткани икры. Парадокс пришедшего в поликлинику здорового человека — ощущать себя здоровым. Здоровым! Здоровым настолько!!!! Ладно, не будем смущать девушку.

— Нам — хирургия, — сообщила Алла гениальной лифтёрше (способность засунуть под белый халат собачью шубу, овечьи рейтузы, совдеповское демисезонное пальто и ещё кучу одежды — разве не гениальность!) — К тем, кто вчера поступил.

— Мне делов больше нету, — буркнула старуха, — различать вчерашних и сегодняшних. У дежурной спросите.

— А у вас случайно фамилия не Капустина? — поинтересовался я. В ответ получил полный подозрения взгляд. — Понимаете, — несучёрт знает что. Надо взять себя в руки, — навевает кое-что ваш вид. Помните такой шедевр — сто одежек и все без застёжек? Кто ваш модельер позвольте полюбопытствовать?

Алла пребольно ущипнула меня за руку. Будто я сам не понимаю, что болтаю ерунду. Вот только остановиться уже не могу. Астральные шалуны медленно, но верно овладевают сознанием.

— А пьяным здесь вообще делать нечего! — рассердилась лифтёрша. — Я сейчас милиционера с первого этажа позову!

— Покорнейше прошу прощения, мадам! — с пьяной изысканностью я схватил затянутую в перчатку пятерню и попытался поцеловать. — Искренне раскаиваюсь! — я скорбным вздохом проводил поспешно спрятавшуюся за спиной старухи руку. — Я больше не буду.

— Вы понимаете, — Алла пыталась выправить положение с энергией утопающего, — это брат моего отца. Издалека приехал. А тут такое! Расстроился. Выпил немного... Извините!

— Выпил и веди себя по-людски! — лифтёрша снизошла до наставления. — Никто слова не скажет. Разве я без понятия. Нечего колобродить!

Моя склоненная голова была воспринята как знак раскаяния, сотрясаемые рвущимся наружу смехом плечи — едва сдерживаемое чувство скорби. Только бы больше ничего не выкинуть.

Лифт со скрипом остановился. Старуха сдвинула решётку, распахнула массивную дверь.

— Чтобы без фокусов! — она погрозила мне пальцем. Я присел в неуклюжем реверансе. К счастью, в эту минуту лифтёрша повернулась в мою сторону массивным тылом.

— Вы с ума сошли?! — Алла тащила меня по облезлому линолеуму вдоль увешанных медицинскими плакатами стен. — Что вы творите?!

— Извини, — то ли щекочущий запах медикаментов, рвущийся из-за многочисленных белых дверей, то ли угроза старухи пожаловаться представителю власти, так или иначе, но я немного протрезвел. Астральные хулиганы нехотя отступили. Я почувствовал себя идиотом. Чего, спрашивается, разошёлся? Бабушкин наряд не понравился! Сам бы целый день на сквозняке посидел! Назад теперь стыдно ехать. Уж лучше по лестнице. И перед девушкой неудобно. Поддержал, называется, в трудную минуту! — Нашло чего-то... Сам не знаю... Больше не буду. Честное пионерское!

— Снова дурачитесь?! Ну сколько можно?! Лучше бы я одна пошла!

— Всё. Больше ни одного легкомысленного слова. Клянусь здоровьем Президента!

Девушка только вздохнула. По сути дела, стыдить меня или отправлять обратно она уже

опоздала. Мы достигли середины коридора, где в уютной нише склонилась над кроссвордом дежурная медсестра. Выясняя номер палаты отца и его самочувствие, Алла то и дело бросала на меня тревожные взгляды. Я оказался на высоте и вёл себя вполне прилично. Если и открывал рот, то исключительно для того, чтобы выяснить — не требуются ли травмированному родственнику какие-либо лекарства или витамины.

В палате мы застали двух бодающихся над крошечной шахматной доской пенсионеров.

— Игорёк покурить отошёл, — сообщил один из игроков, браво вжикнув «молнией» спортивного костюма. — Сейчас позову, — по-видимому, мужчине не особо фартило на чёрно-белых клеточках. Слишком уж поспешно он покинул место сражения.

Его противник это тоже понимал. Он проводил приятеля кривой улыбкой, указал нам койку Игоря и, оставив на произвол пластмассовое войско, взялся за газету. Алла уже принялась за второй пакет. Тумбочку заполнили банки и баночки. Их содержимое уже одним видом заявляло о своём солёно-остром вкусе. Свёрток с пирожками, чесночно-щекочущий параллелепипед сала и ещё куча продовольствия. Ешь, Игорьь, поправляйся. Я от нечего делать полистал брошенный на койке журнал. Чем тут братец просвещается? Чем же ещё! «За рулём». Мало ему аварии! Хотя бы здесь от машин отдохнул. Может, надо было принести ему игрушечный грузовичок? Вот бы обрадовался.

— Ты?! — Игорьь застыл в дверях, за его спиной маячил шахматист-беглец. — И сюда добрались! Добить решили!

— О чём ты? — мы Аллой заговорили одновременно.

— О чём? — Игорьь попытался ударить загипсованной рукой о дверной косяк. Помешала перевязь. Глаза пенсионера забежали поверх развёрнутой книги. — Ты знаешь о чём! Кто тебя звал?! Чего ты припёрся? Сам припёрся и Её привёл!

— Это я попросила со мной сходить! — подала голос Алла.

— Ты? — Игорьь словно только что заметил дочь. — Ты здесь при чём? Что вы с Ней задумали? — он снова смотрел на меня. Если бы взглядом можно было убивать — у меня в тот момент не оставалось надежды на спасение. — Это вы подстроили! Ты! Она!

— Не понимаю, — хмеля в голове как не бывало, гусиная кожа по всему телу. — Что с тобой Игорь? Твоя дочь попросила...

— Дочь?! — одним прыжком он преодолел расстояние между нами, схватился здоровой рукой за мою куртку. — При чём здесь дочь?! Ты вернулся к Ней! Я тогда слышал! Всё слышал! Ты обещал! Она обещала! Но почему я?! Я был внизу! Почему я! Скажи Ей это Слышишь?! Скажи!

— Кому Ей?

— Ей!!!

На шум прибежала медсестра. Тут же исчезла. Шахматисты оторвали от меня Игоря. Медсестра снова появилась в палате вооружённая шприцем. Я прошёл мимо бьющегося в истерике Игоря. Мимо перепуганной Аллы. Мимо вгоняющей иглу в плечо брата медсестры.

— Я не виноват! — неслось мне в след. — Я не хотел! Я не знал! Под колёса! Прямо под колёса, сука! И улыбается! Улыбается!

В автономном режиме я добрался до покинутого медсестрой поста. Мимо пробежала Алла. Я рухнул на стул. Девушка возвращалась в сопровождении строгого вида женщины. Обе глянули на меня и скрылись в палате. Слава богу, ничего не сказали. Сейчас я сомневался в собственной способности произносить что-либо членораздельное.

Она! При чём здесь Она? Призраки навещают не только меня? Или Игорь говорил не с той, о ком я подумал? Нет, она — это Она! Но при чём здесь мой брат? Авария? Он был внизу... Всё слышал... Где внизу? Что слышал? Какое он, вообще имеет к ней отношение?

— Забыл, кого ей в мужья пророчили? — над столом нависла знакомая широкоплечая фигура.

— Ты здесь зачем? — простонал я.

— По делам, — коротко ответил Сид. — Братишка твой уже видел твою же подружку в собственной постели. Деваться ей было некуда. Семья так решила. Даже тебя терпел. До поры, до времени. А потом несчастный случай. Случай ли? Думал, что только ты бегаешь от воспоминаний?

— Откуда ты знаешь?

— Я не насилую собственную память и не прячу голову в песок. Чего и вам желаю. Будь здоров.

Станный человек зашагал прочь. Я хотел его окликнуть.

— Неприятный случай, — строгая женщина крайне не вовремя вышла из палаты Игоря. — Хотите успокоительного?

Сид скрылся за углом. Я догадался, что вопрос обращён ко мне. Покачал головой.

— Я заведующая отделением — Макшеева Нина Георгиевна, — представилась женщина. — Дочь Нестерова сказала, что вы его брат?

— Не родной. И даже не двоюродный.

— Это не важно. Вы будете ждать девушку?

— Наверное...

— Пойдёмте в мой кабинет.

Я последовал за хозяйкой отделения. Со спины она выглядела ещё более строгой. Чёткий шаг, прямой позвоночник. Наверное, так и должен выглядеть человек посвятивший себя костоправству.

Кабинет оказался рядом с лифтом. С настольгией я вспомнил недавние дурацкие выходки. Вернуться бы на полчаса назад. Ноги моей бы здесь не было. А ещё лучше на несколько дней. На вечерний вокзал. Под дождь. В квартиру, не посещаемую призраками. К прежней жизни. Дёрнул меня чёрт пуститься в бег!

— С вашим родственником не всё так просто, — сообщила Нина Георгиевна, расположившись за широким столом. — Он страдает не столько от перелома...

— От него сбежала жена, — ляпнул я. — Не слушается дочь. Я раздражаю своим присутствием.

— Я не о семейных...

— Ещё мы были влюблены в одну и ту же девушку. У нас неприятные воспоминания. Взаимная неприязнь.

— Всё-таки, вам нужно успокоительное, — поставила диагноз специалист по

сломанным костям. — Хотите валерианки?

— Лучше спирта.

— Только чуть-чуть, — неожиданно согласилась Нина Георгиевна. На стол явилась уродливая бутылка в ребристых делениях. Немного прозрачной жидкости выплеснулось в мензурку. — Вода в графине.

Я ухмыльнулся. Задержал дыхание. И игнорируя сосуд с H₂O, влил в себя неожиданный дар.

— Курите, — заботливая костоправша подвинула массивную пепельницу. — Понимаю ваше состояние. У Нестерова неадекватные реакции. Он отказывается говорить о своём самочувствии. Я подозреваю сотрясение мозга.

— Было бы что сотрясать.

— Я вас прекрасно понимаю. Альберт Алексеевич вчера тоже обиделся.

— Кто?!

— Альберт Алексеевич. Крапов. Ему тоже досталось. Он так и сказал: если завтра не Сашку Завьялова накинется — отправляйте в неврологию. Вы Завьялов?

— Я... Алик был у Игоря?

— Через полчаса, после поступления Нестерова. Очень волновался. С ним ещё следователь из района заходил. Тот, понимаете, ради вашего родственника серьёзное расследование бросил. Слышали про маньяка? А Нестеров на них с кулаками. На всё отделение раскричался.

— Что кричал?

— Чепуху всякую. Как и при вас. Нет, речь идёт о мозговой травме. Ему место в неврологии.

— Вам виднее, — ай, да Альберт. Наш пострел везде поспел!

— Да, вы правы. Но... , — Нина Георгиевна выдержала паузу. — Поймите правильно. Травма вполне излечима. Без всяких последствий. Но отметка в истории болезни. При его профессии. Не хотелось бы портить жизнь человеку.

— У него, как у психа, отберут права?

— По крайней мере, на вождение грузовых автомобилей и профессиональную деятельность.

— А отметка обязательна?

— Конечно! Если только лечение не проведут,... ну,... скажем, неофициально. Но кто захочет дополнительные нагрузки. Личное время. Лишняя ответственность. Понимаете о чём я?

Вот чем аукнулись мензурка со спиртом и разрешение курить!

— Учитывая состояние вашего брата, — добавила вымогательница. — Я не уверена, что он сейчас адекватно оценит обстановку. А вопрос надо решить за сегодня...

Вот и навестил братца. Обругали, запугали, ещё и деньги за это плати! Везёт, как утопленнику! Зелёный прямоугольник с печальным Франклином переключал из моего кармана на широкий стол. Его тут же накрыла папка. Нина Георгиевна улыбнулась.

— Спасибо за успокоительное, — я смял окурок в пепельнице и, не прощаясь, вышел из кабинета.

Алла дожидалась у лифта. Испуганные глаза распахнулись на пол-лица.

— Пойдём по лестнице, — бросил я, сворачивая к пожарному выходу.

— Что она сказала? — девушка послушно засемила рядом. — Что с ним?

— Душевная травма.

— Я серьёзно!

— И я не шучу! Головка бо-бо! Стукнулся! Но они вылечат! Будет как новенький! Даже без отметки! Всё удовольствие — сто «баксов»!

— О чём вы?!

— О правде жизни, дитя! О суровой реальности!

— Что же это такое?! — девушка опустила на ступеньку и закрыла лицо руками.

Ну и свинья же я, на самом деле! Она-то в чём виновата?! Нашёл на ком зло срывать!

— Ну, не надо, — я провёл ладонью по волнистым волосам. — Все, правда, в порядке. Я просто перенервничал. К тому же придурок. Пьяный вдобавок. Какой с меня спрос? Ну, извини. Хочешь опять бабку подоводим?

— Ну уж нет! — она убрала ладони с влажных щёк, попыталась улыбнуться. — На сегодня с меня хватит.

— Мир? — я протянул пятерню.

— Мир, — она поднялась, опираясь на мою руку. — Если только вы больше дурачитесь не будете.

— На сегодня — я сама серьёзность! — Алла хмыкнула, и мы отправились на первый этаж.

Я проводил девушку до дома. По негласному уговору мы не касались сегодняшних событий. Беседовали, как говорится, на отвлечённые темы. Вернее, болтал я, Алла слушала. Я от души вываливал скопившийся в памяти информационный мусор. Раскопки Аркаима, походы викингов, родство Одиссея, Садко и Синдбада, наличие души у животных и прочая, прочая, прочая. Алла оказалась хорошим слушателем. Или ей просто хотелось отвлечься... По крайней мере, она вовремя поддакивала и задавала вполне осмысленные вопросы. Расстались мы добрыми приятелями.

Возвращаясь домой, я ожидал за каждым поворотом встречи с Сидом. Вот сейчас длинноволосый бородач в кожаных одеждах шагнёт наперерез и выдаст очередное туманное изречение. Откуда он только взялся на мою голову? Не со встречи ли с ним начала виться цепочка мистических совпадений и происшествий? Выручать-то он выручает, но после его помощи обязательно случается что-то из ряда вон выходящее. Кто он, Сид? Первый кирпичик в здании моего безумия? Вряд ли. Его, родимое, заложили гораздо раньше. Семнадцать лет назад. Пора себе в этом признаться! Семнадцать лет оно укрепляется и возводится, этаж за этажом, пролёт за пролётом. Заселяется... Призраками... Семнадцать лет я убегаю от них, и в то же время мечтаю о встрече. Мечта исполнилась... Приехал на малую Родину для, ха-ха, спокойной работы.

Загруженный проблемами не хуже чем «Титаник» пассажирами (ещё осталось на айсберг наткнуться), я приближался к дому. Отсутствие событий — уже событие. В моём случае не самое неприятное. При такой жизни я скоро начну радоваться, если без происшествий пройду из комнаты в кухню. А если ещё стакан воды выпить и не подавится при очередном приветстве от потусторонних сил, вообще считать, что день удался.

В настроении вернувшегося с прогулки узника я поднялся на третий этаж. Открыл дверь. Пока ни Сида, ни призраков, ни соседки-активистки. В самом деле везёт! Я захлопнул дверь, прячась от неприятностей. Хотя ещё не известно, где они устроили засаду — там или здесь?

Осмотр квартиры улучшил бодрость духа. Ничего сверхъестественного. Может быть жизнь налаживается?

Полученный от вымогательницы в белом халате спирт я разбавил ячменным напитком. Попросту говоря — выпил пива. Превратившаяся в склад мягкой мебели комната порадовала замечательной находкой. Сетевой радиоприёмник — так это, по-моему, называется. Вещь конечно не первой свежести, но и не ровесник допотопных «блинов», коими награждались до войны передовые колхозники.

Напевая строчки из знаменитого советского хита — «загудели, заиграли провода, мы такого не видали никогда» — я произвёл радиофикацию квартиры. Повернул регулятор громкости. Динамик приветствовал меня незамысловатой мелодией извлечённой из дешёвого синтезатора.

— Здравствуйте, дорогие друзья, — приторно-паточный голосок не вызывал ничего, кроме тошноты, — в эфире Калиновское радио. В студии Марина Крамцева. В ближайшие полчаса...

Прихлёбывая пиво, я ломал голову над одним вопросом — кому всё это нужно? Таких бездарно сварганенных образчиков советской пропаганды я не слышал уже лет с десятков.

Мне ввали. Нагло и беззастенчиво. Как взрослый подлец может врать наивному ребёнку. Но я-то, слава богу, не ребёнок!

Елейным голоском госпожа Крамцева вещала мне, в каком замечательном месте я очутился. Убийства девушек, обезображенные коммунальными раскопками улицы, бесчинствующая шпана и прочее оказались фантомом. Бредом воспалённого сознания. На самом деле, Калиновск — утерянный Эдем! Провинциальная ди-джейка чуть ли не рыдала от умиления, сообщая городские лжености. Ах, как у нас всё прекрасно и замечательно! Ах, как мы все счастливы! Ах, и птичьего молока нам не надо!

Как бы мне хотелось посмотреть на сладкоголосую сирену дремучей радиостанции в реальной жизни. Какие песни вы поёте, госпожа Крамцева, когда пачкаете дорогие сапоги, форсируя лужи и следы коммунальной деятельности, или оказываясь один на один с кампанией ошалевших от водки и безнаказанности морлоков, или заходя в пропахший мочой подъезд? Очень бы хотелось услышать.

Рассерженный, я отключил радио и отнёс на прежнее место. Чёрт знает что! По телевизору колдуны и трупы, по местному радио — фальшивый сахарин.

Телефонный звонок обрушился ведром холодной воды. Злоба потухла. Садистские фантазии по поводу госпожи Крамцевой улетучились. Начинается!

Аппарат надрывался с дьявольской настырностью. В состоянии лягушки бредущей навстречу голодному ужу я вышел в прихожую. Поднял трубку.

— Привет, старик, — гора свалилась с плеч. Алик! Я ждал голос с того света, а это всего лишь местный воротила бизнеса. В эту секунду я готов был его расцеловать.

— Привет, — просипел я.

— Простыл что ли? Чего хрипишь?

— Да так...

— Слушай, а ты молодец! Круто вчера разобрался!

— Что?

— Лихо, говорю, рога молодняку поотшибал! А ещё писатель! Может, ко мне в охрану пойдёшь?

— А откуда...

— Я всё, зёма, знаю, что в городе случается. Положение обязывает. Но ты — молодец, с ними давно разобраться нужно было. Оборзели. Им мои ребята ещё потом накинули. Можешь не беспокоиться. Больше тебя никто не тронет. Обещаю. Не ожидал, честное слово. Один пятерых уделал.

— Не один... , — автоматически поправил я.

— Что? — переспросил Алик. — Не прибедняйся. Но не о том базар. У Игоря был?

— Сподобился...

— Ну и как?

— Чуть морду не набили. Всё удовольствие — сотня «зелёных»!

— Не понял...

— А чего тут понимать? Сперва братец-психопат с кулаками набросился, потом докторша денег потребовала, чтобы Игорю права сохранить.

— Слушай, я разберусь. Она тебе на карачках эти «бабки» притащит!

— Лучше не надо.

— Ты чего — Рокфеллер?! Нечего деньгами разбрасываться!

— Она на Игоре потом отыграется.

— Дурью не майся! Я ей отыграюсь!

— Ну, если... Только не надо на карачках.

— Хозяин-барин. Замяли. Теперь о родственничке твоём. Он что-нибудь говорил или сразу драться полез?

— Чепуху всякую...

— Вспомнить можешь?

— Нет, — соврал я.

— Ну, хотя бы в общих чертах, — допытывался Алик. — Примерно.

— Да не обратил я внимания. Перепугался, когда он орать начал.

— Ты перепугался?! Не лепи горбатого! Перепугался! Вчерашним парням это скажи! Ну ладно — не помнишь, так не помнишь. Я его тоже навещал. Он такое порассказал... Но это не телефонный разговор. Ты завтра после обеда свободен?

— Да.

— Я к тебе заскочу.

Я не успел согласиться. Алик отсоединился. Трубка загудела. Отлично, он не оставлял возможностей выбора. Сказал — зайду, подразумевал — сиди и жди! Так, наверное, и выживают в полном опасностей океане коммерции.

Отличная, вообще-то, кампания собирается. Каждому из нас нравилась Алла. Погибшая Алла. Не хватает только учителя химии. О нём, помнится, она тоже говорила в тот последний вечер. Только вот, каким боком это всё касается загадочного Сиды? И как понимать Игоря? Кого он видел перед аварией? Ту, что оставляет мне письма и звонит по телефону? Такого быть не может! Мне всё самому это кажется бредом воспалённого, пропитавшегося алкоголем сознания. Игорь фантазией не отличался никогда. Карбюраторы, аккумуляторы, запаски и зажигания — вот круг его интересов. Он мог увидеть на дороге фантом навороченной иномарки, но погибшую девушку... Бред! И чего он рассказал Алику? Ладно, завтра узнаем.

Совершенно бессознательно я схватился за очередное пиво. Усилием воли заставил себя вернуть бутылку на место. Хватит! Всему есть мера. Вспомнился легендарный Чёрная Борода. Знаменитый пират начинал день с большой кружки рома, разбавленной настойкой опия. Если отбросить маковый экстракт, я резво вышагиваю по тропке удачливого корсара. Тропке, приведшей его к безумию. Который день под знаком пьянки? Хватит!

Я взял чистую тетрадь. Отточил карандаши. Заварил крепкого чая. Появилась шальная идея — подключиться к радиосети. Голос госпожи Крамцевой — чистой воды рафинад. Иногда чай пьют вприкуску, реже — вприглядку, я изобрёл новый способ — вприслушку. После некоторых размышлений от смелого эксперимента пришлось отказаться — такого количества сахара, как в песнях провинциальной сирены не выдержит и самый отъявленный сладёна.

Я снова писал до темноты. Сработал эффект берсерка. Воины-звери под наблюдением опытного колдуна выпивали отвар из мухоморов, после этого (если, конечно, выживали) щепотка порошка из красноголовых грибов приводила их в состояние священной ярости. Таинственный отвар мне заменял алкоголь. Теперь я работал, прихлёбывая горьковатый, ароматный напиток, но ярился не меньше берсерка. Я не чувствовал ни затёкшей спины, ни немеющих пальцев, ни обжигающих глазные яблоки слёз. Глоток — страница, глоток — страница. Подобно обезумевшему от крови викингу, я не мог остановиться.

Я не заметил, как опустошил третий чайник (я даже не помнил процесс кипячения и

заварки), я игнорировал протесты мочевого пузыря по поводу количества поглощённой жидкости (к счастью не подвёл), я снова не помнил смысла написанного (буквы и строчки, строчки и буквы), я с трудом вернулся из небытия, уложив в стол очередную исписанную тетрадь. Цены мне нет! Стахановец беллетристики! Так бы каждый день! Ещё бы знать о чём пишу. Перечитывать сил не было. Завтра, всё завтра. Или послезавтра. Или... Там видно будет.

Вознаградив себя тремя бутылками пива (ни капли водки), я проковылял в комнату. Ещё дедушка Дуров говорил, что удачный трюк надо поощрять. Я сегодня отличился. Заслужил. Крепя сердце, пощёлкал пультом. Ворон бахвалился шестнадцатью каналами. Ну, не может же на каждый проникнуть колдун-некромант и кровавая хроника! Наверное, не может, но мне не повезло. Я увидел знакомые пейзажи. Калиновск! Потом мужчина с лицом несостоявшегося Наполеона принялся рассказывать о серийном маньяке. Сделанная на модной ныне «мыльнице» фотография первой жертвы. Второй... Её я узнал. Я был с ней в ту ночь! Фоторобот убийцы. Я вздрогнул. Я видел лицо убийцы раньше! Видел и не видел одновременно! Все сплелись в грубо прорисованной физиономии — Игорь и Сид, Алла и я, экскаваторщик Колька и Иваныч, Алик и продавщица из магазина продуктов. Кого я только не увидел! Чёрно-белое изображение напоминало икону. Работу древних богомазов, в коей воплотился идеал благостности и смирения, но чёрная сторона их. Я смотрел в лицо Зла. Абсолютного, не ведающего пощады Зла. Морлоки, при сравнении с ним, казались шаловливыми купидонами.

Жуткое видение сменил всё тот же мужчина. Я прочёл титры — Борис Барыбин — оперуполномоченный РУБОП. В имени мелькнуло что-то знакомое. Современный Шерлок Холмс повествовал о подробностях злодеяний. Слишком натуралистично и слишком бесстрастно, по-моему! Я перепрыгнул на следующий канал. Уж лучше сахаробильная Крамцева!

Экран явил Луи Де Фюнеса. Слава богу! Часа два я наблюдал за похождениями незадачливого француза. Лысый коротышка готов был на всё, ради воплощения собственных прожектов. Смазливые герои и героини оказывались в дураках, вступив в поединок с мастером комедии. По-моему, я даже расхохотался. А после (огромная благодарность Песчаному Человеку, Гипносу, или кто ещё там отвечает за сновидения?) крепко уснул.

Возвращаться к воротам Бесконечности — дело неблагодарное. Она не хотела меня прини-мать. Слишком много нитей связывает с тем Миром, где одолевают страсти, где липкий пот покрывает кожу, где желудок требует ежедневного опорожнения. Высокий бородач с рогом в руке даже не взглянул на меня. Но может, это была прекрасная женщина на повозке запряжённой кошками? Или грозного вида человек со связкой ключей? Или старец с грустным взглядом и допотопными весами? А может ещё кто-то? Я не помнил! Меня турнули, как лезущего через забор особняка бомжа! Турнули так, что я летел по семицветному мосту, пропахивая бестелесным носом чёрную (Хель и Морена смеялись) полоску. Мне нет места в Царстве Света. Тёмные ворота открыты! Но хочу ли я туда?! Нет!

«Тебя ждут там!» — сказал белокрылый сокол. Или это был одноглазый воин? Или двухго-ловое чудовище?

— Тебя не примут, пока твоего возвращения ждут в том Мире, — луноликая женщина осади-ла золотошестинного вепря и склонилась ко мне. — Успокойся там и приходи сюда.

Я, очень похожий на Сиду, схватил прекрасную наездницу за руку.

— Фрей! Брат! — кричала она, пока не появился воин с золотым мечом. Он ухмыльнулся:

— Ты слишком добра к смертным, сестра.

— По воле Одноглазого их души принадлежат мне.

— Эта душа не принадлежит никому. Пусть Норны сперва перережут нить.

— Мне жалко её. Я поговорю с Фригг.

— Жалко осталось в Ванхейльме. Здесь мир асов, сестра.

— Я не хочу...

— А кто тебя спрашивает?! Нам простили Мимира, но Высокий не из долготерпеливых. Вспомни его побратима! Не надо рисковать, Фрейя!

— Кем она станет?

— Кем угодно! Баныши, шилыханом, вилиссой, блуждающим огоньком... Пусть с этим разбирается Хель. Ты не забыла про пир у Эгира?

— Нет. Извини, — прекрасная наездница пришпорила вепря, и я полетел вниз.

Я здесь не нужен! В этом Мире, оседлавших вепрей красавиц, и их самовлюблённых братцев я лишний! Добро! Не очень-то и хотелось! Но куда мне теперь?!

Ответ пришёл через секунду. Я чувствовал тонкие пальцы, скользящие по моей коже. Жажущие страсти губы. Упругую грудь. Это Она! Она пришла! Она решилась на то, на что мы не решились тогда! Вот почему Она вернулась!

Мои пальцы пробежались по нежной коже, по спутанным волосам, выступающим позвон-кам, округлости груди.

— Алла! — простонал я.

— Я здесь, любимый, — ответила она.

Рука скользнула по алебастру живота, прорвалась через кружева жёстких волосков, косну-лась влажно-зовущей плоти. Она вздохнула. Господи, я мечтал об этой минуте! Почему этого не произошло тогда?! Я хочу Её видеть!

Я открыл глаза...

От моего пинка девчонка перелетела в другой угол комнаты. Кое-как прикрыв

восставшее достоинство, я ринулся к выключателю.

— Ты что творишь?! — замечательный вопрос для секунду назад едва не совершившего инцест дядюшки!

— Вы... Вы... , — девушка расплакалась.

Отличное состояние — голова трещит (вовремя не похмелился), завтра встреча с крутым парнем, и рыдающая нимфетка в углу!

— Оденься хотя бы... , — прикосновение к кружевному белью я компенсировал водкой. А ещё кто-то собирался завязать?!

— Ну, и как это называется? — после прикладывания к источнику истины я стал добрым.

— Не знаю...

— А кто знает?! Как тебе в голову такое пришло?!

— Мне показалось...

— Креститься надо, когда кажется! — очередной визит к расслабляющему зелью. — Ключи!

— Что?

— Ключи от квартиры. Пока я здесь живу — будут у меня! Чтобы кое-кому глупости в голову не приходили.

— А ей можно?

— Кому ей?

— С кем вы вино пили?

— Не твоё дело!

— Ну и пожалуйста! — вращая ягодицами (тоже мне Лолита нашлась), она прошла в прихожую. Вернулась со связкой ключей. — Вот!

— На стол положи. А сейчас спать!

— Я домой пойду.

— Я тебе пойду! В постель немедленно! Я на кухне пережду.

— А на первый взгляд таким решительным кажется! — малолетняя соблазнительница скрылась под одеялом. — Странно даже.

— Поговори ещё, — я выключил свет и переместился на кухню. Как здесь бросишь пить?! Чем прикажете заняться остаток ночи?

Я уронил голову на стол после очередного коктейля. Опять снились кошмары. Я убегаю — некто догоняет. Настигает. Убивает. Очнулся с первыми лучами солнца (если оно когда-нибудь вообще появляется в этом городе). Вчерашнее приключение сопело на кресле. Руки дрожали. Голова раскалывалась. На послеобеденном горизонте маячила встреча с Аликом.

— Рота, подъём! — рывкнул я в розовеющее под волосами ухо.

— А как я здесь... , — Господи, сама невинность.

— Лучше не вспоминать. Будем считать — засиделась в гостях.

— Ничего не понимаю.

— Я ещё меньше! Собирайся — и домой, пока бабушка тревогу не забила.

— А почему я в таком виде? — взгляд под одеяло, румянец на щеках.

— Потому что в этом отеле, мадемуазель, нет пижам.

— Отвернитесь!

— Больше того — я избавлю вас от своего общества, пока вы производите утренний туалет, — я ретировался на кухню.

— Что всё-таки вчера произошло? — поинтересовалась Алла, выйдя из ванной.

— Ты действительно не помнишь, или дурака валяешь? — я тщетно разыскивал на почти детском лице следы вчерашней женщины-вамп. Господи, этой ночью чуть не произошло ужасное! Я бы себе никогда этого не простил!

— Вечером с Вороном гуляли, — девушка наморщила лоб. — Он про вас, кстати, спраши-вал. Я рассказала про больницу. Он вас похвалил.

— Польщён.

— Не смейтесь. Ворон сказал, что вы умеете шокировать обывателя. Если ещё...

— Хватит про меня. Вы часом не напились?

— Ворон не пьёт!

— Забыл. А больше он ничего не принимает. У вас теперь модно всяким дерьмом пичкаться.

— Ворон не пичкается!

— Ладно, хватит о мудрой птице. Потом что?

— Покормила бабушку. Взяла у неё журнал с вашими рассказами. Ещё книжку, которая со страшной рожей. И... И проснулась здесь.

— Чертовщина какая-то! Ты часом не лунатик?

— Сами вы...

— Не груби. В твоём возрасте бывают случаи лунатизма.

— Нормальный возраст! — Алла поджала губы. — Так что же всё-таки случилось?

— Ничего особенного. Я включил свет, увидел тебя, уложил спать.

— Бабушка с ума сойдёт! Что я скажу?!

— Ты действительно ничего не помнишь?

Алла замотала головой. Ни капли притворства.

— Скажи, что с утра ко мне понадобилось прийти, — посоветовал я. — Придумай причину.

— Она ещё больше расстроится, — скорбный вздох. — Она вас боится.

— Меня?!

Кивок. Всхлип.

— Чем же я испугал старушку?!

— Говорит, что после вашего приезда нехорошее творится. Девчонок убивают. Авария... Спит она очень плохо. С кем-то по ночам разговаривает... С того самого дня.

— А мировой энергетический кризис, глобальное потепление — не мои проделки? Или я только на ваш болотный городишко дурно влияю?

— Ещё она говорит, что рядом с вами нет живых... Вы от них прячетесь.

— Ты сама в эту чушь веришь?

— Не знаю я!

— Хватит! Ещё мне от тебя всякой чепухи не хватало! Быстро домой и выкручивайся как хочешь! Расскажи, что заезжий дядюшка пригласил на спиритический сеанс! На шабаш! На сеанс некромантии! — я почти кричал. Кричал от страха. Слишком уж много от истины в этих словах.

Алла молча накинула куртку и ушла. Хорошо бы навсегда. Рядом со мной творилось много странного. Старуха права. Нельзя втягивать в это девчонку. Я с сожалением глянул на запасы алкоголя. Не хочется встретить Альберта в пьяном виде. Чем бы ещё отвлечься? Вспомнились исписанные тетради. Почему бы не заняться проверкой! Для разнообразия...

Кружка чая. Две толстые тетради. Отточенный карандаш. Азарт следопыта. «Инженер человеческих душ» за работой. Картина вызывающая умиление. Даже самоуважение. За последние пьяные дни оно значительно поубавилось.

Я перевернул клеёнчатую обложку. Прочёл первую строчку...

Меня здесь больше не было. Уже который раз я впадал в состояние транса и оказывался в чужом теле. Женском теле. В первый раз я ощутил себя юной девушкой. Теперь... Теперь это молодая женщина. Именно женщина. В замутнённом болью и страхом сознании то и дело мелькала мысль о дочке. Крошечной девочке. Кто её накормит? Я порывался встать, но ощущал верёвку и крепкие узлы. Хотелось кричать, но во рту кляп. Зловонная, пропахшая бензином тряпка. Тошнота вызывала ужас. Я могу захлебнуться! Надежда освободиться ещё теплилась в сознании.

Тьма выедала глаза. В углу возится и пищит что-то живое. Тонкие усики уже касались затёкших пальцев, когда явились два светящихся глаза. Твари из темноты бросились врассып-ную. Кто-то мягкий с урчанием потёрся о лицо. Вопросительно мяукнул. Ушёл.

Кап! Кап! Кап! Непрерывный, равномерный звук сводит с ума. От холода и сырости тяжело дышать. Сколько я здесь?! Почему?! Тяжёлый бетонный потолок над головой. Я его уже ощущаю. В углу опять шорох. Время от времени вспыхивает свет. Глазам больно. Знакомый голос повторяет:

— Жива, сука? — ещё недавно в нём звучала ненависть. Теперь испуг. Почти такой же, как и у меня, когда свет гаснет, и я понимаю, что бензиновая тряпка и узлы не исчезнут.

Темнота и капель. Они невыносимы! Легче терпеть жажду. Почему приносящий свет не убьёт меня?! За что все муки?! Шорох... Свет... Голос... Шорох... Тьма... Кап... Кап...

Звонок оборвал видение. Похоже, я переступил ту грань, когда человек боится неизвестного. Глотнув чая, прошёл в прихожую, взял трубку. Сообразил, что звонят в дверь. Взялся за ручку.

— Здорово, зёма, — улыбка Алика навевала мысли об апрельском, проснувшемся солнце. Всё верно — от неясных призраков к обществу довольного собой бизнесмена. Для меня это нормально. Чему ещё удивляться? Вот только мужчина за спиной приятеля — реальность или фантом? На всякий случай я кивнул и тому, и другому.

— Бледный у тебя вид что-то? — по наглости Алик не уступал Сиду. Его голос уже звучал из комнаты. Спутник бизнесмена застыл рядом со мной.

— Может, мы не вовремя? — поинтересовался он, и тут же протянул руку. — Барыбин. Борис. Не слышали?

— Работал, Шурик? — послышалось с кухни. — Извини. Мы со своей суетой отрываем от вечного. Борька, бросай церемонии! Здесь все свои!

Борька! Значит, второй гость существовал! Я с радостью пожал тёплую (замечательные ощущения) ладонь. Где-то я уже видел это лицо. Да и имя знакомое... Чёрт возьми, совсем ошалел от мистики! Это же следователь из криминальной хроники. В жизни он казался ещё более неприятным, чем на экране. По крайней мере, мне. Ругайте меня, упрекайте, говорите, что по внешности о человеке не судят, но я не люблю толстоватых коротышек с залысынами. Не знаю почему. Может быть из-за их взгляда — они смотрят на других, как на должников, как на виновников собственной невзрачности. Они маскируются любезностью и услужливостью, но в душе ненавидят и презирают всех и вся. Они не упустят возможности утопить ближнего своего (если это, конечно, не станет достоянием гласности). Сомневаетесь? Вспомните Чичикова. Николай Васильевич знал о чём писал.

Доморощенный гений сыска одарил меня добродушной улыбкой:

— Ещё раз извините. Вот так вот... Без приглашения. Я вас, кстати, по школе помню.

Вы уже тогда длинные волосы носили. Верно?

— Хватит в дверях топтаться! — на кухне что-то звякало, шуршало, гремело. — За стол, братцы! Покутим по-холостяцки!

— Я вас, к сожалению, не помню, — улыбку выдавить так и не удалось. — Проходите.

— Только после вас.

Я пожал плечами и проследовал на кухню, спиной ощущая взгляд оперуполномоченного. В эту секунду я не завидовал подследственным.

Алик завалил письменный стол продуктивно-алкогольным изобилием. Бесстыдно раскинувшие ноги жареные куры, змеевидные угри, презревшие законы природы свежая зелень и помидоры, куча прочей снеди, которую я видел лишь на картинках. Центр стола заняли три пузатых бутылки с кофейного цвета жидкостью и империалистическими буквами на этикетке.

— Оголодал, наверное, гений?! — Альберт читал одну из моих тетрадей. — Я твои покупки видел. С ума сошёл! — он глянул на следователя. — Травится палёной водкой и китайской вермишелью. Не мог ко мне подойти!

— Извини, — я забрал у него тетрадь. — Это наброски.

— Неплохо, — одобрил коммерсант. — Тебе «бабки» на издание не нужны? За мной не заржавеет. Сейчас модно на культуру отстёгивать. Только подправь кое-что.

— Я многое подправлю. Это наброски.

— Вот-вот. Незачем старое ворошить, — взгляд Алика подёрнулся льдом.

— Водка стынет, — подал голос Барыбин.

— Я бы не хотел сегодня, — жалкая попытка к сопротивлению. — Может пива?

— Совковой мочой похмеляться будешь! — Альберт свернул пробку. — Это же виски! Знаешь сколько лет выдержки?! Не обижай, Шурик! Я от всей души!

Какое возражать, если рот наполнился слюной! От чая уже тошнило. Я взял треснувшую чашку с жутко древним напитком.

— Со свиданьем! — провозгласил Алик. Через минуту захрустели куриные кости, а похожий на гадюку угорь превратился в рядок аппетитных кусочков.

— Между первой и второй — промежутки небольшой! — торопливость тамады с тугим кошельком настораживала.

— Я на секунду, — спаиваемый писатель исчез в ванной, когда чашки опустились на стол, а из помидор брызнул сок.

Хитрите, гости дорогие?! Импортная самогонка, дорогая жрачка. К чему бы это?! Хорошо, поиграем!

Алкоголь впитался в кровь. Слабости как не бывало. Я чувствовал себя лихим парнем. Поиграем!

Когда человек балансирует на грани алкоголизма, когда он ещё старается не показать окружающим пагубной страсти, когда ему порой просто необходимо выглядеть трезвым — тогда у него появляются свои хитрости. Таких приёмов много, сейчас я выбрал нашатырный спирт. Конечно — неприятный вкус, риск переборщить и сжечь язык. Но эффект!

Пузырёк с мерзко пахнущей жидкостью давно и прочно обосновался в моём кармане. По прибытии сюда занял место на полочке в ванной. Пришло время! Я не почувствую разницы опьянения от заграничного долгожителя и обычной водки, но жертва того стоит. Гостям я не доверял.

В пьяном кураже я плеснул в заляпанный зубной пастой стаканчик почти половину пузырька. Разбавил тёплой водой (по-видимому, благодаря стараниям Кольки холодной у меня теперь не было). Выпил. Подумал немного. Накапал ещё. Разбавил. Выпил. Кашу маслом не испортишь.

Сейчас в голове прояснится, а там уж спаивайте на здоровье, неожиданные приятели.

Я вернулся к столу. Мне вручили почти полную чашку.

— Ещё по одной и поговорим, — предложил Алик.

Вместо согласия я влил содержимое в себя.

— Теперь о деле, — Альберт отправил в рот кусочек сыра с зелёными пятнышками плесени. — Я ведь не зря вчера спрашивал о чём Игорь болтал. Да, кстати, — Бумажка с портретом Франклина легла на стол, — доктор сильно извиняется и просит забыть о случившемся.

— Уже забыл, — купюра скрылась в моём кармане.

— Ещё по одной? — предложил следователь.

— Хозяин не против? — Алик уже разливал виски по чашкам. Мне больше всех. Ещё и издевается! Я только махнул рукой.

— За дружбу, — я придал глазам осоловелость, а речи ватную тягучесть. Пусть порадуются.

Трюк удался. Гости переглянулись. Алик отставил бутылку:

— Передохнём пока, Шурик. Покурим. Поговорим. Ты закусывай, закусывай. Разговор серьёзный.

— Дело в том, что я расследую... , — начал Барыбин.

— Знаю, — я выпустил струю дыма. — По телевизору видел.

— Я не о трёх убийствах, если вы это имеете в виду.

— Двух, — поправил я.

— Трёх, зёма, — Альберт поигрывал сверкающей «Zippo». — Сегодня ещё один труп наши.

— Вот именно, — продолжил следователь. — Дело неприятное. Но я параллельно расследую обстоятельства аварии.

— Игорь-то здесь, каким боком?

— Я же вам говорю — параллельно. Но не исключено, что дела пересекутся. Криминалистика — вещь капризная — аксиом не признаёт. Тело обнаружили в километре от того места, где с вашим братом произошла неприятность. Оба происшествия почти совпадают по времени. Может быть случайность. А может...

— Игорь увидел убийцу, — догадался я. — Испугался...

Барыбин вздохнул.

— Испугался! — Алик смял сигарету. — Такие козлы...

— Альберт, я бы попросил... , — следователь отодвинул продукты, на освобождённое место явилась объёмистая папка.

— А чего просить! — не унимался бизнесмен. Смех, да и только — хотел спить меня, а сам нажрался, как свинья. — У этого уroda давно такие наклонности. Всё подсматривал, подслушивал... А баба его?! Помнишь, как в ногах валялся?! Божился! Клялся, что больше не повторится! Он, вообще, с той ночи свихнулся. Даже за собственной дочкой в ванной подглядывает. Мне братишка говорил. Он его как-то застукал.

— Что происходит?! — вмешался я. — О чём ты?!

Алик глянул так, словно это я заявился к нему в гости и устроил пьяную истерику. Поняв, что сболтнул лишнее, махнул рукой и закурил.

— Не обращайтесь внимания, — заворковал Барыбин. — Ни на чём не основанные подозрения. Альберт Алексеевич нервничает. Он, так сказать, не последний человек в этом городе, а здесь такие передраги. Ваш родственник — скорее свидетель, чем подозреваемый.

Хотя... гм... Понимаете ли, у серийных убийц, у каждого — свой особый почерк. Своя марка, с позволения сказать. Кто-то насилует трупы, кто-то съедает части жертв, некоторые оставляют послания, да-да, бывает и такое. Здесь же... Взгляните сами.

Жестом шулера следователь раскинул передо мной стопку фотографий. К счастью, чёрно-белых. Но и их было достаточно, чтобы выпитое и съеденное рванулось наружу. Я едва успел подскочить к раковине.

— В первом случае, — вещал Барыбин, пока я исторгал из желудка дорогие продукты и древнее виски, — мы столкнулись с удушением. Преступник воспользовался шёлковым шарфом. Её собственным шарфом. Больше никаких повреждений жертве нанесено не было.

— Уберите, — простонал я, выплёвывая желчь.

— Второй случай поражает жестокостью, — невозмутимо продолжал следователь. — Ничего общего с предыдущим, кроме возраста жертвы. Тело буквально искромсали. Некоторые внутренние органы были обнаружены в радиусе пятнадцати-двадцати метров. Лицо изуродовано до неузнаваемости. Согласитесь, никакого сходства с недавним аккуратным душителем. Наконец, вчерашний случай — девочке-подростку нанесли удар тяжёлым металлическим предметом и только потом отнесли тело на место, где оно и было обнаружено. Девочка скончалась даже не от удара, а от потери крови. Что это с вами? — он оторвался от фотографий и посмотрел на мою, скрючившуюся у раковины фигуру. — Ох, извините! — притворство сочтётся из каждой щёлочки. — Вы же не привыкли к такому! — он неторопливо собрал живодёрские картинки. — Я не собирался вас расстраивать.

— Выпей, — Алик заботливо поднёс чашку с виски. — Полегчает.

Я не думал — продолжится ли после промывания желудка отрезвляющее действие нашатыря. Я забыл о странной вспышке Альберта. Хотелось одного — избавиться от мелькающих перед глазами страшных картинок. Зубы лязгнули о фарфоровый край. Часть жидкости расплескалось. Остаток обжёг гортань и впитался в кровь согревающим потоком. Алик подвёл меня к стулу.

— Мы рассказываем и показываем вам всё это с определённой целью, — невозмутимости Барыбина позавидовал бы и памятник. — Вы должны понять всю важность дела. Понять и помочь нам.

— Чем...

— Прежде всего, откровенностью. Случившееся затронуло всех. Им заинтересовались в области. Альберт Алексеевич заботится о спокойствии в городе — ему не совсем приятны будут заезжие сыскари. Я, скажу честно, ожидаю повышения. Сами понимаете. Ваш брат оказывается под подозрением. Да и вы сами... Ваш приезд так неудачно совпал... Могут вспомнить одно старое дело.

— Он уже вспомнил! — Альберт кивнул на тетрадь. — Мемуарами занялся.

— Позвольте, — тетрадь оказалась в руках Барыбина, он пробежался взглядом по строчкам. — Ай-ай-ай, а вот это зря. Я вам не приказываю, но послушайте совета — смените тему.

Спорить сил не было. Я кивнул. Что же я, чёрт возьми, такого понаписал?!

— Вот и ладненько, — похвалил следователь. — Теперь, собственно, о цели нашего визита. Игорь рассматривается, как предполагаемый свидетель. Вы, наверное, знаете, что по закону свидетель отвечает не только за дачу ложных показаний, но и за преднамеренное сокрытие от следствия обстоятельств преступления. Скажу больше — он может легко перейти из разряда свидетелей в разряд соучастников, а то и главного подозреваемого. Вы

это понимаете?

Я снова кивнул.

— Замечательно. Игорь ведёт себя неадекватно. Вместо того чтобы отвести подозрения чистосердечными показаниям, он, сперва, во время визита Альберта Александровича, несёт всякую чепуху. Сегодня же, когда мы пришли вместе, вообще, устраивает безобразную истерику.

— Вы не по адресу, — улыбка вышла похожей на гримасу боли. — Меня угостили пирогами с той же самой начинкой.

— Что он говорил?! — Алик выглядел так, словно я уже забрал все его магазины и маши-ну для парадных выездов, а сейчас замахнулся на серебристый «Opel». — Это очень важно! Вспомни!

— Да нечего вспоминать... Ерунда какая-то... Что-то там она... Под колёса... Может, он сбил эту девчонку?

— Исключено, — покачал головой Барыбин.

— Она?! — Алик, казалось, сошёл с ума. — Кто она?! Он называл имя?!

— Да! Напрягите память! — вторил ему следователь.

— Да нечего мне напрягать! — я начинал злиться. — У него одна песня — ты во всём виноват, уезжай немедленно! Спросите мужиков из палаты. Они всё видели!

Визитёры переглянулись. Алик походил на выходца из могилы. Даже с пухлых щёк Бары-бина исчез румянец.

— Послушай! — зашипел хозяин города. — Я не знаю, что вы затеяли со своим братцем! Но он у меня на крючке! Запомни! Я помню, откуда появились денежки на машину и особняк. Так ему и передай! Да и ты тоже...

— Чего ты орёшь?! — холостяцкий кутёж нравился мне всё меньше и меньше. — Ничего мы не задумывали!

— Не задумывали?! А к чему все эти сказки про неё?!

— Про кого?!

— Про шлюху, которую ты сбросил с крыши!

— Она не шлюха! — от возмущения я пропустил мимо ушей обвинение в убийстве.

— Шлюха, — повторил Альберт с видом проводящего болевой приём борца. — Спроси у Игоря, или с кем она ещё там спала?

— Она ни с кем не спала! — я хотел разорвать наглого блондина.

— Спала, — не знаю что большее — когда самодовольный подонок ранит душу, или когда оперуполномоченный РУБОП, напав со спины, выворачивает руку. — Стелилась подо всех. Ты ведь и скинул её, потому что тебе не давала? Так ведь?

— Хватит с него, — резкий удар, обжигающая боль в районе поясницы. — Теперь умнее будет. Больше не высунется. Нам ещё этого Сида найти нужно.

Корчась на полу, я слышал, как захлопнулась дверь за визитёрами.

Боль в почках скоро отпустила. Рана в душе горела, присыпанная перцем клеветы. Я выкинул альбертовы подарки в окно. Я взял свою собственную водку. Содрал пробку. Приложился к горлышку. Даже не почувствовал, как влил в себя почти половину бутылки. Проклятый нашатырь! Зелье не действовало.

Я прошёл в комнату. Взял старую фотографию. Всмотрелся в её лицо и разрыдался. Я обещал вернуться за тобой. Я убегал от женщин, предлагавших серьёзные отношения. Я не верил в твою смерть. Я вернулся! Но ты... Тебя, действительно, больше нет.

Я рыдал, как потерявшийся в лесу ребёнок, как единственный выживший из отряда солдат, как человек, понявший бесполезность собственного существования.

Нет, понял я внезапно. Смысл есть! Они оскорбили её память. Они назвали её шлюхой. Они оболгали её. Я отомщу! Я обязательно отомщу! Жажда мести осушила слёзы, зарубцевала невидимую, но болезненную рану. Хозяин жизни, мать твою! Заставлю ответить за каждое слово! Я тебе устрою спокойствие! И твоему серому кардиналу тоже! Повышения ждёшь? Я тебе...

А что я собственно могу? Побегать и сжечь магазин? Глупо... Выловить поодиночке и набить морду? Ещё глупее! Я не костолом Сид. Да и месть получается какая-то детская. Словно из-за фантика от жвачки. Здесь затронули другое. За подобное мстят жестоко. Жестоко, но как?! Сид бы, наверное, придумал.

Сид! Они его упоминали. По-моему, хотели отыскать. И его припутали к несуществующему заговору! Стоп! Я никогда не называл имени странного человека в разговоре с посторонними. Откуда Барыбин знает его? Только не надо идиотского утверждения, что милиция знает всё! Всего не знают даже бабушки на скамейках. Так откуда же?!

За Сиды я не волновался. Мне бы толику его талантов. Ещё неизвестно, кто тогда заливал-ся бы слезами после встречи «старых приятелей».

А чем это визитёрам не понравились мои рукописи? Что в них такого? Я поспешил на кухню. Схватил тетрадь. Прочёл — «Тихий город», далее — пролог. Застыл в ожидании видений. Ничего не произошло. Я принялся с жадностью заглатывать одну строчку за другой. Силы небесные! Впав в транс, я описал день гибели Аллы. И дальше... Моё бегство Вокзал! Приезд в Калиновск! Всё вплоть до недавнего звонка в дверь. Дрожащими пальцами я зажал карандаш. Быстро занёс на бумагу последующие события.

Вот она — моя месть! Значит, я столкнул девушку с крыши? Добро! Я выясню, кто оказал-ся за моей спиной в тот вечер! С чего это вы так взволновались господи Крапов и Барыбин?! В лице переменились! За спокойствие страшитесь? Или что-то другое? И какие события вам больше испугали: те — давние, или теперешние? Или всё вместе взятое? Ах, как вам не хочется поднимать муть в родном болоте! Не надо было со мной ссориться! Теперь мосты сожжены! Меня не запугаешь!

«Запугать-то, может, и не запугают, — подсказал некто рациональный внутри, — а вот руки-ноги переломают за милую душу. Или, вообще пристукнут. Вот и вся месть. На рожон лезть не стоит».

Истинная правда. Нужно превратится в тень. А ещё лучше иметь помощника. Он станет моими глазами и ушами. Где же ты, Сид?! Сейчас ты нужен как никогда! Хотя, лучше не

надо. Тебя уже ищут. Может Алла и её приятель? Надо подумать.

Я не заметил, что разговариваю сам с собой. От возбуждения мышцы напряглись. По телу то и дело пробегает волна дрожи. Ощущение гладиатора перед боем, или, скорее всего, притаившегося снайпера. Он знает, что за его голову обещана награда, что за ним охотятся подразделения разведчиков и вражеские снайпера, но продолжает дёргать смерть за усы, выходя каждый день на облюбованную точку, чтобы нанести на приклад хотя бы одну новую зарубку.

Усилием воли я успокоил нервы. Самое обидное — перегореть раньше времени. Врага не должно побеждать в мечтах. Заменять настоящую месть выдуманным суррогатом. Каждый день, каждый час я должен помнить об оскорблении и, самое главное, не забывать, что людей, нанёсших оное, ещё не настигло возмездие. Только в том случае месть осуществиться, а не станет откладываемым до лучших времён бесплодным замыслом.

За окном стемнело. Разразился редкий для осени ливень. Я зажёл одну из оставленных кем-то (призраком?) свеч. После вспышки обиды и гнева мной овладело полное безразличие, почти транс. Я потягивал пиво и слушал, как капли стучат по стеклу и жестяному подоконнику. Изредка, когда скрюченные пальцы голой ветки дотягивались до карниза (раньше я этого не замечал), царапающий звук заставлял меня вздрагивать. Потом я привык и к нему.

Из тёмного стекла на меня смотрел бледный человек. Он сидел в таком же полутёмном помещении. Время от времени поднимал руку и что-то подносил к губам. Мы действовали абсолютно синхронно. Казалось, он читал мои мысли. Я попытался обмануть его — подумал, что неплохо бы закурить, а сам неожиданно дёрнул себя за ухо. Он повторил всё точь-в-точь. Мы улыбнулись друг другу. Можно поспорить с самим собой, обмануть себя, но собственное отражение — никогда.

Пламя свечи колыхнулось. По кухне заметались тени. Отражение исказилось. Бледное лицо пошло волнами. Через секунду всё вернулось на свои места. Всё?! Нет, за спиной моего двойника смутно различалась женская фигура. Силуэт фигуры, сотканный из воздуха. Призрачная рука тянулась к его плечу. Я развернулся. Никого!

Вздых облегчения и назад, к двойнику. Он встретит меня сочувствующей улыбкой, понимающе кивнёт. Как бы не так! Принятый мной за отражение человек поднимался на встречу гостю. Презирая законы природы, он не желал повторять моих движений. Они улыбнулись друг другу, их пальцы сплелись. Я, тот зазеркальный, привлёк девушку к себе и поцеловал. Стекло запотело.

Что за чёрт?! Рукавом рубашки я попытался протереть окно, как вдруг, кто-то спрятавшийся между рамами вывел на запотевшей поверхности:

«СПАСИБО!»

И ещё ниже:

«ЖДИ!!!»

Мне в лицо ударил порыв ледяного ветра. Пламя свечи затрепетало, но всё-таки не погасло. Когда оранжевый язычок снова осветил кухню, я увидел абсолютно чистое окно и собственную перепуганную физиономию в нём...

Человек — удивительное животное. От природы нам не досталось ни клыков, ни когтей, но мы смогли выжить. Мало того, загубить миллионы других, на первый взгляд более совершенных созданий. Мозг — скажете вы. Может быть и так, но, по-моему, большинству он скорее помеха, чем замена клыков. Дело, скорее всего, в невероятной способности привыкать и приспособливаться ко всему и вся. Кто заселил Антарктиду? Кроме пингвинов разумеется — они аборигены. Люди, крысы и тараканы. Кто выживет, по мнению фантастов, в грядущей экологической катастрофе? Те же самые персонажи. Нет, род человеческий — удача Создателя. Беззащитные, уязвимые, глухие и слепые (по сравнению с другими тварями) люди захватили планету от северной ледовой шапки до южной.

Да вот, хотя бы я! Ещё неделю назад я и представить не мог, что смогу спокойно уснуть после стычки с двумя отнюдь небезобидными парнями и встречи с призраком. Какое неделю! Два дня назад я боялся темноты. Теперь, пожалуйста! Продрых всю ночь, наплевав на шум дождя и кучу неприятностей. А вы говорите — мозг! Скорее отключение оного.

Напевая что-то под нос, я принял ванну. Осмотрел в зеркале солидную щетину. Махнул рукой на бритвё. Вскипятил чайник. Вернул из ссылки и подключил радио. Голос госпожи Крамцевой — кило рафинада. К чему же тратить сахар? Под сладкоголосое повествование о прелестях Калиновской жизни позавтракал. Надо же, привыкаю! Мне даже не захотелось воткнуть в лживую глотку местной ди-джейки бальзаковского возраста носок умершего неделю назад бомжа. А может быть, обретя достойных врагов, я перестал обращать внимания на всякую шелуху?

Окрылённый снисходительностью ко всему живому (кроме вчерашних визитёров), я принял решение об утренней прогулке. Утро, конечно, понятие условное — проспал-то я почти до трёх — но, когда встал, тогда и утро. Я оделся. Для профилактики простуды принял двести грамм из «Родника» (на полный желудок не страшно) и шагнул за порог. Сам того не ведая, я начал документальный роман. Для продолжения нужны события. Я шёл им навстречу.

Благодушия не разрушили ни моментально промокшие в мутных лужах ботинки (лень перешагивать), ни заляпанные грязью брюки. Что они по сравнению с неприятностями, кои я доставлю своим обидчикам. Своим и её!

Стоп! Хорош наблюдатель, мысли коего заняты собственными проблемами! Незабвенный капитан Корнеев учил — в разведке отключи всё, кроме глаз, размышлять будешь в сортире. Следуя заветам армейского командира, я начал прогонять мысли. Тяжело, со скрипом, но невидимые перечники покинули мозг. Теперь, я свободен!

Я видел много интересного. Передачи госпожи Крамцевой не такая уж туфта. «Молодые калиновчане с трепетом и уважением внимают наставления ветеранов». Так вот оно! Хитроглазые старички с объёмистыми сумками, укрываясь в тени оцепивших главную площадь голубых елей, продают самогон в розлив. К ним один за другим спешат спившиеся молодые калиновчане.

«Каждый горожанин застынет у памятника павшим воинами и обнажит голову». Верно! Застынет! Обнажит не только голову. Где ещё принявшему заветную дозу нужду справиться?!

А радостное сообщение об открытии бассейна! Здесь, пожалуй, удивляет скромность сладкоголосой вестницы. Бассейны функционируют по всему городу. Абсолютно бесплатно.

Доступны каждому жителю, хочет он того или нет. Попробуй-ка, обойди гигантские лужи! Не хочешь заняться водными процедурами? Добро! Переходи к прыжкам в длину и балансированию по узким бордюрам.

В общем, я признал собственное несправедливое отношение к местному радио. При определённой фантазии и нужном взгляде на вещи подтверждения словам госпожи Крамцевой попадались на каждом шагу.

Далее, я стал свидетелем совсем уж из ряда вон выходящего события. Свинцовые тучи расступились. Почти минуту город купался в солнечном свете. Весёлые лучи раскидали по лужам праздничные блики, коснулись лиц прохожих, лизнули фасады домов.

Я застыл на месте. Калиновск не часто выглядит так приветливо. Даже я сказал бы, не часто так оживает. Парадокс, но в дни, когда здесь не идёт дождь, небо всё равно задёрнуто облаками, заводские трубы и горящие помойки делают атмосферу похожей на последний день Помпеи. Оттого и на лицах горожан чаще, чем другие эмоции, можно встретить агрессию или обречённость.

Солнце, спохватившись, спряталось за облаками. Моментально разразился мелкий дождь. Вернулась привычная серая дымка. Я обошёл площадь по периметру. Двое помятых мужичков укрывшихся за памятником проводили меня тупым взглядом. Один держал за горлышко початую чекушку, другой, отвернувшись к обелиску, возился с ширинкой.

Я миновал любителей зодчества, но чувствовал спиной мутные глаза, пока не свернул за угол. Ирония судьбы, я оказался во дворе того самого дома. Дома, с которого всё началось. Или вернее, на его крыше всё кончилось.

В ту ночь кто-то из припозднившихся жильцов, наткнулся на её тело. Вызвал милицию. Меня нашли на крыше час спустя. Говорят — придя в себя, я бросился на следователя. Обвинял его, что он толкнул меня. Я этого не помню. Словно из тумана всплывает больничная палата. Невероятная тяжесть в голове. Частые приступы, когда глаза от боли лезут из орбит, а в висках колотит взбесившийся молот. Невзрачный человечек — двойник Барыбина — пытающийся выяснить, что произошло в ту ночь, в каких отношениях мы были с потерпевшей, не употребляли ли мы определённых веществ. Потом слякотный день — конец февраля или начало марта — пустая квартира, объёмная фура. Меня увозили от греха подальше. Так решила семья. Ещё несколько встреч с невзрачным человечком. Армия... И всё! Другая жизнь. Жизнь без прошлого. Жизнь, где воспоминания тщательно законсервированы и упрятаны на самые дальние полки. Но кто-то или что-то затронул старые запасы. Когда? На вокзале? В доме Игоря? Или они всегда были со мной? Гонимые и отбрасываемые пасынки памяти, они всё-таки нашли способ заявить о себе.

Где-то здесь лежало её тело. Заляпанный грязью жёлто-синий «уазик» плевался фиолетовыми-ми вспышками. Водитель дремал, откинувшись на сидение. Второй человек, я разглядел тусклые звёздочки на погонах, брезгливо тронул её носком ботинка.

— Готова! — крикнул он напарнику. — Черепушка вдребезги. Связывайся с дежуркой.

— Вот ещё забот не хватало, — водитель потянулся и взялся за рацию.

В это время, я лежал на крыше, а чуть ниже у выхода с чердака притаились три тени.

— Зачем? Зачем? — испуганно подвывала одна. — Мы же на это не договаривались!

— Молчи, урод! — шипела другая. — Шёл бы и сам разбирался! А то, как до дела дошло — я не могу, я не умею, она меня возненавидит. Теперь ноешь — зачем, почему? Вышло так!

— Главное ментов проскочить, — рассуждала третья, самая спокойная. — Подумают всё на её дружка. Ему, кстати, пульс пощупали. Вдруг выживет. Может, сгонять?

— С ума сошёл?! — зашикали двое других. — А если менты?! Надо задницу уносить, а не пульс шупать! Как теперь из дома выйдем.

— Зачем выходить? — усмехнулся хладнокровный призрак. — Перекантуемся на крыше лифта, пока всё не успокоится.

Тёмные силуэты растворились в глубине чердачного помещения. Проклятие! Я почти разглядел их! Неужели... Не может быть! Зачем им нужно было это делать?! Но с другой стороны... Я ничего не понимаю!

Порыв холодного ветра разогнал видения. Ощущения такие, словно на макушке перекололи килограмм орехов, а потом ещё добавили пыльным мешком. Если всё увиденное правда, то я знаю, кто был там. То-то вы так засуетились, господа хорошие! И ещё одно — серебряной молнией в мозгу вспыхнула недавняя сцена.

— Я ведь всё знаю, — говорила при встрече Алла Александровна. — Ты обещал вернуться. Ты вернулся.

Старуха не могла этого знать! Первый и последний разговор о возвращении и побеге из городской трясины состоялся на ночной крыше. Она не могла знать о нём. Если только... Бред! Семидесятилетняя старуха карабкающаяся на чердак! Чепуха! Но откуда она знает? Что за скелеты прячутся в шкафу милейшей Аллы Александровны?!

Я задрал голову. Вот он карниз, на котором завязался невысказанный узел. В шею словно вбили клин. Я не мог двинуться. Хотелось кричать от ужаса. На фоне серого неба чётко вырисовывался девичий силуэт. Она стояла на самом краю. Я бросился к подъезду. Вот она обещанная встреча! Вот то, ради чего я здесь очутился! Всё начнётся там, где было безжалостно разорвано!

Что начнётся?! Я не знал! Я даже забыл о мести! О страшной мести убийцам. Я ведь из почти уже вычислил. Она на крыше! Она ждёт меня! Ни о чём другом я думать не мог!

Никогда раньше не волновало меня количество ступенек в высотном доме. Теперь, спотыкаясь, я отсчитывал каждый десяток собственным дыханием. Миллион острых иголок впивались в лёгкие (вот они, две с половиной пачки сигарет в день), одежда взмокла от пота. До чердака я добрался в состоянии близком к разобранному. Пинком открыл дверь. Вывалился на крышу.

— Ты? — прохрипел я.

— Здравствуйте, — Алла (другая, не та, встречи с которой я ждал) встретила меня улыбкой. — А мы вас давно заметили. Ещё на площади.

— Мы? — я огляделся в безумной надежде.

На противоположенном краю крыши маячила мрачная фигура Ворона.

— Древние майя считали, что человек раз в день должен оставаться наедине с небесами, — эрудированный юноша даже не обернулся в мою сторону. — Чтобы узнать волю богов. Или настрой космоса, говоря современным языком. Что вы об этом думаете?

— Почему вы здесь? — я с трудом обретал способность связно мыслить.

— Я же говорю, — Ворон отошёл от края и наконец удостоил меня взгляда. — Медитация. Обретение гармонии.

— Почему здесь?

— Во-первых достаточно высоко. Во-вторых, единственный дом, где перепуганный обыватель не навесил на дверь замок.

— Вы знаете, что здесь произошло? Здесь погиб человек.

— Ого! — в глазах парня вспыхнул интерес. — Тогда это место вдвойне ценно. Особые

вибрации. Энергетика. Волны страха.

— Это была девушка! Юная! Красивая! — мне очень хотелось расквасить юному цинику нос. Посмотрим, какие волны ты испустишь, путаясь в кровавых соплях.

— Вы говорите про неё? — рука Аллы коснулась моего плеча.

— Про неё, — злость погасла.

— Извините, мы не знали.

— А в чём собственно дело? — встрял знаток ритуалов майя. — Про кого, про неё?

— Заткнись! — бросила девушка.

Ворон обиженно ретировался на край крыши и принялся за очередной сеанс связи с космосом.

— Бабушка очень хочет вас видеть, — сообщила Алла.

— Я её тоже. Есть кое-какие вопросы. Ей очень придётся постараться, чтобы ответить на них.

— Вы какой-то странный. Это из-за меня?

— Из-за тебя?

— Да, из-за ночи.

— Значит, ты всё помнишь? Утром дурака валяла?

— Не помню я ничего! Потому и спрашиваю. Может, чем обидела вас? Так я, действительно, не в себе была! Извините, если что...

— Я в курсе этого случая, — подал голос Ворон. Желание явить миру собственные знания пересилило чувство обиды. — Типичная болезнь средневековых женщин. Знаете, когда они, воображали себя ведьмами и отправлялись на шабаш? Вы для Аллы воплощаете нечто противостоящее канонам обыденности...

— Люцифера?

— Примем такой термин. Тогда ночная прогулка объясняется прорывом подавленной сексуальности и неприятием буржуазных ценностей. Провал в памяти — работа проснувшихся комплексов.

— А как же метла, мазь из белены и сало некрещеного ребёнка?

— Недостойная внимания атрибутика. Всё здесь! — Ворон ткнул себя пальцем в лоб и принял позу римского трибуна.

— Откуда ты такой умный взялся? — свихнувшийся от прочитанной горы литературы мальчишка вызывал уже не столько раздражение, сколько сочувствующую улыбку.

— Я не трачу время на мелочи! Каждая секунда посвящена самообразованию. Я не интересуюсь материальными ценностями. Знание — истинный капитал. В двадцать первом веке мы превратим землю в огромное хранилище знания. Промышленность, бизнес и прочая чепуха будут переведены в космические гетто!

— У Ворона свой сайт в Интернете, — Алла зажмурилась от благоговения.

— Три, — поправил будущий всепланетный архивариус, — и с десятков веб-страниц. В чатах меня неплохо знают. На форумах...

— Откуда же средства на столь бурную деятельность, — поинтересовался я. — Поделись секретом с писателем-неудачником. Может, хоть на старости лет поживу в своё удовольствие.

— Так сложилось, — противник буржуазного образа жизни неожиданно смутился. — В общем... Силой обстоятельств я не стеснён в финансах.

— Родители ему деньги подкидывают, — объяснила девушка. — И брат. Чего ты на

мозги капаешь?

— Я не имею ничего общего с этими мещанами! — Ворон покраснел. — Я живу отдельно! Я... Никто не принуждал их выдавать мне деньги. Почему я должен отказываться?! В конце концов, это их обязанность... Я забочусь о судьбе человечества, в то время как они решают ничтожные проблемки. Их долг — финансировать меня!

— Да ладно тебе, — я едва сдерживал смех. У доморощенного анархиста оказался за спиной солидный капитал. Что же, в таком случае и побунтовать можно. — Неважно откуда приходят деньги. Главное на что тратятся.

Разоблачённый низвергатель мещанских ценностей одарил меня недоверчивым взглядом.

— И я ему про то же, — вставила Алла. — Хотя бы не грубил своей родне.

Ворон смотрел то на меня, то на девушку. Неожиданно по-детски наивно улыбнулся. Несчастный парень. Мы двое, наверное, единственные, кто слушает его бредни и общается не из-за толстого кошелька родителей. Уже при рождении он попал в изоляцию. Родители заменили себя дорогими подарками и электронными игрушками, сверстники заискивающе вертели невидимыми хвостиками, в надежде урвать кусочек чужого благосостояния, а потом злобно шипеть за спиной. Вот откуда ненависть к человечеству, дикие фантазии, мешанина в голове. По сути дела, он, уже взрослый человек, до сих пор лишь средство вложения капиталов для родни и предмет зависти для нищенствующих одногодок.

— Хорошо, что вы так думаете, — снова печоринская складка на переносице. — Революции всегда делались на деньги враждебных классов. Кстати, вам будет это интересно. Вы читали Достоевского?

— Ну, не всего, конечно.

— Всего и не надо! Вы наверняка заметили параллели с Лавкрафтом.

— С кем?

— С Лавкрафтом!

Я лишь пожал плечами.

— Подумайте сами, — не унимался литературовед-самоучка. — Герой, противостоящий системе! Сломленный и растоптанный этой системой! Выживший, но одержимый страхом! Оттого не способный к действию!

— А что общего между Порфирием Петровичем и древним богом Кутхулу?

— Всё! Земное общество — отображение космического порядка. Мы живём по законам принесённым Древней Расой с Погасших Звёзд. Человечество — стадо жертвенных животных. Адепты Древних следят за порядком. Если бы у Достоевского был доступ к «Некрономикону»...

— Ну, тебе виднее, — по правде сказать, у меня распухла голова от рассуждений юного философа.

— Я уже отправил несколько сообщений по разным почтовым ящикам. Надеюсь организовать форум. Если желаете, можете зайти, посмотрите, что народ скажет. Хотя... , — в руках Ворона явился пистолет. — Вы уже никуда не зайдёте.

Я не успел понять смысл происходящего. Палец мальчишки дёрнулся на спусковом крючке. Хлопок. Слишком тихий для такого оружия. Я не почувствовал боли. Только в глазах потемнело. С промежутком в семнадцать лет моё тело снова рухнуло на мокрый гудрон.

Темнота, опять темнота. Свет почти не пробивается через испещрённое дождевыми каплями окно. Изредка жёлтое пятно раскачиваемого ветром фонаря проникает в помещение, оставляя на стенах и потолке когтистые тени веток. На соседней койке кто-то сопит и постанывает во сне, с другой тишину взрывают мощные раскаты храпа. Третий человек не спит. Он забился в угол. Завернулся в одеяло. Он скулит от страха. Для него — темнота живая. Тени — руки призраков. Храп и стоны — их голоса. Они приходят каждую ночь. Человек боится темноты, но свет включить не может. Нельзя. Опять зайвится девчонка в белом халате и сделает укол. Она заодно с призраками. Он уснёт и окажется в их власти. Нет, он не настолько глуп. Нужно терпеть. Дождаться рассвета. Он перехитрит их всех. Он выпитися днём. А ночью... Ночью животный ужас. И поединок с призраками. Кто кого!

Я не испытываю сочувствия к человеку. Он заслужил это. Никаких призраков в темноте нет. Там притаились его грехи и поступки. Именно они терзают разум и душу.

Словно уловив мои мысли, человек скидывает одеяло с головы. Смотрит на соседнюю койку. Сосед спит. Храп из другого угла говорит сам за себя. Человек улыбается. Поборов страх, сползает с матраца. На цыпочках подбирается к шкафу с одеждой. Секунда и ремень из брюк соседа у него в руках. Он выскользнул из палаты. Воровато оглядел тускло освещённый коридор. Предутренный сон сморил медсестру. Все спят! Все кроме него и призраков! Но он решился! Он знает, как их обмануть!

Не обращая внимания на холодный линолеум, он добегают до двери запасного выхода. Всё в порядке! Только бы никто не помешал! Человек торопливо прикуривает. Несколько нервных затяжек. Красный огонёк тлеющей сигареты дугой разрезает мрак, чтобы приземлиться на заплёванный пол.

Голые ноги, наконец, ощутили холод каменных ступеней. Надо торопиться. Сделать всё быстро, но без суеты. Второй попытки может не быть.

Хорошо, что сосед толстяк. Ремень почти полтора метра в длину. Повезло! Человек вешает его на шею. Пропускает кожаную ленту через пряжку. Затягивает наподобие галстука. Перешагивает через перила. Балансируя на краю ступеньки, закрепляет свободный конец на железном пруту, соединившем два пролёта. Привыкшие к гаечным ключам и баранке пальцы вяжут надёжные узлы. Человек в них уверен. На лице появляется блаженная улыбка. Он делает шаг в пустоту.

Я ещё могу его остановить. Спасти. Даже сейчас, когда он хрипит и дёргает ногами, раскачиваясь в лестничном пролёте. Могу, но не хочу. Он сам выбрал это. Не сейчас — семнадцать лет назад. Я смотрю на перекошенное багровое лицо, на побежавшую из штанины струйку и понимаю — всё кончено.

Неведомая сила выталкивает меня прочь с тёмной лестницы. Жадная пасть воронки. Омут бесконечности. Я лечу. Лечу. Лечу... чтобы упасть на кровать в собственной квартире.

— Господи, — слышу я женский голос. — С вами всё в порядке? Я пристукну этого идиота!

— Куда он меня? — нет никакого желания открыть глаза.

— Что?

— Куда он меня ранил?

— Никуда! — я чувствую, как Алла садится рядом. Узкая ладошка опускается на мой

люб. — Это игрушка, понимаете?! Детская пукалка! Вам очень плохо?

— Что?! — я подпрыгнул на кровати. Недомогания как не бывало. Видения отступили на задний план. — Что ты сказала?!

— Это не настоящее оружие, — Алла предпочла отойти подальше от разъярённого родственника.

— Где этот засранец?! — в данный момент я мог только рычать. — Я ему эту игрушку знаешь куда засуну?!

— Он потому и сбежал. Пока вы не очнулись. Хотите пива? Я у вас в холодильнике нашла. Ещё бутерброды. Не сердитесь, дядя Алёша, — тонкие пальцы робко дотронулись до заросшей щетиной щеки. — Он ещё совсем глупый.

Я растаял. Возможно, я никудашный педагог, и другой на моём месте повёл бы себя жёстко. Но я не мог сердиться на Аллу. Она всё больше и больше становилась похожей на Неё.

— Ладно, — стараясь сохранить маску строгости, я опустил на стул. — Давай пиво.

— И бутерброды, — девушка метнулась на кухню.

— Хорош кавалер! Заварил кашу, а расхлёбывать тебя оставил.

— Зря вы так. Он вас и с чердака стащил, и домой доставил. Проверил пульс, убедился, что всего лишь обморок и только тогда ушёл. Он же не круглый идиот — знал, что будет, когда вы очнётесь. Как вы дерётесь, уже все знают.

— А ты, значит, храбрая?

— Я вас не боюсь, — девичье лицо появилось в проёме кухонной двери. — Мне вот сон вспоминается. Будто я... тут, у вас... хочу вас... это, ну, понимаете,... соблазнить. А вы меня пальцем не тронули. Разозлились даже. Ой, болтаю всякие глупости! Извините!

— Действительно, глупости, — она, вовремя вернулась на кухню. Очень не хотелось продемонстрировать девушке собственную вытянувшуюся физиономию. Сон. Хм. — Ты давай призывай собственные сновидения к порядку. Иначе, отцу пожалуюсь, — увиденное на тёмной лестнице всплыло в памяти. — Как он, кстати? — я затаил дыхание.

— Спит целыми днями, — равнодушно сообщила Алла. — Приходится снотворное на ночь давать. Ой, представляете, — она появилась в комнате с двумя бутылками пива и бутербродами на блюде, — ему ведь гипс сняли. Определили-то перелом, а он и пальцами шевелить начал и не болит ничего. Пристал к врачихе, та проверила — никакого перелома. Представляете, какие там костоломы? Здоровую руку загипсовали!

— Представляю, — я подавил желание рассказать девушке о недавно виденном. Это не её дело. — Теперь поведай, что это за затея с пистолетом.

— Вы не будете сильно ругать Ворона?

— Уж постараюсь.

— Знаете, он это не столько для себя сделал, сколько для вас.

— Ну, я ему благодарен по гроб жизни! Мне только этого и не хватало!

— Нет, действительно. Он прочитал ваши вещи и сказал, что вы неплохо разбираетесь в мистике.

— Теперь об этом на каждом углу буду рассказывать! Надо же, какой чести удостоился!

— Если вы не прекратите, я больше ничего не скажу.

— Ладно, молчу как рыба об лёд! — я демонстративно приложился к пиву.

— Вот он и решил устроить вам ощущения человека перед смертью. Ну смерть, конечно, ненастоящая, но вы-то об этом не знали.

— А ты?

— Я его отговаривала, — девушка потупила глаза.

— Ну, и что дальше?

— Дальше, вы напишите об этом. Всё будет правдиво. Ворон — почти соавтор. Ему тоже это понадобится для собственных теорий.

— Держалась бы ты от него подальше.

— И вы туда же. А что здесь ещё делать? С дебилами по подъездам тискаться? С тёлками перезрелыми у ларьков околачиваться и гоготать на всю площадь? С ним хотя бы интересно!

— Дело твоё. А давно вы на той крыше обосновались?

— С полгода, наверное... Правда там здорово? Вот если бы вы вечером туда пришли...

— Я был там вечером, Алла. Это очень нехорошее место.

Комната наполнилась тягостной тишиной.

— Извините, — я едва слышал голос девушки. — Она была красивой?

— Очень. Ты на неё похожа.

— Бабушка тоже так говорит. А вы её любили?

Я молчал. Не хватало ещё расплакаться перед девчонкой.

— Мне отец говорит, что я на маму очень похожа, — Алла тактично сменила тему. — Особенно, когда сердится. Знаете, я её совсем не помню. Только руки — добрые-добрые и глаза — грустные-грустные. Почему она бросила меня? Почему не взяла с собой?

— Знаешь, девочка, бывают обстоятельства, когда нужно исчезнуть. Исчезнуть в одно мгновение, бросив всё. Но она любит тебя, поверь. А раз любит, значит, вернётся к тебе. Этот город не то место, где оставляют тех, кого любят.

— Правда?

— Правда.

Мы промолчали ещё целый час. Несколько раз звонил в телефон. Кто-то настойчиво сопел в трубку. Я уже догадался, что юный экспериментатор пытается узнать результаты недавнего опыта, но специально опережал руку девушки и брал трубку первым. Пусть, господин Ворон поточит клюв в неведении. Наконец я сжалился над современным Базаровым и уступил девушке первенство у аппарата.

Алла взяла трубку и одарила меня красноречивым взглядом. Я ушёл на кухню за пивом. Из прихожей доносилось бормотание. Рычаги телефона клацнули. Алла зашла на кухню.

— Знаете, меня подруга попросила зайти, — она тщательно избегала моего взгляда. — Что-то очень важное.

— Ага, подруга, наверное, особенно интересуется, как чувствует себя подопытный.

— Вы всё равно сердитесь?

— Прощаю, только ради тебя. Так и предай подруге.

— Спасибо. А вы к бабушке когда зайдёте. Она вас очень хочет видеть.

— Вот сейчас и отправлюсь. Скажу больше, — меня оглушило предчувствие, что Алле ни в коем случае не стоит появляться сегодня в доме, — можешь вместе с подругой посещать всякие чаты и форумы. Я тебя подстрахую.

— Бабушку покормите?

— И бабушку, и собаку, и тебе алиби выдумаю.

— Ой, вы прелесть. Знаете, Интернет, он по ночам дешевле. Там так интересно. А сколько?

— Хоть до утра. Только, если подруга позволит себе что-то лишнее... Так и передай — я эксперименты тоже умею ставить.

— Да что вы! — девушка рассмеялась. — Ворон как в «паутину» влезет — ему всё до лампочки! Да и я сама ещё ничего не решила. Он просто друг.

— Верю на слово. Ну ладно, привет Пернатому...

— Спасибо, — Алла чмокнула меня в щёку и выскочила из квартиры.

Я подошёл к особняку Игоря, когда непроглядный осенний вечер завладел улицами. Немногочисленные фонари отражались в лужах и с горем пополам помогали миновать интенсивные коммунальные раскопки. Доморощенные Шлимманы, похоже, не теряли надежды отыскать собственную Трою.

Калитка не заперта. Впрочем, это не важно — Алла оставила ключи. Двор заливал электрический свет. Игорь не жалел средств, избавляясь от темноты. Мохнатый исполин рыкнул в вольере. Потом, признав во мне человека, приходившего с хозяином, вяло махнул хвостом. Из могучей груди вырвалось щенячье поскуливание.

— Кушать хочешь, — я провёл ладонью по сетке. Кавказская овчарка заворчала и нехотя щёлкнула зубастыми челюстями.

Не надо, мол, фамиллярностей, чужак. Я при исполнении.

— Всё понимаю. Служба. Погоди немного, приятель, — я поднялся по ступенькам. Во всех окнах горел свет. Странно.

Мудрёный замок поддался не сразу. Трудно с непривычки одновременно прижимать крошечный язычок, дёргать за ручку и поворачивать ключ. Солидному имуществу — хорошую охрану.

В холле царила тишина. Ни обычного поскрипывания рассыхающихся паркетин, ни гудения холодильника, ни бормотания в водопроводных трубах. И холод. Пронизывающий до костей. Наверное, котёл погас. Надеюсь, в доме есть электрообогреватели. Очень не хочется лезть в подвал.

Тишину в ключья разорвал жуткий вой. Могучий кавказец огласил улицу песнью скорби. Вот только о чём? О неполученном ужине? Вряд ли.

— Алла! — послышалось, когда собака умолкла.

— Это я, бабушка! — вырвалось у меня. — Алла у подруги!

— Алла, прости! — от леденящего душу вопля содрогнулись стены.

Я рванул на второй этаж. Ступеньки вдруг стали непривычно высокими и вязкими. Я спотыкался на каждом шагу. Когда я добрался до площадки, с меня, несмотря на холод, сошло семь потов. Ручка на двери старухи покрылась инеем. Чувствуя, как кожа на ладони прилипает к металлу, я схватился за неё. Дверь поддалась. Я ввалился в комнату.

Старуха сидела в кресле: подёрнутые инеем брови и волосы, посиневшие губы, застывшее лицо. Она ещё была жива. Веки дрогнули. В эту минуту с улицы снова донёсся вой. Стало жарко.

— Алла Александровна, что...

Она меня услышала, в зрачках мелькнул проблеск сознания, тонкие губы зашевелились, высохшие пальцы царапнули по плюшу кресла. Я подбежал, склонился над ней.

— Она... , — я скорее уловил движение воздуха, чем услышал звук речи. Невероятно, что минуту назад с этих губ сорвался ужасный вопль. — Ты... всё... узнал... Она...

— Кто она? Алла?!

— Жена... Игоря...

— Сбежавшая?

— Умер... шая... Подвал... Кладка... Она... Не простила... Ты...

— Что я могу сделать?

— Закопай... она... я... знала... семья... нельзя... было... девочку... прости...

— Алла Александровна! Алла Александровна! — я теребил безжизненное тело.

Температура вернулась в норму. Свет погас сам собой. Я попробовал выключатель. Работает. Навеки успокоившаяся старушка умиротворённо сидела в кресле. Надо позвонить в «Скорую». Или куда обращаются в подобных случаях?

Она знала. Что она знала? О случившемся на крыше? Молчала, прикрывая Игоря? Лишь бы репутацию семьи не опорочить! Я? Я странный! На меня всё можно свалить! Она? С живых надо думать! Эх, Алла Александровна, Алла Александровна!

При чём ту подвал? Жена Игоря? Бред умирающей старухи? Нет, не похоже.

Я умею отключаться в экстремальных ситуациях. Нервозность, эмоции, чувства, всё уступа-ет на второй план. Тело превращается в действующий механизм.

Я отыскал на кухне мешок с сухим кормом. Выволок его во двор. Открыл вольеру. Огромный пёс поджал хвост и прятался в дальнем углу. Я распорол мешок...

— Ужин, мохнатый, — собака заскулила. — Ну, давай, давай. Всё кончилось.

Свирепый кавказец переставлял каждую лапу, словно под ними был тончайший лёд и новый шаг мог оказаться последним. Минут десять он преодолевал отрезок в два метра, то и дело разражаясь визгом и плачем. Когда пёс оказался рядом, я увидел в преданных собачьих глазах такой ужас, что сам покрылся гусиной кожей. Розовый язык тронул мою ладонь, а массивная голова спряталась между коленей. Пёс искал защиты у единственного оказавшегося поблизости человека.

— Ничего, всякое случается, — я провёл ладонью по густой шерсти, ощутил дрожь могучего тела. — Ты перекуси пока и уноси ноги. У меня ещё дела, приятель.

Пёс не отставал от меня, пока я искал в гараже кувалду и фонарь. Проводил до дома. Стоило мне ступить на порог, кавказец с обречённым видом отошёл в сторону и, задрав морду к чернильному небу, разразился воем.

Вход в подвал я обнаружил без труда — скромная дверца в дальнем углу кухни. Запор? Скорее одно название. Поворот ручки, и я один на один с влажной темнотой. На мгновение показалось, что кто-то следит за мной, укрывшись во мраке. Страх леденящими шажочками пробежался по спине. Что я делаю? Что собираюсь искать? Какого монстра потревожу своим вторжением? Ещё есть возможность захлопнуть дверь, сообщить, куда следует о смерти старухи и умыть руки. Забыть обо всём, загнать странные видения вглубь сознания и никогда больше не вспоминать о тихом подмосковном городке.

Пока меня одолевали капитулянтские мысли, рука сама собой нашарила выключатель. Щелчок... Ну, и чего мы испугались?! Подвал, каких сотни, забитый разным барахлом, ненужными инструментами и банками с соленьями. Даже фонарь не нужен — освещение не хуже чем наверху.

Я спустился по лестнице, прошёл вдоль стеллажей с пузатыми пыльными банками и старыми вещами. Под ногами злоеще поскрипывал песок. Или мне это только кажется? У дальней стены я наткнулся на вторую дверь. Открыл. Помещение поменьше. Почти пустое. В дальнем углу гудит котёл. Тоже никаких призраков. Если таковым не считать мерно работающий АОГВ.

Однако подвал маловат. В половину дома. Может в другую часть вход с улицы? Лампочка в котельной значительно слабее, чем в первом помещении. Немудрено, что я не сразу разглядел крошечную дверь в тёмном углу. Прикрытая деревянным щитом и затянутая паутиной, она едва различалась в тусклом свете. Ни за что не найдёшь, если не будешь

искать специально.

Отодвинуть щит и убрать плоды многолетней деятельности пауков — дело нескольких минут. К чему, интересно, такая маскировка? От кого? Едва освободив дверь, я наткнулся на массивный замок. Слишком крупный для такой двери. Что же Игорь так тщательно прячет? Семейные драгоценности?

Если бы не предыдущие события, странные видения, подозрения и слова старухи, я бы никогда не сделал того, что совершил в следующую минуту. В конце концов какое мне дело до чужих тайн! Если дверь закрыта, значит так нужно. Кто я такой, чтобы распоряжаться в чужом доме?! Мало своих проблем?!

Так бы я поступил ещё пару дней назад. Но сейчас... Сейчас дело зашло слишком далеко. Либо я выясню правду, либо... признаю собственное безумие, а догадки и видения — плодом воспалённого воображения.

А ещё... Ещё я чувствовал чужую волю, которая мягко, но в то же время настойчиво, заставляла действовать. Я уже не мог остановиться... даже если бы и захотел.

Два удара кувалды — замок упал. Дверь со скрипом распахнулась. Я включил фонарь, шагнул в темноту и тут же упёрся в стену. Вернее в кирпичную кладку, вклинившуюся между бетонными блоками, словно гнилой зуб. Когда-то здесь был проход. Кто-то его заложил. Причём заложил неаккуратно — кладка кривая, кое-где края кирпичей выступают на несколько пальцев. Строитель или работал в сильном подпитии, или торопился. Очень торопился.

Если уж христиане безжалостно жгли Александрийскую библиотеку, а вандалы рушили античные скульптуры, то сломать уродливую кирпичную заплату сам бог велел. Только бы размахнуться получше. Тут дело встало. Я корчился в тесном предбаннике, стараясь поудобнее ухватить кувалду за чересчур уж длинную ручку. А ещё говорят — ломать не строить!

На пятый или шестой удар кладка дрогнула. Я отбросил кувалду и пнул уродливое сооружение. Стена качнулась в раздумии и, признав за мной победу, с грохотом обрушилась вовнутрь. Затхлый и почему-то очень холодный воздух ударил в лицо. Я невольно отступил и несколько секунд собирался духом, прежде чем направить луч фонаря в открывшуюся нишу.

Жёлтый кружок света упал на подёрнутую белёсой плесенью стену, скользнул на бетонный пол, обследовал углы и уже у самого выхода наткнулся на человеческие останки. Я вскрикнул, встретившись взглядом с пустыми глазницами и плотоядной улыбкой. Рука дрогнула. Луч запрыгал, являя из темноты то грудную клетку с остатками одежды, то неестественно вывернутые руки, то снова скалящийся череп.

Наверное, только ирреальность, абсурдность находки удержали меня от панического бегства. Я не хотел верить в происходящее. Чёрт возьми, где я нахожусь, в конце концов?! В средневековом замке из рассказов Эдгара По, или в коттедже своего родственника?! Что это означает?! И со мной ли, вообще, всё происходит?!

В последнем я сомневался. Разве мог я, панически боявшийся всего, что связано с покойниками и похоронами (я имею в виду реальных покойников, а не книжные страшилки) спокойно стоять в тёмном подвале и рассматривать чьи-то кости?!

Всё-таки это был я. Какая-то часть меня, ранее скрывавшаяся. Скелет принадлежал женщине (ореол спутанных, похожих на паклю, но всё же узнаваемых волос рядом с черепом), на запястьях и щиколотках грязные лохмотья, когда-то бывшие верёвкой, узкое колечко тускло поблёскивает на фаланге пальца. Всё это я разглядел каким-то

периферийным зрением, занёс увиденное в мозг. В ту часть его, что не охватил ужас.

Больше всего мне хотелось бежать прочь. Домой, к бутылкам с водкой. Напиться до беспомыслия, чтобы завтра утром увиденное представлялось пьяным бредом. Но Рубикон перейдён! Что-то или кто-то удерживал меня на месте, заставляя снова и снова направлять луч фонаря на пожелтевшие кости.

Я увидел случившееся полтора десятка лет назад злодеяние. Бесплотный Игорь (или это я стал туманом?) протащил мимо упирающуюся женщину. Я попытался удержать его, но пальцы ухватили пустоту. Женщина плакала. Её мучитель намотал волосы на руку. Она закричала.

— Что ты вспомнила? — хрипел Игорь. Его, покрытое капельками пота, багровое лицо, пугало больше, чем скалящийся неподалёку череп. Это было лицо смерти. Её смерти.

— Ничего, — она отлетела в дальний угол. С распухших губ падала кровь. — Ради дочери...

— Думаешь, я не знаю, чья это дочь?!

— Наша... , — в её голосе не было уверенности.

— Наша?! Откуда же ей быть нашей?! Ветром надуло! Полтора года ты притворяешься лунатиком, а теперь рассказываешь девчонке — принятой мной девчонке! — о герое, который всех накажет и заберёт спящую принцессу! Это ты-то принцесса?!

— Просто сказка...

— Сказка! Не пудри мозги! Ты всё время надо мной смеялась! Ты и твой дружок! Вернётся он — держи карман шире!

— Какой дружок?

— Не смей! Не смей выставлять меня дураком! — Игорь сорвался на визг. — Что ты задумала?! Отомстить хочешь?! Отвечай! Что ты помнишь о той ночи?!

— О какой ночи!

— Добро, — Игорь внезапно успокоился. — Будем разговаривать по-другому, — он снял со стены моток верёвки. Она не успела ничего понять, как петля стянула ей руки. Другой конец обвился вокруг ног. — Полежи здесь и подумай, — Игорь затянул последний узел, — стоит ли из меня идиота делать?

Когда Игорь выключил свет и закрыл дверь, она закричала.

— Можешь оборотиться, — послышалось снаружи. — Бабка с девчонкой тебя всё равно не услышат.

Он понял весь ужас содеянного, когда вернулся на следующий день. После пьяной ночи и утра в забытии.

— Одумалась? — фонарь выхватил бледное лицо безумного существа. Игорь отпрянул. То, что ещё вчера было женщиной, скулило и извивалось на бетонном полу.

— Ну-ну, — он взбодрил себя глотком самогона из прихваченной бутылки. Пнул скрюченное тело. — Я твои фокусы знаю, — в ответ ему раздался душераздирающий вой. Страшный крик ещё ударялся о бетонные стены, когда Игорь выскочил прочь. Хмель улетучился. Хотелось, чтобы вчерашнего дня никогда не было. То, что спяну показалось проснувшейся памятью, на самом деле всего лишь детская сказка. Она не лгала! Господи, что же делать?! Ведь и тогда он не хотел, чтобы всё закончилось так! Он отговаривал! Опять влип! Она сама виновата! Сама!

Он скулил, вжавшись лицом в камень. Безумное существо за дверью отвечало воем. Хорошо, что додумался вчера связать. Не дай бы бог вырвалась. Он выпил ещё. Взял лопату.

Приоткрыл дверь. Надо решиться! Одним ударом — все проблемы! Потом что-нибудь можно придумать. Друзья помогут. Иначе... Иначе он молчать не будет!

Женщина угомонилась. Игорь перешагнул порог. Она вытянулась на полу. Связанные руки и ноги не позволяли уползти далеко.

— Один удар. Всего один удар, — он занёс лопату.

Взгляд тёмных глаз обжёг лицо.

— Помнюууу! — разобрал он в вопле безумной. — Всёоооо! Помнюууу!

Игорь отбросил лопату, словно черенок обратился ядовитой змеей и кинулся прочь.

Позже, приняв изрядно алкоголя, он снова вернулся туда. Женщина спала. Он так и не решился на убийство. Забив нарождающийся вопль кляпом, он бежал.

Ещё две недели, он спускался в подвал и к своему ужасу обнаруживал, что женщина всё ещё жива. Он чувствовал постоянную угрозу разоблачения, но не мог ничего поделать. Даже когда в камере пыток остался обглоданный крысами труп, он всё ещё не верил в её смерть. Притворяется! Она всегда притворяется! Он так и не похоронил несчастную, а замуровал комнату, превратив её в хранилище страшной тайны.

Я никогда не относился к Игорю с симпатией. Я его презирал. Теперь я его ненавижу. Меня тошнило, когда он подбирался к стене и вслушивался в шорохи. Воровато приоткрывал дверь и включал фонарь, а потом бежал прочь. Когда он, скуля от страха, торопливо укладывал кирпичи в дверной проём. Когда он, испуганно оглядываясь на замаскированный проход, приводил к котлу слесаря-ремонтника.

Я чувствовал страдания и ужас запертой женщины. Я почти рыдал, видя, как она лишается разума. Я очень хотел помочь. Но как? Нас разделяло время. Мы являлись друг другу туманными видениями. Я даже не разглядел её лица. Подозреваю, что меня она, вообще, приняла за порождённый воспалённым разумом фантом.

Я мог (ещё одна дикая идея) захоронить останки. Укрыть последние следы трагедии. А что ещё прикажете делать? Обратиться к господину Барыбину? На втором этаже умершая старуха, в подвале — скелет. И это при той «симпатии», которую ко мне испытывает местный Пинкер-тон. Самый надёжный способ принять на себя деяния маньяка! Я не сомневаюсь, что следователю с внешностью Наполеона важнее закрыть дело, а не наказать виновного. Повышение, сами понимаете.

Я принёс кувалду и принялся крушить бетонный пол. Просто, не смог заставить себя перенести останки в другое место. Лучше уж липкий пот, заливающий глаза, тяжесть в руках и ломота в спине, чем лишнее прикосновение к костям. В течение часа, не меньше, я пробивался до почвы, потом подгонял могилу до нужных размеров. Ржавая лопата с осклизлой ручкой (она так и не стала орудием убийства) сменила кувалду. Меня ожидал неприятный сюрприз. Я надеялся наткнуться на хрустящий песок, как в других помещениях, но его, по-видимому, завезли строители. Обезображенное ржавчиной лезвие моментально увязло в сырой глине.

Ещё целый час я расковыривал почву, мало уступающую в прочности недавно порушенному бетону. Прямоугольная (условно говоря) ниша доставала чуть выше колен. Работать дальше не оставалось сил. Негнуцимися пальцами я выдернул сигарету. Прикурил не без труда — в затхлой атмосфере подвала зажигалка выдавала лишь крошечный язычок багрового цвета. После первой же затяжки раскашлялся. Присел на краю ямы. Чёрт возьми, это игра воображения или проделки гаснущего фонаря?! На мгновение зловеще ухмыляющийся череп исчез, и я увидел черты дорогого для меня лица.

Нет, хватит! На резкое движение спина отозвалась протестующей болью. Я не обратил на неё внимания. Закончить начатое и прочь, прочь из этого места, наполненного безумием и подлостью! Может быть Алик прав! Живым надо жить, а мёртвым успокоиться! Никакая месть и разоблачения не исправят того, что случилось в тот вечер. Ничто не вернёт к жизни замученную в подвале женщину.

Я застелил яму найденным в первом помещении брезентом. Бережно сложил кости (страх и отвращение почему-то исчезли), остатки одежды и волос, поблекшее колечко.

«Она, наверное, моя ровесница, — мелькнуло в мозгу. — Мы могли встречаться. Мало того, могли познакомиться сейчас. Сколько ей было тогда? Немногим за двадцать? Муж-трудяга, дочка, дом — полная чаша. И вот всё чем кончилось! Что же ты такого вспомнила?»

Я ненавижу похороны, сопливые признания заслуг и достоинств усопшего, но сейчас мне захотелось что-то сказать — красивое, берущее за душу и успокаивающее.

— Твоя дочь — замечательная девушка, — неожиданно сорвалось с губ. — Умная и очень красивая... Как и ты...

Свирепствующий за стенами ветер каким-то чудом проник в глухой подвал. Я почувствовал прикосновение чего-то едва уловимого и очень холодного сначала на щеке, через мгновение на губах. Потом лёгкий шелест, уносящийся в дальнее помещение и мёртвая тишина.

Я бросил первую лопату...

Я запирал коттедж, когда ожил телефон. Что за мерзкое свойство лезть не в своё дело?! Я бы поставил подобную привычку на первое место среди самых страшных грехов. Ну, что тебе ещё нужно?! В дерьме, даже не по уши — макушка не видно! Влез во все тяжкие! Перессорился, с кем только мог! Ещё и видения, за которые выдадут пожизненную прописку в комнате с мягкими стенами! Ну, кто заставлял тебя снова входить в дом, сломя голову нестись к аппарату и хватать трубку?!

— Да? — я задыхался после чересчур поспешного передвижения.

— Квартира Нарымовых? — поинтересовались на том конце провода.

— Дом, — поправил я, совершенно автоматически.

— Кто это? — потребовала объяснений трубка.

— Родственник.

— А я вас узнала. Макшеева Нина Георгиевна. Помните? Главврач хирургии.

— Очень приятно.

— У меня очень плохие новости. Даже хорошо, что ответили вы — мужчина.

— Проблемы с финансированием? По-моему, Альберт решил все вопросы.

— Зря вы так. Ваш родственник повесился...

Я оторвал трубку от уха. Картинки из видений кружились перед глазами. Вот кем был человек на лестнице. Господи, только не ври сам себе — ты знал, что это Игорь! Но утром Алла говорила, что всё нормально... Алла не психопатка, вроде тебя. Значит, я знал всё заранее. Я мог всё предотвратить. Предотвратить! Он это заслужил! Заслужил! В ту ночь... Его жена... Хотя, давно ли ты взялся судить других?!

— Алло! Алло?! — верещало в трубке. — С вами всё в порядке?!

Я выдернул аппарат из розетки. Хотел я этого или нет, но механизм событий перешёл на работу в автономном режиме. Мы все — винтики и шайбы, обеспечивающие функционирование невидимого маховика. Я знал, где в данную минуту мне определено гнездо.

Дома (я уже называю чужую квартиру домом... может быть потому, что у меня его никогда и не было?) меня ждали дарящая забвение жидкость и тёплый душ. Пиво кончилось (неприятный сюрприз), я плеснул в кружку «Богородской» — поддержка бога нужна, как никогда. Быстрый поток, обожжённая гортань, что-то наспех пережёванное из холодильника и всё: долой одежду, заляпанную глиной и пропитавшуюся ароматом смерти. Горячие тугие струи подарят мне новую кожу, смоят страшные воспоминания и липкий пот. Я подставлял лицо под хлещущий поток и благодарил Кольку. Что бы я делал сейчас без горячей воды?!

Я вышел из ванной. Неспешно распаковал сумку. Мне нужна новая одежда. Именно эта, которой я пользуюсь в особых случаях. В случаях, когда не остаётся выбора. Чёрная футболка прильнула к коже, подобно истосковавшемуся в разлуке любовнику. Кожаные штаны заставили мышцы на ногах напрячься и замереть в ожидании. Потёртая куртка с молниями кольчугой легла на плечи. Я готов к тому, что случится через секунду!

Я едва успел проверить лезвие выкидного ножа, когда раздался звонок. В этой пьесе действия разыгрываются со строгой последовательностью, почти как в произведениях известного драматурга Николая Панина. Я уже знаю, чей голос услышу в трубке.

— Самый хитрожопый, да?! — в тоне Алика не осталось и намёка на прежнее дружелюбие и панибратство.

— Я тоже очень рад тебя слышать, — ненавижу грубость и хамство.

— Ты что, сука, устроил?!

— Да, погода, действительно, отвратительная.

— Так, значит. Чего ты хочешь?!

— Пива.

— Последний раз спрашиваю. Ты это прекратишь?

— Что именно?

— Издеваешься?! Зачем ты довёл этого дегенерата до петли?!

— Я? Побойся бога. Вы надели петлю ещё тогда, на крыше... Я разве виноват, что она сейчас затягивается?

— Чего ты хочешь?!

— Справедливости.

— Ты знаешь, что теперь, когда этот идиот повесился, Барыбин докажет ваше участие в убийствах, — голос Альберта не излучал особой уверенности. — Вы — два грёбанных маньяка — ты организатор, он — соучастник! Покалеченные тобой ребята это подтвердят!

— А я думаю — следствие не меньше заинтересуется неким молодым человеком, по имени Ворон. Парень устраивает просто потрясающие эксперименты.

— Ах ты урод! — злоба хозяина города обжигала даже через телефонный кабель. — Братишку моего впутать решил! Гнида!

— Так юный революционер твой брат? — я не удержался от смеха. — Яблочко от яблони... Хотя, извини — парень неплохой. По сравнению со старшим поколением. Я его просто помянул. К слову пришлось. У меня другой туз в рукаве. Я, значит, убийца? Барыбин докажет? Не сомневаюсь. Я даже не уверен, что кто-то поверит в мои записи. Подумаешь, какие-то давние дела. Воспоминания... Ерунда, конечно. Вот только, я отправил их одному

знакомому издателю, — блефовал я по черному. — Но кого заинтересует книжечка писателя-неудачника? Осуждённого за убийство... С описанием давнего преступления... При чём замешаны там очень уважаемые люди... Пусть даже и из крошечного городка... Кому это будет интересно?

Алик надолго замолчал.

— Не хочешь по-хорошему! — наконец прохрипела трубка. — Ты труп!

Ха-ха! Нашёл чем испугать того, кто умер семнадцать лет назад!

Гостей долго ждать не пришлось. Я даже приоткрыл дверь. Зачем создавать людям трудности? Жизнь и без того штука сложная. Один из прятавшихся тогда на чердаке это уже знает. Испытал, можно сказать, на собственной шее. Ха-ха!

Так, значит я труп?! Нет, ребята, с таким раскладом Сид не согласен. Хотя, откуда взяться Сиду?! Хватит раздвоенный и игры в супермена. Хватит изображать доходягу с карандашом в руках, выпуская тёмную половину лишь в экстремальных случаях. Пришло время стать единым целым. Мои губы изогнулись в циничной ухмылке, коей я так завидовал в последнее время. В голове сложился готовый план действия.

Минут десять визитёры насильовали звонок, потом — удар в дверь такой силы, что содрогнулись стены. Так в гости приходят либо чересчур самоуверенные, либо совсем отчаявшиеся люди. Я затаился на антресоли.

— Выходи, падла! По-хорошему! — очень вежливое обращение. Характерный ляг. Теперь я уж точно не выйду. Абсолютно никакого желания схлопотать пулю. Виртуоз сыска — Барыбин — повернёт дело так, словно это я напал с оружием и вышиб себе мозги по неосторожности. Плавали — знаем.

Интересно, сколько у них стволов? Если один — дело небезнадёжно. В случае обыска вооружённый будет лезть вперёд. Моё спасение — неожиданность. Если обезвредить стрелка (на антресоль с пола не заглянешь, а человек на стуле — конструкция неустойчивая). Один точный удар — силы равны! Если только второй не успеет подхватить оружие. Если, если, если... Слишком много «если»! Впрочем, отступить всё равно некуда.

— Ну, выходи же! — голос Алика доносился то с кухни, то из комнат, возвращался в прихожую. Хлопнула дверь в ванной. — Ты что же, гад, в моём городе устроил?! Я тебя зубами рвать буду! Выходи!

Интересно, почему молчит Барыбин? Да и шаги вроде как одного человека. Устроили охоту по всем правилам? С загонщиком и засадой? Красные флажки часом, не захватили? Я невольно попытался вжаться в стену. Задел ворох старых газет. Алик моментально среагировал на звук.

— В прятки играешь?! — от его смеха у меня пробежал холодок по спине. — Палочка-выручалочка, зёма! Писатель, мать твою! Выходишь? Ну, смотри!

Внизу чмокнуло. Ещё раз. Ещё... В фанерных дверцах одна за другой появились круглые дырочки. Щепки ударили в лицо. Сыплющаяся с потолка побелка попала в глаза. Что-то ужалило в голень. Я вскрикнул.

— Попал, мать твою! — Альберт плотоядно хохотнул. Чмок, чмок, чмок. Новые дырки в фанере и новые дырки в моём животе, если бы не злосчастный тюк газет. Каким-то чудом я укрылся за ним почти целиком. На каждый выстрел я отзывался стоном. Алик отвечал торжествующим смехом.

Чёрт возьми, почему молчит Барыбин? Что он задумал?!

— Жив ещё?! — очередной выстрел. — Разоблачитель хренов! — вот он — долгожданный щелчок! Другого выхода нет! Несколько секунд, пока новоявленный Ворошиловский стрелок перезаряжает оружие. Или пан, или пропал!

Я оттолкнулся от стены. Держа газетный тюк наподобие щита, вышиб изрешечённую фанеру. Раненная голень отозвалась тупой болью. Пропитавшаяся кровью кожа штанов

неприятно хлюпнула. Точно напротив Альберт дрожащими пальцами судорожно перезаряжал уродливо-длинноствольный пистолет. Увидев меня, он по-волчьи оскалился. Обойма встала на положенное место. Лязг передёрнутого затвора прозвучал смертным приговором. Вот ведь семейка! Младший братец уже брал меня на мушку (слава богу, игрушечного пистолета), сейчас — черёд старшего! Он-то шутить не собирается!

Взгляд приковал безжалостно-тёмный провал глушителя. Никогда бы не поверил, что такая крошечная дырочка похожа на бездонный колодец, притяжению которого невозможно сопротивляться. Хочется расслабиться и падать, падать, падать...

Пока дурацкие мысли бились о чувствующую прицел лобовую кость, руки делали своё дело. Я метнул газеты, почти не целясь. Наугад. Через мгновение — чмокающий звук. Обожжённое ухо. Ругань Алика. И полёт. Полёт сорвавшейся с тетивы стрелы. Её двуногая мишень оказалось на редкость мягкой. Моя голова тараном ударила Альберта в грудь. Он коротко вякнул и отлетел прочь, сметая попавшуюся по дороге мебель. Пистолет кувыркнулся в воздухе. Приземлился за телевизором.

Тело бизнесмена впечаталось в стену и сползло на пол. Умиротворение сошло на его лицо. Альберт походил на спящего. Оглушённый и едва соображающий я вскочил на ноги. Пошатываясь, развернулся. Барыбин — единственная связная мысль в гудящем мозгу. Странное дело — за спиной никого не оказалось.

Я проковылял к окну. Сорвал штору. Кое-как перевязал ногу. Царапина, конечно, но терять кровь нельзя. Ясная голова нужна как никогда. Не давала покоя тёмная лошадка — Барыбин. Почему он ещё не объявился на сцене.

Кабелем от антенны я примотал бесчувственного Альберта к креслу. Гостю почести — соответственно поведению. Для успокоения нервов я принял двести грамм «Богородской». Удивительная гадость! Люди, признающиеся в любви к якобы национальному напитку — лжецы. Как можно любить разведённый водой технический спирт?! Неприязнь к Алику выросла вместе с теплом в крови. Отрава-то из его магазина! Сам, скотина, виски хлещет!

Чертовски хотелось пива. Проклятие, не успел заметить, как опустошил целый ящик. О его существовании напоминали лишь ряды пустых бутылок на кухне. Оставлю Игорю в наследст-во. Компенсация за проживание.

— Нет больше никакого Игоря, — подсказала память.

Действительно, нет. Он сделал выбор... Вернее, вынужден был сделать. Алла Александровна... Интересно, её уже нашли? Вдруг я загрустил. Нет, не родственные — упаси бог — чувства! Я представил жизнь этих людей. Людей, словно падальщики над добычей, дрожащих над своими страшными тайнами. Убеждающих себя, что ничего не произошло. Притворяющихся даже друг перед другом. Боящихся темноты и одиночества, потому что именно тогда к ним приходили призраки. Призраки воспоминаний. Призраки, гораздо больше реальные, чем полная притворства жизнь. Алла! Несчастливая девушка! Какая ни какая, но у неё была семья. Привычный образ жизни. Всё рухнуло в одночасье! Слава богу, она никогда не узнает, что её отец сделал с её же матерью. По крайней мере, не от меня! Пусть верит в возвращение мамы...

— Дай закурить, крутой, — на лице Альберта застыла неприязненная гримаса.

— Ну какой же я крутой? Это ты крутой. Я так — прогуляться вышел. «Пегас» будешь?

— Достань у меня из кармана нормальное курево!

— По чужим карманам лазить не приучен. А тебя уж, извини, не развяжу. Очень уж ты непредсказуемый... К тому же и вопрос о нормальности. По мне — очень хорошие сигареты.

— Скоро этого дерьма не будет! — Алик потешил себя мелкой мстостью. — На «Дукате» линию закрыли!

— Для тебя, вообще, ничего не будет. Гораздо раньше.

— Ты смертник?! Знаешь, кто за мной стоит?!

— Сейчас? Спинка старого кресла.

— Урод! Братца ты до петли довёл! Барыбу подставил! — я едва не подскочил от удивления! — Но со мной... Со мной... Давай, поговорим нормально!

— Ага, именно для этого ты и пушку с глушителем прихватил? Какой, типа, базар между пацанами без ствола! Не катит, в натуре!

— Не юродствуй! Я серьёзно говорю!

— У приятеля твоего проблемы значится? — я намеренно пропустил последнюю фразу мимо ушей. — По службе али как?

— А то ты не знаешь?! — Взгляд Алика всё вокруг превращал в пепел. Кроме кабеля. Пусть брату спасибо скажет. — Это не ты в областную прокуратуру письмо и бандероль с шарфом отправил?! Когда спереть только успел?! И там, козлы, быстро подорвались! Всегда бы так!

— Умеем, когда хотим, — для меня в его словах смысла было не больше, чем в разговоре двух китайцев. Однако я держал марку. Считаете меня виновником всех бед? Ненавидите? Даже боитесь! Добро! Я всегда готов помочь!

— Поговорим серьёзно, — похоже, Альберт уже видел себя не привязанным к спинке кресла, а заключающим контракт в офисе какой-нибудь фирмы, занимающейся оптовой торговлей. — Разнюхал ты всё. Не знаю как, но разнюхал. Чёрт возьми, сами виноваты! Лопухнулись! Ведь и тогда тебя за мёртвого приняли! Ладно, ты выиграл, я — в дерьме! Согласен. Сколько ты хочешь?!

— За что?

— Чтобы исчезнуть! Замолчать! Барыбин вывернется! Свалит всё на твоего братца-придурка! Он ведь жену замочил! Ты всего не знаешь... Я понимаю! Громкое дело. Солидные люди. Ты книжонку выпустишь. Сорвёшь куш. Я заплачу больше! Говори, сколько? А хочешь долю в деле?! Стабильную долю! Три точки! Твои будут по всем бумагам! Сиди себе, пиши, что хочешь, а денежки идут! Ну, что молчишь?!

— Я хочу правды.

— Какой?

— Настоящей. Единственной. Обо всём.

— Зачем?! Ты можешь объяснить — зачем?

— Чтобы знать... Знать — зачем я вернулся?

— Я тебе предлагаю деньги! Много денег! Столько, сколько ты себе не можешь представить! Нет, ты идиот?!

— Посмотрим, кому от этого будет хуже, — я достал из-за телевизора пистолет. Проверил обойму. Альберт торопился, заряжая, может патрон заклинить. Передёрнул затвор.

Ах, как «старый приятель» задёргался в кресле! Словно крыса в проволочной петле (есть такой варварский способ ловли серых разбойников). Оно и немудрено, жить хотят все: и хвостатый разносчик заразы, и владелец магазинов. Вот только много ли потеряет мир от прекращения их существования? Ответ скорее отрицательный, чем положительный.

Впившийся в тело Альберта кабель выдержал, а вот кресло опрокинулось.

— Сломаешь шею — добивать не буду, — предупредил я, возвращая экс-хозяину жизни

горизонтальное положение. — Воткну кляп и оставлю подыхать... Как друг твой — Игорь — мать своего ребёнка...

— Ты и это раскопал? — прохрипел Алик. — Я тут ни при чём!

— А господин Барыбин, помнится, говорил, что сокрытие преступления — само по себе преступление.

— Тебе старуха всё рассказала?

— Допустим.

— Придурок! Вечно перед бабкой спяну сопли распускал! Чего он раньше в петлю не влез! Так ты всё знаешь? И как он сдуру на этой полоумной шлюхе женился, как прибил её с перепугу! Потом на четвереньках ползал! Помогите! Я не хотел! Боренька, родной, придумай что-нибудь! Чтобы её не искали! Знал бы я тогда, что он всё бабке рассказывает! Ты её так же, как и меня расколол?!

— Своей смертью умерла.

— Раскаялась, значит? А ты тут как тут! Вместо попа исповедь принял. Лихой ты парень! Как я это сразу не понял. Какая тебе ещё правда нужна?

— Старухи не было тогда. На крыше.

— Зато ты был. Ты в своих тетрадках всё точно расписал. Осталось имена вставить и фотки прилепить. Готовое дело.

— Я хочу знать зачем?

— Что зачем?

— Зачем вы это сделали?

— Ты не понимаешь?! Меня, сучка, продинамила! Да, продинамила! В лицо смеялась! Трахай, говорит, куклу резиновую, у твоих родителей «бабок» хватит, а до меня не дорос ещё! Братец твой, вообще, свихнулся! Он же ей в женихи был записан, даже вроде и влюбился. И в неё, и в заграникомандировки её предков! А она ему — лучше в монастырь уйду, чем соглашусь на свадьбу! Лучше бы ушла! А то ведь с кем связалась? С тобой! Ах-ах-ах! Мы не такие, как все! Нам двоим ваша дерьмовая жизнь не по вкусу! Мы такие растакие, а вы грязь! Да вас все ненавидели! Даже бабка! Она и не особо сопротивлялась, когда мы вас припугнуть хотели! Покорёжилась немного и выложила ваше любимое местечко! Мы тебя и трогать не собирались! Поговорить! Если бы не ваша болтовня! Ах, забери меня отсюда! Ах я буду ждать! Ах, возвращайся! Дездемона хренова!

— Пенелопа, — поправил я автоматически.

— Что?

— Пенелопа ждала возвращения Одиссея.

— Выпендрёж! — взорвался Альберт. — Всё из-за вашего выпендрёжа! Думаешь я, или Игорь её ревновали?! К тебе! Хрена с два! Да хоть вы там перетрахайтесь! На наш век баб бы хватило! Нет, дело в том, как вы на всех других смотрели! По одиночке ещё терпеть можно, а когда вдвоём?! Ах, у нас чувства! Ах, нам ничего не надо! Ах, вы все не понимаете! За каким чёртом вы на крышу лазили?! По-людски перепихнуться не могли!

— Мы не за этим...

— Врёшь! Всё врёшь! Покрасоваться хотели! Я когда ваш лепет услышал — взорвался! Нет, думаю, хватит! Обоих сейчас за ноги возьмём и подержим над краем! Чтобы всё дерьмо наружу вылезло! Чтобы не считали себя умнее других! Меня эта сучка заметила! Я прыгнул! Ну, кто знал, что ты головой шибанёшься! Она визг подняла! Если бы не Барыба... Мы, когда уходили — ты мертвее мёртвого был. Мы с Игорем на следующий день приходили — ни

слушу, ни духу. Как в воду канул. Потом на похоронах объявился. Десять лет назад, помнишь? Братец твой тревогу забил, а ты, как появился, так и исчез. Ну, мы и решили — замято дело. Ты снова, как снег на голову! Ведёшь себя, словно ничего и не помнишь. Я решил, что ты тогда, шибанулся башкой и маленько того... с катушек съехал... Кинул ты меня! Как мальчишку кинул! Братец-то тебя сразу раскусил! Разнылся! Надо что-то делать! Надо что-то делать! Доделались! Один в петле, другой — под следствием, а меня придурок на мушке держит! Скажи, будь человеком, как ты догадался Барыбина подставить? Почему, в прокуратуре так засуетились? У тебя там связи? Чего ты хочешь?

— Правды. Рассказывай дальше.

— А чего рассказывать?! Барыбин и придумал тебя с той девчонкой повязать. Думаешь, эту потаскушку в посадках кто-нибудь заметил, если бы ни ещё два трупа?

— Хотели меня маньяком выставить? Как бы вам это удалось?

— Удалось бы не сомневайся... У Барыбина талант. У меня связи. Ты — чужак с тёмным прошлым, объявился ни с того, ни с сего, парнишек покалечил... Всё бы получилось. Не таким быкам шеи сворачивали.

— Игорю это расскажи, или сыщику своему расстриженному.

— Издеваешься? Что же, имеешь право! Только не обижайся, когда мой верх настанет!

— А он настанет? Уверен?

— Уверен! Мой верх всегда будет! Я здесь всё могу! Всё! Понимаешь?!

— Понимаю. Почеши нос, будь добр. Или макушку. Ты же всё можешь.

Лицо Альберта исказила такая ярость, что я невольно поднял оружие и отступил на шаг. На секунду показалось — кабель затрещит, порвётся, человек, могущий всё, вскочит с кресла и тогда конец. Умирать буду долго и мучительно. Алик сумел взять себя в руки. Даже выдавил подобие улыбки.

— Хватит, — давно забытый приятельский тон. — Погорячились оба. Хватит. Говори условия, и забудем всё, как страшный сон.

— Условия прежние.

— Правда?! Какая тебе ещё нужна правда?! Ты же всё знаешь лучше меня! Какого чёрта ты притворяешься! Ладно, получай! Получай всё до конца! Не знаю, как ты разнюхал о Борькиных слабостях, но ситуацию просёк верно. Ну ошибся он с той потаскушкой! Ошибся, понимаешь! Они сейчас все после уроков на трассу выходят. За пару баксов всё что хочешь сделают! Кто знал, что этой дуре действительно нужно до дома доехать?! Что она не кочевряжится?! Барыбин не привык тыл открытым оставлять! Вот и решил проблему! А ты бы что на его месте сделал!

— Значит... первую девушку он?

— А то ты не знал, что у Борьки слабость — малолетки! Ну, выезжал мужик раз месяц на трассу. Развлечься! Ты, вон, бухаешь по-чёрному! У него свой бзик! Ну не понял сразу, что не на шлюшку нарвался. Он ей потом сотню предлагал, а она вой подняла. Ну, он её... шарфиком. Всё продумал! Понимаешь всё! Даже шарфик не стал забирать. Сейчас многие их носят. мода! Сошло бы всё, как обычное подростковое изнасилование. И виновных бы нашли! Борька самолично бы каких-нибудь сопляков расколочил. Их вон сколько в КПЗ сидит. Никто бы не додумался экспертизу делать. Волокна и пот сравнивать. Тут ты объявляешься. Игорь в истерике. Вообще, какую-то ахинею понёс. Кто-то у него по дому ходит. Кто-то за ним наблюдает. Он, если что, молчать не будет. Ты, мол, во всём виноват. Отомстить приехал. Да ещё там кого-то разбудил. Бред полный! Ну, Барыбин и завёлся! Мы, мол,

говорит, двух зайцев убьём и от этого придурка, от тебя то есть, избавимся, и себе кое-что выгадаем. Вот и придумал историю с маньяком.

— И тех девочек он убил?!

— Как бы не так! Так серьёзные дела не проворачивают! Все задницы хотят прикрыть? Значит и доля у всех одинаковая! Вторая мне досталась. Я возле своего магазина на какую-то потаскушку наткнулся. Ещё курить попросила... Я её, когда душить начал, ну, перемкнуло что-то. Шея цыплячья, не сопротивляется даже. Ненавижу, когда не сопротивляются! Очнулся — сам обалдел! Бойня! Тут ещё какая-то пьянь в соседнем дворе завозилась... Ну, Борька потом сказал, что всё нормально. Даже хорошо. Маньяк, мол, почувствовал вкус крови. А братец твой всё испортил. Мало того, девку не пристукнул. Ещё и вопить начал, что покойная жена его вернулась. Что он её на дороге видел. Что она под колёса бросилась, а потом в кабине оказалась. Мы подумали, что вы с ним свою игру затеяли. Тут ещё записи твои...

В кармане плаща бизнесмена мерзко заверещало.

— Мобильник, — он почему-то испугался. — Ответить надо.

Я вытащил из его кармана пищаний прибор. Нажал на кнопку. Поднёс к уху Альберта. В другое ухо упёрся ствол пистолета. Для профилактики шальных мыслей.

— Да? — я мог только подивиться Алику — куда подевались дрожь в голосе и истерические всхлипы? Он говорил тоном уверенного в себе, слегка раздражённого звонком человека. Хозяина положения. Может я, действительно, схватил кусок не по своим зубам? — Да... Кто говорил? Ясно... Это точно... Выясни всё. Всё, я сказал! Денег дай! Я позже буду. Нет, перезванивать не надо. Не надо, я сказал! Всё!

Тон оставался прежним, но с каждым словом с лица Альберта сходила краска. По кивку я догадался, что связь окончена. Мобильник вернулся на прежнее место.

— Ты, действительно, крутой, — водянистые глаза потемнели и заняли половину лица. — Когда Барыбина арестовали, я понял, что у тебя завязки. Но такие...

— Что ещё?

— Как будто ты не знаешь! Барыбина, по ошибке якобы, в камеру к уголовникам посадили. Знаешь, что с ним там сделали?

— Догадываюсь.

— Слушай, — Альберт вдруг ожил. — Мы же с тобой вдвоём остались. Никаким краем этого дела не касаемся. Давай разбежимся, а? Ну, что тебе за дело до каких-то малолеток?! Всё равно бы спились или СПИД подцепили! Ну, извини! Недооценили тебя! Я умек ошибки оплачивать. Здоровьем клянусь!

— Нет, говоришь, дела до малолеток? — я чувствовал как мной всё больше и больше овладевает Сид. — А какое мне тогда дело до тебя? Ах, да — ты за всё платишь! Я товар, а ты купец. Так? Молчать! А мне вот, как ни странно, есть дело до малолеток! А ещё больше до того вечера! На крыше! Думаешь, сможешь откупиться?! Думаешь, я всё прощу!

— Но... , — Алик побледнел, я мог различить слова лишь по движению губ. — Но... ты же жив...

— Ты ответишь за смерть Аллы.

Альберт несколько секунд хлопал белёсыми ресницами. Лицо его исказилось плаксивой гримасой.

— Но я-то при чём? — заскулил он. — Я молчал... Признаю. Виноват. Но, пойми, я не знал, что ты выжил. Начали бы всё раскапывать. Стал бы я тогда покрывать этого идиота

Игоря! Если бы знать, что ты жив... Всё бы по-другому вышло...

— Что?

— Всё.

— Алла бы не разбилась, упав с крыши? Не говори чепухи!

— Кто упал с крыши? — его глаза наполнились ужасом. — Она?

— Да! Разве ты не помнишь. В тот самый момент, когда ты толкнул меня! Кто скинул её?! Игорь?! Барыбин?!

Альберт вжался в кресло. Он не мог справиться с дрожью. Ужас всё сильнее и сильнее сжимал его когтистыми лапами.

— Она не падала с крыши... — просипел бизнесмен. — Упал... ты... Она... визжала... Кто-то с нижнего балкона... милицию вызовет, сказал. Барыбин схватил... её... Убежали. Мы... с Игорем возвращались... Никого. Думали менты... забрали... Тебя нет... Не падала она с крыши! — вдруг завопил он. — Она с катушек съехала! Ничего не помнила! Братец твой на ней женился! Родня, кстати, не возражала! Потом спьяну решил, что она всё вспомнила и пристукнул! Я-то здесь при чём?!

Я снова летел через тёмную воронку. Меня больше не было. Не было Сида. Нечто, называвшееся Александром Завьяловым, перестало топтать землю. Я устал притворяться. Долгих семнадцать лет я пытался прорвать темноту. Завесу, мешающую обрести покой. Но я не мог. Я был привязан к тому миру. Миру живых. Я ведь обещал вернуться. Она ждала. Верила в моё возвращение. Даже тогда, когда лишилась памяти, когда умирала в подвале, когда, храня верность клятвы, смотрела на собственные кости. Разве мог я её оставить.

Я слишком долго возвращался. Я слишком долго ощущал себя живым. Я слишком долго не мог вспомнить. Я слишком долго не слышал чужих слов. Цеплялся за иллюзию. Теперь всё позади. Синюшное тело Игоря. Изуродованный труп Барыбина. Альберт ещё корчится в ванной заполненной битым стеклом. Бутылки пригодились. Жизнь покидает его неохотно. По капельке. Скоро он присоединится к своим друзьям.

Ещё там осталась наша дочь. Она молода. Одинока. Но время лечит. Всё наладится. Мы верим — она будет счастлива.

Воронка всё уже и уже. Впереди сияющий проход. Она берёт мою руку. Теперь нам никто не помешает пройти по радужному мосту.

Больше книг на сайте - Knigoed.net